

ВУГАЛБТЕР

**ВАШЕ
ОТКРЫТИЕ ОБЩЕСТВА,
ИЛИ
ФИЛОСОФСКИЙ ВОЯЖ**

Киев 1995

А. Л. Вугальтер

**ВАШЕ
ОТКРЫТИЕ ОБЩЕСТВА,
ИЛИ
ФИЛОСОФСКИЙ ВОЯЖ**

Киев 1995

ББК 60Ю055
УДК 301
В88

Предисловие рецензента - членкор. НАН Украины
Мирослава Поповича.

Вступительное слово редактора

Послесловие Президента Ассоциации Философского
Искусства кн. филос. наук
Назипа Хамитова

Редактор Л. И. Файбушевич

**Настоящая книга относится к категории элитарных
и рассчитана на эрудита.**

**Здесь Вы получите ответы на многие Ваши вопросы.
Но возникнут новые, ответы на которые уж не знает
никто.**

**После знакомства с книгой Вы сможете сказать себе,
что нет ничего существенного, чего бы знали другие и
не знал я.**

**Почерпнутые знания придадут Вам уверенность в
себе и заставят сомневаться в окружающем Вас мире.**

© А.Л. Вугальтер. 1995

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленная рукопись посвящена самым общим проблемам философии истории /философии общества/, а также методологии ее исследования.

Несомненно, это сфера, которая в общественном сознании в наше время представляет собой сплошное "белое пятно", усыпанное осколками рухнувшей идеологии, и интерес к ней у общества велик. Это значит, что книгу, наверное, купят. Далее, автор пришел в эту область, так сказать, "со стороны", но не отягощен ни предрассудками, ни положительным опытом и окинул территорию свежим взглядом человека, имеющего солидные познания в другой сфере. Такой свежий взгляд всегда полезен. Должен сказать, что по многим решающим положениям мне позиция автора импонирует. Наконец, книга написана легко, с вызывающим юмором и соответственно легко воспринимается.

Считаю публикацию книги А. Л. Вугальтера полезной в нашем мятущемся и ищущем обществе, преодолевающим массу мертвых традиций.

Попович М. В.
12.07.95

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕДАКТОРА

Аннотируемая книга носит разносторонний, почти энциклопедический характер. В ней затронуты проблемы методологии теоретического исследования общественных явлений, онтологии, злободневно-острые вопросы этики, религии, политологии и политической экономики.

Книга написана на профессиональном уровне и является философско-социологическим исследованием. Автор, стремясь избежать воспроизведения прописных истин, отказался от общеобразовательного характера повествования и предлагает вполне оригинальные решения затронутых в книге тем. В то же время, в проблематике и аргументации своих суждений он опирается на достижения мировой науки - не только общественного направления, но и физики, математики, логики, биологии, кибернетики и пр.

По существу, описываемая работа не принадлежит ни к одной из известных научных школ: философских, политических или экономических. Такое представление возникает потому, что автор исследует социальные явления непосредственно, не придавая доминирующего значения критике существующих теорий, с одной стороны, и не высказывая личных пристрастий по конкретно-практическим вопросам - с другой. Однако это вовсе не означает, что тематика книги лежит в стороне от "вечных вопросов"; напротив, автор акцентирует внимание на стыках и противоречиях тех или иных научных направлений, демонстрируя известную истину: на большинство традиционных вопросов не может быть никаких ответов, так как сами вопросы традиционно бессмысленны.

В то же время, в книге нет поддерживающих академическую традицию определений, что у известной категории читателей может вызвать подозрение, что автор с ними просто не знаком /синдром школьного учителя/.

Автор отходит от большинства традиционных представлений о предмете исследования и связях между явлениями, что заставляет читателя с консервативным складом ума искать в этом истоки эклектики.

Наконец, работа, включающая немало примеров из обыденной жизни, тем не менее, лишена однозначных в своей простоте умозаключений. Поэтому формально мыслящий читатель, способен застрять на уровне бытового восприятия.

Исходя из задачи, которую поставил перед собой автор, способ изложения материала носит фрагментарный характер, в котором, однако, прослеживается единый методический подход к рассмотрению разнородных вопросов. Язык книги лаконичен и прост, специальные научные термины использованы ограниченно и только в необходимых случаях. Каждая высказанная мысль конкретизируется поясняющими ее примерами. Как правило, материал разворачивается как бы в двух плоскостях: логической, поддерживающей номинативную тему, и иллюстративной, дающей научное толкование примерам, взятым из истории или современной общественной жизни. Изложение материала свободное и интригующее.

По своему содержанию и способу подаче материала книга рассчитана в равной мере на профессионалов-философов, социологов, прак-

тических политиков, экономистов и просто любознательных людей, прежде всего студенческую молодежь.

ВВЕДЕНИЕ

Начнем с того, что мы являемся противником все еще распространенного мировоззренчества, требующего некой завершенности в решении проблемы с вычлениением, так называемого, "главного".

Действительно, если признать истину абсолютной и бесконечной, как абсолютна и бесконечна природа вещей в целом и в каждой своей части, то становится очевидным, что ни один шаг, ни множество шагов "в поисках истины" ни на йоту не смогут приблизить нас к истине, ибо не возможно приблизиться к бесконечности (по ее определению).

Это означает, что процесс познания не является подобием целенаправленного движения.

Наука, таким образом, подобна впередидущему в никуда, остающемуся за собой все более длинный путь. Уровень научных знаний, если смотреть в историческом плане, определяется не степенью приближения к истине, но длиной этого пути. Вот почему, между прочим, то или иное научное открытие, сделанное в определенную историческую эпоху, не могло быть совершено в предыдущие исторические периоды.

Назовем это ограничение законом последовательного развития науки.

В то же время, любая определенность - будь то куст сирени, годы жизни человека, структура графита или политический режим и т.п. - есть граница бесконечности. Поэтому истина непосредственно реальна, недостижима и не постижима в одно и то же время.

Отказ от мировоззренчества, конечно, ничего общего не имеет с искусственной локализацией исследований. Напротив, любое исследование прежде всего должно определить конкретные размеры и грани системы явлений и системы знаний, в пределах которых предмет исследования сможет иметь достаточную завершенность, проявляющуюся в инвариантности системных связей, как это имеет место, например, в бухгалтерском балансе или в периодической системе Менделеева.

Необъяснимые процессы и явления составляют сущность, так называемых, "законов природы", в том числе природы человеческого общества. Поэтому простое "безучастное" признание фактов до их объяснения и независимо от возможности их объяснения является исходным моментом истинной науки в отличие от обывательского мышления, стремящегося и "способного" объяснить все и вся, пользуясь для этого "простыми рассуждениями" или системами специфических "знаний", или учений - религией, астрологией, парапсихологией и т.п.

Напротив, наша работа - не учение, а исследование, поскольку автор не поучает своего читателя, но считает необходимым доказать и объяснить, прежде всего, самому себе то, что, казалось бы, само собой разумеется, и не требует доказательств.

В заключение отметим, что фрагментарная структура изло-

жения (в отличие от монографии) была predeterminedena, в известной мере, нашим желанием обсудить только те идеи, которые отражают собственный взгляд на вещи, представляя современный подход к старой проблеме, без подробного пересказа известных вещей.

Для читателя, продвинувшегося дальше, чем автор, в изучении природы общественных явлений, наша книга будет представлять сопоставимый интерес.

СТРУКТУРА ИЗЛОЖЕНИЯ

Нет необходимости доказывать связность всех вещей и явлений как непосредственно, так и через посредство множества промежуточных звеньев. Нет также нужды обосновывать непосредственную и опосредствованную связь всех наук, научных направлений, теорий, принципов и т.п.

Такой взгляд мы будем называть объемным, в отличие от последовательного, линейного принципа, когда явления соединены между собой как бы в одном направлении и в одну цепочку. Последовательная форма представлений является традиционной и восходит к принципу примитивной причинности: "Чтобы одно вытекало из другого".

С другой стороны, независимо от формы представления о связи явлений, способ изложения материала может носить исключительно линейный характер, что, в свою очередь, оказывает обратное воздействие в пользу каузально-последовательного образа мышления.

Как же от линейной формы передачи информации перейти к объемной, вопреки фатальной последовательности изложения?

Попытки преодолеть эту трудность известны. Так, в жанре романа всегда возникает необходимость отразить одновременно ситуации, в которые попадают различные группы персонажей. При этом очередная глава строится на манер: "А в это время..."

Нормативная литература, в отличие от художественной, использует для структурирования изложения принцип "дерева", у которого имеется "ствол"- вводная часть, "ветви" - пункты, "листья" - подпункты и т.д., а для увязки различных глав между собой обычно используют систему ссылок.

Наш обзор методов переноса мыслей на бумагу не всеобъемлющ, но носит характер поясняющих примеров, являясь преддверием к разяснению структуры настоящей работы, в основу которой положены следующие идеи многогранного изложения:

- рассмотрение в отдельной главе, как правило, двух или более взаимосвязанных проблем. Материал подан как бы в двух плоскостях: логической, поддерживающей поименованную тему, и иллюстративной - в виде поясняющих примеров из общественной жизни, имеющих самостоятельное значение;

- ряд проблем может быть повторно рассмотрен в различных главах в разной связи;

- каждая из взаимосвязанных глав уточняет другие;

При этом автор не ставил перед собой безумной задачи - проанализировать связи всех рассматриваемых в книге проблем.

В конечном итоге, задача состоит в том, чтобы, вопреки линейности изложения, у читателя сформировалось объемное представление о предмете.

При чтении книг обычным делом является потребность обращаться к вышесказанному. Поэтому при выборе последовательности изложения мы решали задачу, разумеется на интуитивном уровне, как сократить число таких возвратов.

При всем при том, каждая мысль поддерживает и развивает другую, способствуя целостному, а значит менее искаженному восприятию.

Раздел 1. МЕТОДЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В СРЕЗЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ.

НАУКА КАК МЕТОД

Здесь мы намерены рассмотреть два круга вопросов:

- психологические методы исследования, как способы труда ученого-теоретика, учитывающие особенности человеческой природы;
- логические методы, как приемы мышления, подсмотренные и заимствованные у самой природы.

Каждому вопросу будет посвящен свой подраздел. Научный метод понимается нами исторически, т.е. в виде использования уже достигнутых научных результатов в качестве "направляющих" для дальнейших исследований. Именно здесь заложены преемственность и прогрессивность научного процесса.

Примером использования законов психологии, отнесенных к творчеству самого исследователя, могут служить:

- метод многократного возврата к одному и тому же вопросу;
- метод отказа от решения проблемы в традиционной постановке и т.п.

Другой пример. Закон инерциального движения может стать источником следующих логических методов:

- принципа недостижимости (ведь конкретной вполне инерциальной системы не существует и существовать не может);
- принципа спонтанности (для инерциального движения не требуется никаких причин);
- принципа единства противоположностей (инерциальный процесс в равной мере относится как к покоящемуся телу, так и к движущемуся) и т.п.

Методы теоретического исследования имеют свои особенности, принципиально отличающие их от методов, используемых в иных областях человеческой деятельности.

Так, если Вы разработали новый метод сталеварения, то будьте добры отлить и заготовку. Но если Вы пользуетесь определенным методом в воспитании своих учеников, то результаты, как известно, проблематичны. Что же касается исследовательского метода, то он лишь ступенька к познанию, ибо готового средства здесь не существует. Например, если Вы намерены опровергнуть примитивизм известного закона инерции или закона сохранения энергии, то метод "преодоления невозможного" позволит Вам безбоязненно взяться за решение этой проблемы, но сам по себе метод может служить всего лишь дополняющим средством к необходимому объему знаний о самом предмете и, разумеется, не способен заменить момента творчества.

АНТИНАУЧНОСТЬ НАУЧНОГО МЕТОДА

Как известно, сознание имеет две стороны: самосознание, или мышление, и подсознание, или интуицию. Мышление структурировано, оно по своему понятию не существует вне определенных форм и опреде-

ленных методов. Эти формы могут возникать неосознанно в процессе подражания и воспитания или, напротив, осознанно - в процессе обучения и творческой деятельности.

В то же время, методология познания по необходимости носит формальный характер, ограничивающий сознание самой определенностью метода и вытесняющий сознание в область самосознания. Формальный, методичный подход присущ, как известно, тем ученым, которые занимаются уточнением ранее открытых законов, утилизацией известных явлений и тому подобное, тогда как научные открытия есть результат работы неформального сознания, т.е. подсознания, не стесненного методическими рамками.

В то же время, каждое использование нового метода познания есть очередной шаг в науке, позволяющий продолжать работу, начатую подсознанием, уже в области самосознания и т.д.

Таким образом, научное творчество включает в себя процесс взаимодействия и взаимоотрицания самосознания и подсознания. Упорство же, проявленное в использовании того или иного научного метода, ведет после фазы успеха в тупик антинаучности, пока новый более продуктивный метод не придет на смену старому и т.д.

Раздел 1.1. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ

ИССЛЕДОВАНИЕ И КОНСТРУИРОВАНИЕ

Творчество ученого-прикладника (конструктора) состоит, как известно, в комбинировании ранее открытых и описанных законов и закономерностей, явлений, процессов, свойств и т.д.

В этом плане работа ученого-прикладника близка по своему характеру к работе инженера-конструктора, врача и т.п.

Напротив, задача ученого-исследователя состоит в том, чтобы усомниться в истинности известных законов, опровергнуть очевидные факты, выяснить, на каком уровне познания возникает инвариантность отношений между явлениями, что позволяет представить проблему в понятиях, наконец, дать им логическое описание и количественную оценку в форме постулируемого закона или вывести новые соотношения, новые знания из уже известных.

Если конструктор видит свою цель в том, чтобы из гранита сложить замок, то исследователь стремится раскрошить гранит, чтобы узнать его состав, структуру, обнаружить кристалл гранита - инвариант его структуры, измерить его физические свойства, сравнить их со свойствами других пород и т.д.

Результат работы прикладника-конструктора практичен и рационален в том смысле, что, руководствуясь его проектом, организованное множество работников может непосредственно осуществить его идеи и, что важно, реализованный проект (например, дом) сразу же приобретает некую "полезность".

В противоположность сказанному, результаты работы исследователя сами по себе бесполезны, непрактичны и в этом смысле иррациональны. Они могут оказаться (а могут и не оказаться) практически полезными лишь через посредство конструирующей (инженерной) мысли.

Так, исследователь стремится обнаружить инвариантные связи в хозяйственных отношениях, найти математическую модель экономики, тогда как ученый-практик на основе полученных знаний формирует систему юридических актов, реализация которых, в свою очередь, позволит удовлетворить интересы одних слоев общества, может быть, в ущерб интересам других.

Если исследовательский метод телеологически нейтрален, то конструктивистский - целесообразен, непосредственно направлен на достижение "полезного результата".

При этом, невзирая на исходную субъективность целеустремленного творчества, результаты конструктивных разработок могут стать объективными.

Так, здание, предназначенное для тюрьмы, в дальнейшем может быть использовано как гостиница, склад или музей и т.д., то есть объект продолжает жить своей собственной жизнью, отличной от первоначального замысла.

Напротив, творчество исследователя объективно изначально, по своей интенции.

Конструкторская мысль моделирует нечто такое, чего никогда не было, реализуя тем самым задачу "всемирного разума", а мозг исследо-

вателя создает модели существующих явлений, процессов, свойств, отношений..., отображая то, что уже создано "всемирным разумом". Таким образом, если работа конструктора вписывается в наши представления о фундаментальных структурообразующих свойствах природы, которые мы называем всемирным разумом, то для исследовательского труда мы не можем подобрать аналог в мире объективного, что представляет интересную философскую проблему. И здесь следует, на наш взгляд, обратить внимание на принцип репликации - когда нечто воспроизводит само себя или уподобляется другому /рост кристаллов, микрия и пр./.

В чем отличие политической экономии от экономики? Предмет у них один и тот же - это хозяйственные отношения: производство, распределение и прочие виды полезной деятельности, т.е. такой деятельности, ради которой ее потребитель готов или вынужден отказаться от принадлежащей ему части благ в пользу исполнителя или третьего лица /социальные нужды, армия, а также разбой, рэкет, взяточничество и т.п./.

Цели же разные. Политическая экономия по своей идее - это фундаментальная наука, занимающаяся только исследованием своего предмета, тогда как экономика - прикладная дисциплина, предлагающая средства модификации организации хозяйства. Они различаются так же, как физика и прикладная механика, как биология и животноводство и т.п. /Следует подчеркнуть, что, в соответствии со своими задачами, экономика есть общее название узконаправленных наук: экономики сельского хозяйства, экономики деревообработки, экономики торговли и т.п./.

Исходя из указанного соотношения, политическая экономия должна служить теоретическим базисом для экономики и пользоваться ее результатами для проверки сформировавшихся идей.

Но это только принцип, далекий от сегодняшней действительности. Сегодня мировая политическая экономия, если она не выродилась в учение об общих проблемах экономики, есть скорее философская дисциплина, которая, вследствие безосновательной умозрительности, никак не способна взаимодействовать с экономической наукой, лишая последнюю теоретических основ, а значит - рационального субстрата. Поэтому-то современная экономика больше напоминает алхимию или химическую науку до открытия электронной структуры атома.

Экономика, невзирая на ее амбициозность, не является целеуказующим средством /как и любая другая наука - фундаментальная или прикладная/, но подобна перенастраиваемому инструменту в руках государства или частных субъектов хозяйствования. Перед экономикой стоит вопрос: "Как сделать?", а не - "Куда идти?". Поэтому эффективность экономики ограничена объективными обстоятельствами и историческим уровнем развития науки.

Следует отметить, что внедрение в экономику в последние годы специального математического аппарата - математического программирования, кибернетического моделирования, теории графов, теории управления и пр. - может служить одной из предпосылок для объективного прогноза отдаленных результатов того или иного начинания. Другой необходимой предпосылкой успеха является использование знаний о хозяйственных отношениях, формирование которых, как мы сказали,

относится к задаче политической экономии.

Иное дело, что экономика, как история, политология, и др. общественные науки, в силу социально-политического момента, не используется в меру всех своих возможностей и способна к вырождению в квазинаучное подкрепление господствующей идеологии.

Если перейти в этом плане от экономики к политической экономии, то можно заметить, что идеологическая /то есть, ненаучная/ составляющая содержится в самом "теле" этой науки. Сюда относятся, прежде всего, аксиологические категории, определяющие, что хорошо для общества, а что плохо, предложения по выбору наилучшего пути, абсолютизация идеи общественного прогресса и саморегулирующих свойств капиталистической экономики, нравственная проблема в модели эксплуатации человека человеком, идеи о добром царе, мудром правительстве или добропорядочном бизнесмене и т.п.

Наряду с более или менее очевидными идеологическими опусами, политическая экономия может быть представлена внешне нейтральными моделями хозяйственных отношений, которые, однако, служат целям идеологической поддержки и потому изначально антинаучны.

Вопреки сказанному, издержки общественных наук вовсе не отрицают возможности их научного существования и научного развития. Так например, при межгосударственных расприях, каждое из государств вольно аргументировать свою правоту специально подобранными историческими фактами, что само по себе ни сколько не умаляет добросовестный нейтралитет исторической науки и т.д.

Итак, мы охарактеризовали особенности творчества ученого-исследователя в сопоставлении с близким к нему и отличным от него творчеством ученого-конструктора.

МЕТОД ЦИКЛИЧЕСКОГО ВОЗВРАТА

Этот метод очень прост. Он состоит в цикличности многократного возврата исследователя к началу одного и того же вопроса.

Суть его заключается в том, что не следует упрямо изо дня в день "долбить" один и тот же вопрос, ибо это путь к мистике. Напротив, изучая новые и новейшие проблемы, Вы возвращаетесь к одному и тому же вопросу, обогащенные новыми и разносторонними знаниями, что позволяет рассмотреть его под новыми углами зрения, уточнить место данного вопроса в общей системе знаний, воспользоваться новыми методами для его решения.

Итак, если Вы исследуете некую проблему впервые, то можете быть уверены в том, что Ваш подход будет, по необходимости, поверхностен и односторонен, а самые оригинальные мысли окажутся плодом досадных заблуждений.

Другой задачей циклических возвратов является преодоление инертности сознания - следствия общественных и личных предубеждений, печати первых впечатлений - того, что "бросается в глаза".

Ответьте, пожалуйста, какая партия Вас привлекает: демократическая или фашистская? Правильно, Вы "сходу" остановили свой выбор на одной из них, однако, после многократного возврата к этому вопросу (по зрелом размышлении) становится ясно, что, невзирая на их несовместимость, они исторически равнозначны, ибо все зависит не от

их исходных позиций, не от их идеологий и уж, конечно, не от самоназвания, но от статус-кво, от той роли, которую они вынуждены играть в объективно сложившейся ситуации.

Так, Российская социал-демократическая рабочая партия, зиждущаясь первоначально на либеральных идеях, под давлением обстоятельств поэтапно трансформировалась в военно-революционную партию коммунистов-большевиков, затем - в партию государственного террора (период военного коммунизма), затем (во время НЭПа) в ней снова проявились черты либерализма, затем (период коллективизации деревни) - в партию тоталитаризма и т.д.

Таким образом, метод циклического возврата есть психологический прием, позволяющий исследователю последовательно уточнять, углублять и расширять познания о предмете.

МЕТОД ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕВОЗМОЖНОГО

На основе опыта или знаний, или подспудно возникших представлений человек склонен подсознательно устанавливать рамки и барьеры для своей фантазии. Этим и определяется категория невозможного. Невозможное относится не только к объективной сфере, но и к собственному познавательным возможностям человека. Кто, например, может иметь целостное представление о работе тепловой электростанции - сложной системы, одновременно включающей мириады состояний, или о квантовых явлениях, или о распространении электромагнитных волн, не говоря уж об общественных явлениях? Никто. Но это не означает, конечно, непознаваемость этих феноменов или невозможность их существования.

Метод преодоления невозможного состоит в следующем. То, что представляется невозможным, представлялось таковым, как правило, и Вашим предшественникам. Значит, это именно та область, в которой, возможно, кроется некая загадка и, конечно, содержится решение проблемы.

Здесь мы не постулируем философское обобщение о том, что "все возможно".

Термин "возможное" многоаспектен. "Возможно то, что существует или иногда случается" - писал в "Аналитиках" Аристотель. Возможное может иметь и прогностический смысл. Пусть, например, еще ни разу не выпадала пять раз подряд цифра "6" при бросании кости. Однако при достаточно большом количестве бросаний такое обязательно должно случиться, то есть оно возможно. Наконец, возможное понимают, как отрицание запретов в природе вещей. Но если невозможное не существует, то его противоположность - возможное неопределимо как понятие. Иными словами, если мы моделируем реальность посредством абстрактных понятий, то такая модель может иметь смысл, если только эти понятия попарно противоположны /как минимум/. Поэтому логичным требованием к познающему сознанию будет принцип преодоления иллюзии в с е в о з м о ж н о г о. Ведь любой закон есть отображение определенных ограничений, свойственных объективному миру.

Невозможное, как нам представляется, действительно не возможно,

но лишь в некоей одной плоскости - именно в той, в которой мы обычно представляем себе то или иное явление.

За примером обратимся к проблеме энергетики управления. Определение понятия управления состоит в том, что малое воздействие, малая сила, малая энергия способны вызвать большие изменения большой силы, большой энергии и т.п. Но как возможно такое, коль скоро мы признаем действие законов сохранения количества движения, сохранения энергии и др.?

Вначале, в качестве поясняющего примера, рассмотрим работу электронной лампы - триода.

Нам не удалось отыскать более простой пример, на котором можно было бы продемонстрировать энергетическую сущность управления. Для общности изложения мы постараемся дать не техническое, а логическое описание работы этого электронного устройства.

Работу триода можно представить в виде взаимодействия двух пересекающихся токовых колец. Ток большой величины, идущий от анода к катоду, создается большой электродвижущей силой; ток очень малой величины, создаваемый малой электродвижущей силой, идет в противоположном направлении - от катода к окружающей его сетке, расположенной между катодом и анодом.

При этом мощный анодный ток регулируется весьма слабым током, проходящим через сетку. Но это не означает, что малая энергия создает большую. Анодный ток создается собственным мощным источником энергии и лишь ограничивается сеточным током. Таким образом, нет нарушения закона сохранения энергии; невозможное есть не возможное.

И малый потенциал сетки, близко расположенной к катоду, оказывает действительно большее воздействие на анодный ток, чем потенциал удаленного анода. Таким образом, и в этом пункте чуда не происходит: большие силы преобладают над меньшими, а не наоборот... Но в итоге выходит, что меньшие силы воздействуют на большие. Поскольку же управляющий ток может только ослабить величину основного тока, то назовем такой случай управлением по ограничению.

Рассмотрим иной технический случай - работа магнитного усилителя. Мы не будем здесь описывать его конструкцию.

Если управляющий ток сетки лампы-триода способен только ослабить главный анодный ток, то управляющий ток магнитного усилителя, напротив, уменьшая естественное сопротивление, способен увеличить ток главной цепи. Но, как и прежде, главный ток создается собственным мощным источником энергии. Назовем этот случай управлением по высвобождению.

Теперь рассмотрим феномен управления под иным углом зрения. Пусть трубопровод с регулирующей заслонкой идет от некоего озера. Заслонка может уменьшать проток воды и полностью перекрывать воду. Но что смогла бы сделать заслонка, будучи установленной не на трубопроводе, а, скажем, посреди широкой реки? Иными словами, чтобы управлять, недостаточно иметь управляющий орган и мощный поток энергии, но прежде всего необходимо как-то ограничить этот поток (заклучив его в трубу, например). Назовем это принципом локализации управляемого агента.

Теперь возьмем пример из живой природы - приручение лошади.

Прежде всего, на лошадь следует надеть сбрую (принцип локализации). Теперь остается, используя сферу рефлексов, воздействовать на ее мозг.

Таким образом, слабосильный наездник не непосредственно управляет мощным телом лошади, но через ее управляющий орган - мозг, что возможно лишь постольку, поскольку лошадиная сила подвластна лошадиному мозгу. Итак, возвращаясь к основной теме, отмечаем, что невозможное, взятое в одном измерении (человек слабее лошади), вполне возможно в другом измерении (человек использует средства обуздания, действующие сильнее, чем спонтанная воля лошади).

Посмотрим, как работает принцип локализации в человеческой истории. Лишенный всех прав раб, становится легко управляемым. Пролетарий (в буржуазном обществе) рождается уже лишенный средств существования. Эти средства дозировано возвращают ему при условии найма на ту или иную работу.

Пролетарий в социалистическом обществе частично лишен юридических прав (как раб), частично - средств существования (как в буржуазном обществе). Поэтому работа ему обеспечена, но трудиться на ней он должен обязательно и т.д.

Вообще говоря, феномен управления внутренне присущ живой природе. Так, подсолнечник поворачивается в сторону солнца, хотя поглощенной мощности солнечных лучей явно недостаточно для этого; так, вылупившийся из яйца утенок непосредственно следует за движущимся предметом (что принято называть подражательным рефлексом) и т.д.

Когда говорят об управлении, то обычно подспудно имеют в виду, что один навязывает свою волю другому. Мы же видим, что управление существует в мире живого, прежде всего, как спонтанность.

Поэтому всегда будет обречена на неудачу попытка объяснить общественные отношения только целенаправленным, произвольным управлением, упуская из виду действие непроизвольной составляющей (начиная, хотя бы, с подражательных действий ребенка, "воспитания" личным примером и кончая чувством сострадания, сопереживания, способностью принимать решение на основе случайной информации, различными формами общественной самоорганизации и др.).

Другое дело, что этот эффект самопроизвольного управления человек стремится использовать в "своих целях", разрабатывая для этого специальные средства воздействия.

Теперь становится понятной возможность невозможного, когда, объединившись посредством непроизвольного взаимоправления (согласия) элитарная малая социальная группа целенаправленно фильтрует информацию перед передачей ее народу, корректируя, таким образом, процесс естественного самоуправления.

Продолжим наш экскурс в область человеческого управления. В чем мы видим особенность человека-лидера?

Это, прежде всего, личность, которая на единицу затраченных усилий стремится получить максимальный результат. Но в этом, как мы видели, и заложена идея управления: малым воздействием достичь большого эффекта. Итак, лидер - это человек управляющий.

Его противоположность и объект воздействия - это конформист.

Последнему присущ синдром подражательства, стадности.

Но можно ли "пахать" на любом конформисте? На лошади - можно, на зебре - нельзя; на собаках можно ездить, на волках - нельзя и т.д.

Так и люди подразделяются от природы на легко управляемых и неуправляемых. В общем случае это дает следующие типы социального характера:

-лидер управляющий - руководитель производства, государственный деятель, атаман преступной шайки;

-лидер управляемый - передовик производства;

-конформист неуправляемый - деятель искусства, мелкий ворюшка и т.п.

-конформист управляемый - "средний" трудяга, пропойца.

Особый интерес, на наш взгляд, вызывают механизмы управления, действующие внутри "силовых структур" - армии, милиции и др.

Армия является главным карательно-ограничительным органом, обеспечивающим возможность государственного управления, как трубопровод обеспечивает возможность регулирования заключенного в нем потока. Это тривиально. Но армия отлична от трубопровода тем, что состоит из того же "материала", что и устрашаемое ею общество. Поэтому остается неясным, благодаря какому механизму армия управляется внутри самой себя. Как это возможно и почему это возможно?

Во-первых, читателю должно быть более или менее ясно, что организованное офицерское правление простым своим существованием предупреждает самую возможность спонтанной организации солдат, ставя их тем самым в положение самых бесправных граждан государства. Стереотип слепого подчинения, культивируемый в армии, является необходимым моментом ее организации, как таковой. Малые организованные силы управляют большими неорганизованными силами - этот факт здесь лишь отмечен и требует специального исследования. Однако ничто, казалось бы, не способно объяснить ситуацию, когда один солдат внутренне готов по приказу офицера арестовать другого солдата - своего товарища, но он и не помышляет о том, чтобы арестовать своего офицера.

Ведь ясно, что офицер-участник возможного инцидента - мгновенно и непосредственно найдет поддержку у всего офицерского корпуса, а значит, у всей армии, где управляемость базируется на отношении личной зависимости, состоящей в интересе подчиненного угодить начальнику и тем самым уменьшить степень его насильственного произвола.

Офицер же знает, что его привилегированное по сравнению с солдатом положение в армии есть результат не личных заслуг, но работоспособности системы. Отсюда создается самостабилизирующаяся, саморегулирующаяся, самоуправляющаяся ситуация: как только кто-либо один будет несогласен подчиниться, так сейчас же ему будут противопоставлены много согласных. (Овцы приручают волков). Другой причиной готовности подчиниться является чувство соперничества между равно-бесправными, которое поддерживается системой дифференцированных солдатских званий - старшина, сержант, ефрейтор и т.п.

Однако, если армия способна самоуправляться, то такая же способность и по тем же причинам должна быть присуща и остальному обществу. Поэтому роль армии и прочих силовых институтов в общественном управлении остается до конца не выясненной.

Мы можем лишь высказать гипотезу о том, что при качественном тождестве управления в любой среде, управление внутри военизированной структуры более эффективно, чем в гражданских структурах.

Для выхода из тупика, в который нас загнала строгая последовательность рассуждений, взглянем на проблему управления с иной стороны, а именно с учетом сил реакции, ослабляющих управляющее воздействие.

Действительно, то, что действие и противодействие нераздельны - это один из общих законов природы, так что здесь доказывать ничего не приходится. Законы равенства противоположно направленных сил, равенства количества движения, возникновение сил сопротивления трению, равно как и борьба политических партий - лишь частные случаи проявления этого закона. Частным выражением этого закона выступает, между прочим, и закон инерции, ибо там, где отсутствует сила, отсутствует и реакция на нее.

Управление, зиждущееся на насилии с использованием армии и пенитенциарных органов, и управление спонтанное, основанное на свободе выбора и свойственной хозяйственной деятельности, являются взаимообусловленными сторонами одной медали. Ведь не будь свободы, не было бы и предмета для насилия.

Особенностью феномена управления является монотонное возрастание сил реакции со временем, что в конечном итоге приводит к краху текущей управляющей системы.

Назовем эту тенденцию законом разрушающего воздействия. Известно, однако, что естественные силы реакции можно умножить или, наоборот, временно ослабить теми или иными структурными дополнениями и преобразованиями.

Отсюда сразу возникает идея о двойственной функции силовых структур - армии и пенитенциарных институтов - в сфере общественного управления:

- обеспечение самих условий управляемости в обществе /о чем говорилось ранее/;

- ослабление общественных сил реакции, противодействующих управляющему началу.

Исходя из новых представлений, напрашивается вывод о том, что функционирование силовых институтов не является необходимым условием социального управления. Напротив, они играют роль вспомогательных средств повышающих эффективность управления и препятствующих его быстрому краху.

Феномен армии интересен еще и тем, что объединяет в себе противоположности управления и прямого, равносильного воздействия, то есть воздействия на силу еще большей силой.

Прямое воздействие, таким образом, есть граница управляемости, а значит, граница общественной организации, как таковой. Так что, если мы говорим, что войны (как пример прямого воздействия) имеют столь же объективные начала, что и мирные периоды, то это должно означать признание невозможного - сосуществование обществуразрушающих и обществообразующих начал. Цель прямого воздействия, как нам представляется, состоит в том, чтобы принудить объект опуститься в "потенциальную яму" управляемости.

За что ведется гражданская война? - За формы управления. А зах-

ватническая, освободительная, отечественная война? - За зоны управления.

Из этого можно сделать вывод, что проблемы управления не могут быть вполне разрешимы в пределах собственных рамок, но решаются, как это ни кажется невероятным, прямыми силовыми средствами.

Вообще, для живой природы в целом и для человеческого общества в частности характерно, что более сложные формы, возникшие из простых, не только полностью не уничтожают своих предшественниц (как это возможно?), но могут существовать параллельно с ними и благодаря эксплуатации последних. Так, высшие животные обречены питаться низшими, а самое совершенное демократическое общество окажется не жизнеспособным без антидемократических структур - армии, полиции, пенитенциарной системы и др., свойственных более ранним историческим образованиям.

Следующая особенность общественного управления состоит в том, что человеком не всегда можно руководить непосредственно. Управляющему вовсе не требуется думать за управляемого, но последний сам / в своих мыслях и поступках / будет действовать в интересах власти имущего. Так, когорта ученых работает на свое правительство и т.п. Где же здесь эффект усиления? Мы подходим к определению очередного чуда, когда результатом усилий является информационная продукция мозга.

Это управление наоборот: на ученого нужно трудиться, его нужно кормить, одевать, развлекать и т.п., а в результате получим слабый след пера на бумаге. Конечно этот результат промежуточный. Он будет подхвачен множеством людей, занятых "физическим" трудом и претворен в ирригационное сооружение, атомную электростанцию и т.п. Но это не может умалить факт ослабления /а не усиления/ воздействия, как один из моментов управления. Более того, в процессе передачи-восприятия творений искусства механизм управления "по ослаблению" является не опосредствующим звеном в общей цепи, но конечным результатом воздействия. Здесь мы сталкиваемся с очередной трудностью - кто кем управляет: зритель артистом /когда скоро он финансирует последнего/ или артист зрителем, передавая перцепиенту определенное настроение и мировоззрение автора? Мы подошли к одной из границ определения понятия управления. Перейдите эту границу и Вы сделаете невозможное.

Итак, в признании невозможного, как такового, и одновременно как одну из сторон многообразия, мы усматриваем психологическое средство его преодоления.

МЕТОД БЕЗРАЗЛИЧИЯ

Что касается отношения ученого к своему труду, то мы должны констатировать, что естествоиспытатель и социолог обречены работать в различной психологической ауре. Естествоиспытатель, в отличие от социолога, заведомо "выше" объекта своего исследования. Ему поэтому много легче настроиться на теоретически безразличное отношение к предмету. Ведь только не предвосхищая результат, естествоиспытатель способен "объективно" исследовать предмет, раскрыть его истин-

ную природу, отыскать то, что есть на самом деле, а не то, что хотелось бы найти.

Напротив, социологу приходится прилагать особые усилия, используя специальные защитно-психологические приемы, чтобы в теории стать беспристрастным к интересам своей социальной группы, к судьбам человечества, чтобы, отбросив желаемое, проникнуть в суть неизведанного. Мы уж не говорим о необходимости преодоления ученым-социологом конкретного политического давления и навязанной ему государством идеологической предрасположенности.

С этой целью можно вообразить себя инопланетянином, которому любопытна природа человеческого общества и абсолютно безразлична его судьба. Можно поступить иначе: вообразить человечество, состоящее из насекомых, подопытных кроликов и др.

В отличие от естествоиспытателя, социолог вынужден больше сил тратить на преодоление априори существующей собственной идеологизации, чем на исследование объективных явлений, как таковых.

В этом социолог подобен экспериментатору, невольно создающему помехи в своей работе и целенаправленно борющемся с ними, не будучи способным преодолеть их до конца. Эти "помехи", как понимает читатель, состоят в невольном отображении в теории некоего интереса, вместо представления феномена в чистом виде без субъективизма т.п.

Чувство безразличия, таким образом, есть труднодостижимое психологическое состояние, которое отличает ученого исследователя от идеолога-практика или "домашнего философа".

МЕТОД АКЦЕНТУАЦИИ "ТРУДНЫХ МЕСТ"

Зачастую иной автор научной работы старается более или менее удачно обходить трудные места в изложении материала. Поэтому у читателя возникает впечатление, что он недопонял чего-то самого простого - того, что наиболее ясно автору и поэтому не требует пространных разъяснений.

Вопреки сложившейся практике, способность выявления трудных мест в теоретическом анализе позволяет тем самым представить неслучайные узловыe вопросы исследования в виде научной проблемы. Уже "простое" акцентирование внимания на, так называемом, трудном месте - нерешенной или неразрешимой трудноулавливаемой проблеме - само по себе есть творческий процесс, точнее, первый его результат.

Чаще всего трудность возникает там, где проблема лишь ощущается, но по ней не удается собрать достаточного количества связанных сведений, что не позволяет воспользоваться ни одним из известных логических методов.

Поэтому явное выделение трудного места и концентрация внимания на путях его разрешения есть особое средство исследования.

Так например, из известного факта существования в Австралии первобытных племен, образ жизни которых не изменился за последние 40 - 50 тысяч лет (основной вид занятий - собирательство), мы приходим к выводу, что переход от первобытного, по существу животного, существования к фазе саморазвития (приведшей человечество к цивилиза-

ции) не есть необходимость, присущая самой природе человека, а, напротив, является случайностью, сопряженной с некоторыми внешними обстоятельствами. Этим, между прочим, непосредственно развенчивается идея предопределенности возникновения человеческого общества, "человека разумного", что не укладывалось в общую схему знаний о природе вещей.

Напомним читателю, что смысл предопределенности человеческого развития заключается в идее, согласно которой при возникновении человека в нем уже якобы была заложена потенция заведомо большая, чем требуется для простого выживания.

Собственно говоря, феномен человека, состоящий в том, что неизменный биологический вид может существовать в виде различных общественных структур, не является исключением.

Так, волки в холодную зиму, меняя форму летних отношений, собираются в стаи; так, перелетные птицы изменяют структуру своей организации на период перелета и т.п.

Возвращаясь к предыдущему и используя объявленный метод, мы акцентируем внимание читателя, прежде всего, на том, что нам неизвестно, а именно, какие условия возникли или должны были возникнуть на Земле для метаморфозы большей части человечества от состояния дикости к цивилизации. Этим мы показываем, что является препятствием для уяснения вопроса общественного развития, тем самым поднимая новую проблему в науке.

Неподражаемая особенность человеческой популяции заключается в саморазвитии общественных отношений. И это тоже следует считать трудным местом, поскольку особенность, коль скоро она исключительна, выпадает из единой природы вещей и т.п.

Итак, метод акцентуации трудных мест, как разновидность метода безразличия, есть психологический прием, позволяющий обнаружить проблему там, где для обыденного мышления "все ясно".

ЭСТЕТИКА НАУКИ

Как принято считать, наука видит свою задачу в обнаружении симметрии в природном хаосе. В этом состоит красивость научных представлений, что отличает их от обыденности обывательского синкретизма. В частности, философская наука достигает завершенности и определенности, рассматривая свои объекты издали, тогда как вблизи они имеют "расплывчатые" очертания.

Отметим, прежде всего, что мы используем научное понятие симметрии как синоним инвариантности в мире хаоса: пространственной, временной, процессуальной, логической... Вообще говоря, безразлично, что выбрать за "систему эстетического отсчета": симметрию ли с элементами хаоса (асимметрии) или асимметрию с вкраплениями инвариантов.

Действительно, эстетическое воздействие оказывает повторяемость почти одинаковых музыкальных фраз, появление почти одинаковых "барашек" на море, почти симметричная композиция жанровой картины, ритмы и рифмы стихотворения, почти единая линия сюжета и т.п. Так или иначе, симметрия - один из важнейших моментов прекрасного.

Много труднее обнаружить симметрию в плане образования понятий, то есть в научной области.

Вот некоторые известные примеры. Так, хаос материального разнообразия объединила красота античной атомистики; представление об атоме, как неделимой частице, было впоследствии аранжировано единой "планетарной моделью", сменившейся, в свою очередь, изящным набором взаимопревращаемых элементарных частиц и т.д.

Теперь примем к рассмотрению хаос под названием "история человеческой цивилизации", включающий многообразие стран, народов, культур, политических режимов, деяний государственных мужей, военных действий, бунтов, революций и т.д. Перечисленное многообразие явлений скрывает внутреннюю красоту истории от поверхностного взгляда. Но достаточно было науке (еще древней) вычленить ограниченное количество форм управления государством (аристократию, демократию, тиранию, олигархию и др.) и раскрыть феномен их повторяемости (то бишь, инвариантности) во временном (историческом) и пространственном (мультигосударственном) срезах, как история предстала перед нами в изящной форме почти "спирали".

Непредубежденный читатель может задать вопрос: "Зачем вообще связывать исследовательскую науку с эстетикой, относящейся к области человеческих чувств? Разве наука творится не разумом, а эмоциями?"

Мы не исследуем здесь роль чувства в научном творчестве. А эстетику мы привлекли, главным образом, потому, что идеи симметрии и инвариантности давно в ней используются и поэтому хорошо разработаны.

Разумеется, эстетика науки доступна, прежде всего, людям науки. Можно предположить, что именно потребность в прекрасном служит

движущим мотивом в фундаментальных науках, коль скоро прикладное значение открытий не прогнозируемо по определению и не может служить мотивацией научной деятельности.

Эстетическое восприятие, конечно, объединяет науку и искусство. Но в области искусства симметрия создается человеком специально. Причем, искусство постольку оказывается доступным массам, поскольку выражает мнения народа о прекрасном.

Ведь искусство по своему понятию есть средство эмоционального общения. Смысл такого общения состоит отнюдь не в общении художника с массами (как это принято считать), но в единстве восприятия разными людьми предмета искусства и формировании на этой основе единого мироощущения, единой эмоциональной направленности, единого мировоззрения вообще.

Напротив, наука не генерирует, а раскрывает симметрию в объективном мире, поэтому научный метод противоположен мнечеству, противоположен искусству.

Нам представляется неслучайным такое тяготение души к симметрии. Действительно, те же понятия тождественности и повторяемости, которые служат субстратом в определении симметрии, являются ведущими понятиями в определении структурности вообще, как дискретно-качественного представления о мире, как антипода хаоса и безусловной составляющей всего живого /в том числе общественного/ - всего, что может быть организовано.

Та же идея повторяемости позволяет говорить нам о сложности структуры, как о структуре структур и т.п.

Даже самый запутанный лабиринт - пример структуры - состоит из чем-то подобных, повторяющих друг друга прямолинейных или дугообразных участков, поворотов, перекрестков... Если же продолжить усложнять и разнообразить наш лабиринт, то мы тем самым выйдем за пределы понятия структуры в область хаоса. /Так, последовательное усложнение и канонизация административной службы неизбежно приводит к обратному эффекту - невозможности управлять/.

Хаос, конечно, не является абсолютной противоположностью структуры. Это, скорее, тенденция, процесс, состоящий в последовательном разрушении в чем-то схожих между собой элементов структуры.

Однако, если мы смогли показать на примере проектирования лабиринта, как из процесса углубления структуризации возникает хаос, то изображение схемы противоположного процесса - спонтанной структуризации хаоса - представляет определенную трудность, поскольку, казалось бы, "из ничего ничто не возникает". Тем не менее, процесс "возрождения из пепла" есть свойство природы /взять, хотя бы, процессы выхода из общественных кризисов/, но понимание его сущности отсутствует.

Наш читатель, наверное, уже догадался, в чем здесь дело: ведь достаточно просто реплицировать некоторое хаотическое состояние, чтобы получилось подобие структуры.

Так например, для того, чтобы выйти из состояния стагнации реструктурированной глубоким кризисом экономики, достаточно возобновить зачаточные формы производства, что само по себе создает новые хозяйственные структуры и т.п.

Отметим еще, что понятие повторяемости, используемое нами в

описание дискретно-качественной модели мира, имеет свой аналог - инерцию в непрерывно-количественной модели, а представление о структуре структур тесно коррелирует с понятием высших производных, характеризующих неравномерность движения. Действительно, инерционность некоего процесса означает его качественную определенность в отношении множества сопутствующих ему процессов, что позволяет говорить об их структурированности, а моменты ускорения или торможения процессов приводят к усложнению структур. Так, различие скоростей протекания общественных процессов влечет за собой многоукладность экономики и т.п.

Другим моментом красоты, наряду с квазисимметрией, выступает простота. Ведь хаос не станет красивее, будучи симметрично удвоенным. Хотя простых явлений в природе не существует, но можно создать упрощенные модели и таким образом провести исследование на более простых, доступных пониманию уровнях. Это прежде всего касается формулирования объективных законов. Действительно, простота формулировки есть конечное звено длиннейшей цепочки последовательного аналитического абстрагирования. Так, закон инерции предельно прост, но человечество шло к этой абстракции без малого 2000 лет (считая со времени написания Аристотелевой "Физики"), а для формулировки простейшего, так называемого, 2-го закона (о том, что ускорение пропорционально силе) Ньютоном потребовалось предварительно разработать сложную теорию дифференциального исчисления.

Таким образом, простота закона не является результатом чистого "озарения". Напротив, если формулировка сложна, значит анализ не был доведен до конца. Иными словами, простота есть сущность научной фундаментальности.

Последнее утверждение само может служить рекурсивным примером простоты формулировки для труднодоступной истины.

Единственное, что ставит наши рассуждения под сомнение, так это отсутствие критерия простоты. Поэтому в поисках истины, вопреки сказанному, следует особенно опасаться простых и логически завершенных суждений. Коварная простота, минуя истину, способна выражать односторонность суждений, бессодержательность представлений и софизм формулировок.

Поистине, что может быть понятнее и красивее утверждений, простота которых есть синоним односторонности, таких как:

- богатство недр - залог благосостояния граждан;
- государство - для аборигенов;
- порядок - основа экономики и др.?

Глубокая истина и бесстыжая ложь, как правило, сходятся в своей простоте.

Итак, мы видели, как стремление к красоте служит общелогическим средством теоретического исследования.

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ И ЗАКОН

Понятие закономерности отражает определенный этап процесса познания, когда констатируют инвариантную, стабильную обусловленность явлений, но еще не ясна их природа, не понята причина их воз-

никновения.

Поэтому закономерность есть предельно-достижимое взятое в историческом плане знание.

Так например, явление всемирного тяготения есть постоянно и повсеместно действующая закономерность, не имеющая своего объяснения. Эта информация еще не поднялась до уровня закона, но она может трансформироваться в закон, если будет учтена стабильная связь между силой тяготения, массами притягиваемых тел и расстоянием между их центрами.

Итак, смысл закона (в отличие от закономерности) состоит в том, что он обнаруживает инвариантные связи явлений и процессов в виде тенденции, не будучи "привязанным" к целостному явлению. Так, закон тяготения одинаково применим, как к падающему телу, так и взлетающему, тогда как закономерность отражает тот фатальный факт, что под действием силы тяжести все тела рано или поздно упадут на Землю.

Поскольку закон обнаруживает некую объективную тенденцию, постольку он сам становится универсальным практическим средством, как, скажем, ветка дерева, превращенная умелой рукой в лук, который можно использовать и как оружие, и как смычок, и как приспособление для сбора бананов, и т.д.

Итак, стабильность связей не означает стабильности, фатальности самого явления, иначе закон не смог бы служить орудием производства (то есть, его можно было бы использовать только однонаправлено, например, закон тяготения - только для падающих на Землю тел).

Поэтому правильно сказать, что закон, лишенный произвольно варьируемых "переменных", вырождается в закономерность.

Так, цель капиталистической экономики - получить максимальную прибыль на вложенный капитал - есть закономерность. "Значит - говорим мы - ничего с этим не поделаешь".

Но посмотрим на этот вопрос шире. Если вкладывать капитал в экстенсивно развивающееся производство, то прибыль вскоре станет сокращаться из-за естественного износа орудий производства. Если - в новые технологии, то период процветания удлинится, но упадок все же неизбежен, вследствие перенасыщения рынка товарами. Если - в новые потребительские свойства товаров, прибыль начнет устойчиво возрастать. А если вкладывать капитал в прямое стимулирование рынка? В организацию труда? И т.д.

Мы видим, что разрушение фатализма закономерности, приближает нас к понятию закона, ибо, располагая такими знаниями уже можно с большим или меньшим успехом управлять ситуацией и т.д.

Таковы логические приемы моделирования атрибутов объективных явлений и связей между ними.

МЕТОД АБСТРАГИРОВАНИЯ

Метод абстрагирования, или аналитический метод, состоит в последовательном упрощении проблемы путем искусственного "отбрасывания" ряда конкретных субстанций.

Абстракция как предельное упрощение необходима для того, чтобы

раскрыть глубинные сложности в самом простом, прежде всего в простом.

Так например, движение мы начинаем изучать с того, что абстрагируемся от всех видов криволинейного движения, затем от всех видов ускоренного движения, оставляя для рассмотрения чистую инерциальную форму. В то же время, хорошо известно, что в конкретной действительности инерциальное движение в чистом виде не существует, так что абстракция по своему понятию есть просто тенденция, чистое стремление к идеалу.

Вопреки кажущейся малозначимости, именно такой подход позволил сформулировать понятия скорости, ускорения, расстояния и времени, установить тождество неподвижного и движущегося и др., то есть создать систему базовых понятий и сделать фундаментальнейшие открытия.

Метод абстрагирования является универсальным логическим приемом. Все нижеизложенные методы, так или иначе, являются конкретизацией способов абстрагирования.

МЕТОД МЫСЛЕННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Моделирование может быть использовано как для исследования, так и для прогнозирования.

Смысл исследовательской модели состоит в том, что создается специальное упрощенное структурированное представление о некотором явлении или процессе. Так чертеж дома является его моделью. Он позволяет исследовать будущую конструкцию дома на прочность, позволяет целесообразно компоновать помещения и т.п.

Сущность прогностической модели состоит в том, что мысль в ряде случаев работает быстрее, чем происходит развитие реального процесса, что позволяет исследовать "поведение" модели до наступления действительных событий и таким образом предугадать их.

Наконец, внедрение человека в микромир с его сверхбыстрыми процессами потребовало создание "растягивающей" модели, которая во временном аспекте противоположна прогностической, но с методической точки зрения является моментом исследовательской модели.

Исследовательская модель, равно как и прогностическая, может быть двух типов:

- представленческая - непрерывная, аналоговая, целостная, одноментная, типа "восковой отпечаток", геометрический образ и пр.;
- логическая - дискретная, элементная, многочастная, кинематическая, стохастическая.

С другой стороны, модель может носить непосредственно мысленный характер (математическая модель, логическая модель, кибернетическая модель и т.п.) или быть опосредствована натуральными (физическими) явлениями (игрушечная модель железной дороги, этномологическая модель общества и др.).

В качестве примера аналогово-представленческой модели, для оценки границ возможного использования физического прототипа рассмотрим заведомо "неудобный" случай. Скажите, возможно ли использовать стакан воды в качестве модели... железной дороги? Наверное, да.

Процессы, возникающие при колебаниях воды в стакане, могут моделировать устойчивость и саморегулирование других процессов, которые присутствуют, так или иначе, в каждом элементе, в каждом состоянии железной дороги: в двигателях, в разгоне и торможении поезда, в системе управления движением и др.

Судя по всему, стакан воды может служить физической моделью не только железной дороги, но всего, чего угодно. Поэтому, если, забыв о границах осмысленного использования модели, мы стали бы настаивать на том, что стакан воды - это единственная или наилучшая модель железной дороги, или самая важная модель и т.п., то тем самым лишили бы процедуру моделирования ее практической полезности и впали бы в омут всеобщей объяснительной идеи, что скорее свойственно религии, объясняющей все и вся божественным промыслом, а также является презумпцией традиционного материализма, готового все проблемы списать на "материальное единство мира".

Теперь сделаем следующий шаг: смоделируем реальную железную дорогу с помощью игрушечной конструкции и пристальнее рассмотрим в сущность моделирования.

Моделирование представляет собой такой способ мысленного сравнения двух сопоставляемых объектов, который позволяет выделить общие признаки, отождествляющие модель с ее предметом.

Если "наложить" множество свойств настоящей железной дороги на множество свойств ее игрушечной модели, то в "пересечении" множеств попадут тождественные свойства, а вне пересечения окажутся противоположные. Очевидно, что процедура сравнения модели с ее предметом может быть проведена "вглубь" пошагово: в группе "тождественных" признаков можно тщательнее "отфильтровать" более схожие от несовпадающих и т.д.

Механизм исследовательского моделирования продемонстрируем на примере экономики.

Нашу дискретно-логическую модель будем создавать путем наложения ряда упрощающе-ограничительных требований на общие представления о предмете, как-то:

- целостность экономики (добыча - переработка - торговля - потребление);
- непрерывность производства (в отличие от фактической дискретности хозяйственных процессов);
- замкнутость процесса (численность работников остается неизменной);
- стабильность базы (неистощимость сырья и почвы).

Таким путем мы исключили из рассмотрения великое множество разнонаправленных тенденций и сложностей хозяйственной структуры. Исследование такой модели позволяет соткать субстрат, к которому в дальнейшем можно последовательно добавлять те или иные конкретные факты для достижения более реалистичной картины.

При работе с моделью (исследовательской или прогностической) используется принцип, который мы назовем "конструирование за природу".

Исследователь анализирует, какова должна быть природа вещей, чтобы она смогла проявиться в том или ином конкретном виде.

При этом он мысленно конструирует, "прокручивает" варианты воз-

можных связей и интуитивно... отгадывает результат (или впадает в заблуждение).

Так например, по сей день остается неизвестной природа электромагнетизма, но "работающая" математическая модель этого явления была составлена еще Максвеллом в XIX веке.

Аналогичным образом разработана математическая модель водяного потока, многие проявления которого пока что не ясны.

Особое место в моделировании занимает, по-видимому, решающая, аксиоматическая, формально-логическая модель.

Вот пример силлогизма. " Все люди имеют сердце.

Иван - человек. Вывод: Иван имеет сердце".

Особенность логического метода состоит в требовании замкнутости модели. Это означает, что весь набор логических выводов априори содержится в исходных посылках, хотя и в неявном виде.

Так, математическое уравнение высокой степени содержит, конечно, все точки кривой или поверхности, которые его отображают, но чтобы "проявить" очертания кривой или поверхности следует использовать специальные приемы математического анализа (если они существуют).

Теперь попробуем применить приведенную выше логическую формулу в области термодинамики.

"Все физические тела имеют определенную температуру. Молекула воды - физическое тело.

Вывод: Молекула воды имеет определенную температуру"... Вывод оказался абсурдным. Это произошло потому, что понятие "температура" вышло за границы своей применимости. Оно не применимо к физическим телам, состоящим из одной молекулы или небольшого числа молекул. Можно было бы возразить, что "просто" большая посылка была ошибочной.

Но никакая логическая модель не знает заранее всех своих границ. Поэтому логическая конструкция, не имеющая "контекстно-зависимого" содержания, ничего не моделирует.

В заключение отметим, что метод моделирования относится к числу наиболее общих методов исследования, так что все нижеизложенные методы так или иначе раскрывают и детализируют его.

ДИАЛЕКТИКА И ПОЛИЛЕКТИКА

Диалектическая логика есть некая форма конкретного неформального (то есть внелогического) моделирования, которая относится к первооснове познания - к механизму образования понятий, декларируя комплексный подход к любой проблеме.

Действительно, основная идея диалектики, восходящей от Гераклита Темного к немецким философам Шеллингу, Гегелю, Энгельсу и др., - принцип единства противоположностей - утверждает, что некое понятие имеет смысл лишь одновременно и в сравнении с противоположным понятием (произвольно взятым из ряда других противоположных понятий), причем смысл этот теряет свою определенность как в точке полного тождества понятий, так и в точке предельной абстракции (когда понятию уже ничто не противопоставляют), что подразумевает

наличие качественных границ применимости понятий.

Что же это за логика вне логики? Наш вдумчивый читатель, возможно, заметил, что само понятие "принцип" подразумевает формально-логический подход, что, по существу, отрицает особую роль диалектики в познании.

Но образование понятий - не единственная область применения диалектической модели. В нее укладывается и третий закон Ньютона ("действие равно противодействию"), и явление магнетизма (неразрывное единство северного и южного полюсов), и теорема Геделя о неполноте арифметики, доказывающая ограниченность средств формализации и т.п.

Велик соблазн использовать диалектические средства, прежде всего принцип "единства противоположностей", как заключительный аккорд исследования или в качестве все объясняющего средства.

Рассмотрим пример с магнитным стержнем (любимый объект Гегеля). Если бы мы стали утверждать, что соединение в едином целом двух противоположных полюсов (северного и южного) есть подтверждение принципа единства противоположностей как всеобъясняющего закона, то вполне могли бы возглавить когорту защитников обскурантизма.

"В чем состоит природа нераздельности магнитных полюсов? «Вот какой вопрос должен следовать после признания того, что утверждение это не абсурдно, а сам факт не является происками лукавого. Наука давно ответила на этот вопрос, и ответ этот поучителен, как мы увидим, еще и тем, что естественное явление само способно служить мыслительной моделью и использоваться как метод исследований.

Оказалось, что магнитное поле, будучи всегда замкнутым, вовсе не имеет полюсов, но зато имеет направление, а "полюса" суть проявления неоднородности этого поля.

Итак, пара противоположных понятий: северный и южный полюсы, выражает направление и потому есть вектор, есть целое от природы, а не нечто насильно мысленно совмещенное.

Понятие вектора, поля векторов и т.п., как упорядоченного набора чисел или терминов, хорошо развито во многих разделах математики: геометрии, алгебре, теории графов, теории отношений и пр. Известны представления о векторах одномерных, или линейных, двумерных, или плоских, трехмерных, или пространственных, и многомерных, для которых нельзя подобрать зрительные аналоги. Поэтому вполне резонно от понятия пары противоположностей - "ядра диалектики" - перейти к понятию многомерных векторов противоположностей, или к полилектике.

Обратимся к примерам. Красота-безобразность есть одномерный вектор. Теперь рассмотрим двумерный вектор, состоящий из двух пар понятий:

- красота - слабость;
- безобразность-сила.

Под эти понятия легко подвести проблему эмансипации (омужествления) женщин. (Шутка).

Перейдем к примеру трехмерного вектора, или, скорее, матрицы понятий:

- красота - слабость и религиозность - обывательщина;
 - безобразность - сила и атеистичность - политичность;
-

-нейтральность - сила и религиозность - политичность.

Этот набор (так и должно быть) можно интерпретировать как угодно, например, так:

1-ый вектор - это религиозная и аполитичная в своей массе женская половина общества;

2-ой вектор - атеистичная и политизированная в своем большинстве мужская половина;

3-ий вектор - теократическое государство.

Тогда моделируемую ситуацию в целом можно представить, скажем, так:

“Привлекательность женщин, при их беспомощности, побуждает мужчин, невзирая на расхождение их мировоззрений, поставить религиозность во главу государственной политики”. И т.п.

Попутно здесь следует обратить внимание на применение нами в определении третьего вектора пустого (нейтрального) понятия - того, что не является ни красотой, ни безобразностью, - подобно тому, как в математику было введено, в свое время, понятие нуля.

Ноль есть отсутствие того, место для чего существует (пустота ведра, дырка от бублика, нейтральность научного открытия - не добро и не зло - и т.д.)

Следует обратить внимание еще вот на что. Если в диалектике формальный принцип присутствует, так сказать, в скрытом виде, как момент, как потенция, то полилектика демонстрирует нам неистребимость формально-логического начала, одновременно лишив его трона главенства и единственности.

Таким образом, диалектика есть ни что иное, как одномерная полилектика. Полилектика, как логический метод, простым своим существованием предполагает структурированное комплексное исследование той или иной проблемы, тогда как диалектика была лишь моментом в процессе аморфного исследования.

Конечно, наше определение полилектики это еще не введение в новую логику, что потребовало бы монографической разработки темы.

ТЕНЬ И ЧЕРЕПАХА

Здесь мы поговорим о предметной области традиционной, формальной логики, восходящей от Сократа и Платона, Зенона Элеата и Аристотеля к Булю и Расселу, Геделю и Черчу...

Отдельные моменты этой логики (силлогистики и софистики) используют в быту, ораторском искусстве, литературе, а совместно с математической логикой - в науке и технике.

Многочисленные “исчисления” математической логики могут служить моделями тех или иных дискретных процессов (в релейных схемах, в проектировании вычислительных машин, разработке автоматических устройств и др.), а также как средство унификации математических наук.

Но вернемся к традиционной логике и рассмотрим в качестве примера способ доказательства известной апории Зенона Элеата: “Быстроногий Ахиллес никогда не сможет догнать медлительную черепаху, поскольку каждый раз, как только Ахиллес будет наступать черепаху,

последняя, хоть на волосок, но будет продвигаться вперед" (Изложение вольное). Приведем теперь пример совершенно иного свойства, формально тождественный предыдущему:

"Ахиллес никогда не сможет догнать свою тень, поскольку, всякий раз, как только Ахиллес достигнет того места, где находилась его тень, последняя переместится вперед (на такое же расстояние)". Мы видим, что одно и то же логическое построение, абсурдное в применении к явлениям одного свойства, может служить адекватной моделью для иного рода явлений.

В то же время, если бы логика была прообразом мышления, как это утверждает традиционная философия, а не моделью объективных явлений, тогда она должна была бы по своему понятию в равной мере касаться любого суждения, то есть быть определенной на всеобщей предметной области. Но тогда Ахиллес действительно не смог бы догнать черепаху.

Логика Зенона "сработала" бы верно, если бы черепаха двигалась с той же скоростью, что и Ахиллес. Но раз черепаха движется медленнее, то Ахиллесу на каждом этапе требуется все меньше и меньше времени, чтобы достичь того места, где перед этим она находилась. Общее время, необходимое Ахиллесу, чтобы догнать черепаху, складывается из бесконечного числа слагаемых временных отрезков, где каждый последующий отрезок времени тем меньше предыдущего, чем больше попыток сделает Ахиллес. Но тогда вопрос о том, догонит Ахиллес черепаху или нет вовсе не может носить логический характер, ибо речь идет о количественном, а не качественном соизмерении величин.

Но и качественный подход тоже имел бы смысл /хотя и с неопределенным результатом/, если бы в формулировке Зенона явным образом фигурировало бы понятие времени.

Таким образом, если считать, что формальная логика всеобъемлюща - значит признать, что можно доказать все, что угодно (на чем настаивали софисты). Такой подход лишает логику эвристического смысла.

Как известно, Аристотель, возражая софистам, утверждал, что его логика, не грешит подобным недостатком.

В этой связи рассмотрим в качестве примера простейшую силлогистическую конструкцию: "Если матрешка (А) находится внутри матрешки (Б), а матрешка (Б) находится в матрешке (В), то матрешка (А) одновременно находится в матрешке (В)". Все это тривиально.

Но используем эту же конструкцию для иной предметной области: "Если Иван видит Петра, а Петр видит Павла, то Иван должен видеть Павла", что не всегда верно, ибо Павел может оказаться за углом и т.п.

Да, смысл понятия "видит" не тот, что понятия "находиться внутри", но логическая структура предложения этого не знает.

Таким образом, Аристотелевой логике присущи те же свойства "контекстной зависимости", что и логике его предшественников.

Рассмотрим еще действие логической модели на примере, так называемого, "закона исключенного третьего".

Прежде всего представим некоторые из его формулировок:

-некое высказывание может быть или истинным, или ложным, но не одновременно;

-некое свойство может быть присуще или не присуще вещи, но не

одновременно;

-противные высказывания(не спугайте с противоположными!) не совместны. Например, белое противоположно только черному, но противно всему небелому: зеленому, синему, деревянному, живому и т.п. Таким образом, поскольку серый цвет есть единство белого и черного / т.е. единство противоположного/, то утверждение, что белый цвет присущ серому, конечно, истинно.

Коварство и "непобедимость" этого "закона" заложены в тавтологии его формулировки, ибо он сам себя утверждает, не оставляя выбора для реальности, и поэтому не может служить логическим постулатом. В этом смысле он столь же схоластичен, как и утверждение, что "между двумя горами должна быть впадина". Вследствие этого "закон исключенного третьего" вовсе не продуктивен, подобно часам, на циферблате которых имеется всего одно деление и которые поэтому всегда показывают правильное время, когда стоят. Мы делаем вывод: "Истинность "закона исключенного третьего" есть один из видов логической ошибки".

Но и это не все. Формальное описание ситуации действенно лишь в условиях грубой определенности понятий. Действительно, в нашем примере "белое" было воспринято на интуитивном уровне. Однако известно, что белое есть синтез семи цветов радуги. Но ели какой-либо цвет отсутствует или более ярок, чем другие - это белое? Известно также, что аддитивные цвета /исходящий от солнца цвет/ синтезируют белый цвет иначе, чем это делают субтрактивные и т.д. до бесконечности.

Чтобы нагляднее продемонстрировать, о чем идет речь, приведем еще примеры из математики.

Всем известно, что два плюс два равно четырем. Действительно, если Вы к двум карандашам добавите еще два, то получите ровно четыре - ни больше, ни меньше. Если же карандаши склеить своими торцами, то в результате сложения будем иметь только один карандаш. Если, далее, Вы в емкость с двумя кубометрами воздуха закачаете еще два кубометра, то всего станет два кубометра воздуха - ни больше, ни меньше.

Причина парадокса кроется в том, что математическая формула есть тождественное само себе понятие, "всегда истинное" потому, что всегда найдется такая реальность, которая адекватно моделируется этой формулой, что, однако, не означает противное - что любая ситуация может быть адекватно смоделирована таким образом.

Приведем еще один вариант примера "абсолютной истины". Известно, что такую геометрическую фигуру, как квадрат, можно вполне идентифицировать длиной его стороны, так что если мы к квадрату со стороной 2 прибавим квадрат с такой же стороной 2, то получим квадрат со стороной..., равной не 4, но квадратному корню из 8, или 2.83... и т.д.

Итак, формальная логика не является моделью мышления. Напротив, как одна из форм мыслительного процесса, она может служить моделью для той или иной предметной области. С другой стороны, если пытаться подобрать модели для той или иной области мыслительной деятельности, то это должно быть нечто противоположное мышлению, то есть объективное: простые счеты, вычислительная машина, даже восковой отпечаток...

Любая логика моделирует свой объект лишь поверхностно, грубо,

частично. Отсюда ясно, что каждый правильный логический вывод есть, в известной мере, заблуждение, которое может быть снято парадоксальным образом. Так, принцип ограниченности скорости движения (предельная фиксированная скорость света), противоречит идее бесконечности материи, беспредельности мира, а, так называемый, "парадокс времени" противоречит принципу временного единства мира и т.д. (Оба примера взяты из частной теории относительности Эйнштейна).

Таковы возможности и пределы формально-логического метода.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО И ЗАКОН

Доказательство, представляя атрибут логической формы мышления, не является, как мы сказали, единственным методом познания. Так, фундаментальные законы природы недоказуемы по своему понятию, ибо метод законопостижения есть разложение сложного на элементарные абстракции, предельно простые отношения, "объективные постулаты", которые уже не откуда вывести при текущем уровне науки.

С другой стороны, если бы те или иные установленные наукой отношения вещей и явлений, признанные законами природы, можно было вывести из других известных отношений, то именно последние приобрели бы статус законов.

Так, согласно третьему закону Ньютона, действие равно противодействию. Этот факт отношения вещей необъясним по сегодняшний день, почему и относится к категории фундаментальных законов и т.д.

Между прочим, этому закону можно придать силу принципа и использовать его как логический метод. Применяя его к социуму, получим закон нивелирования индивидуальности.

Деятельность человека носит характер межиндивидуальной борьбы, а поскольку взаимодействие возможно, как минимум, между двумя лицами, то никакое индивидуально-субъективное воздействие на исторический процесс невозможно в принципе.

Почему, согласно второму закону Ньютона, сила прямо пропорциональна массе и ускорению, не было известно до тех пор, пока Эйнштейн не разработал законы теории относительности, включающие закон Ньютона как частный случай, которые и стали фундаментальными законами текущего момента.

Фундаментальные законы не объяснимы, но не все непонятное может служить законом.

Так, необъяснимыми являются жизнеописания святых, необъяснимо происхождение многих болезней, спонтанное поведение человека и т.п., что, разумеется, не имеет никакого отношения к законам.

Вообще говоря, в области законопостижения наука идет тремя путями:

- фиксирует инвариантность в некоторых известных отношениях;
- вскрывает ранее неизвестные отношения;
- углубляя знания, сводит старые законы к простым выводам или частным случаям вновь открытых законов.

В то же время, доказательства используют законы, как свою основу, как отправную точку, а также в качестве "тела" самого доказательства.

Логическим путем можно расширить знания, показать явление с разных, отнюдь не очевидных, сторон и т.д.

Однако путем ограниченных формальностями рассуждений нельзя получить новые знания, коими являются фундаментальные законы.

Таким образом, мы показали возможности методов доказательства и законопостижения в их общности и противоположностях.

МЕТОД ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И ВЫБОР РЕШЕНИЯ

Проведем мысленный эксперимент со сжатой пружинной, которая, высвободившись, подбрасывает вверх шарик, монету или шестигранную игральную кость.

Расположение точек на шарике, которыми он каждый раз будет соприкасаться со столом при своем падении, непосредственно зависит от спектра сил, развиваемых пружинной при ее распрямлении.

В конечном итоге, спектр окажется равновероятным, то есть неопределенным.

При тех же условиях предметы с меньшей степенью симметрии, чем шар, скажем игральная кость, будут падать не на любую точку своей поверхности, но только на одну из своих граней.

В этом случае, как мы понимаем, результат уже не будет зависеть от своей причины - усилий пружины, но только от имманентных свойств подбрасываемых предметов - их формы.

Назовем эту особенность протекания вероятностных процессов эффектом устойчивости, поскольку игральная кость может коснуться поверхности любой своей точкой, но в следующий момент она займет устойчивое положение и ляжет на одну из своих сторон.

Эффект устойчивости позволяет прогнозировать множественный результат наступления событий без знания причин их побудивших.

Обратимся теперь к социальной сфере. В отличие от приведенного примера, конечное множество устойчивых общественных форм (совокупность определенных стран и народов, исторически определенные общественные формации и типы государств, известные религиозные направления, существующие виды семейных отношений и др.), позволяющих прогнозировать ситуацию, не выходящую за известные рамки, не является вполне замкнутым, так как предполагает возможность распада одних и образования иных, ранее неизвестных форм.

Так, исходя из событий недавнего прошлого и настоящего, можно спрогнозировать дальнейшее появление государств просоциалистического толка из числа стран "третьего мира".

Но главной трудностью использования вероятностного метода для социального прогнозирования является противоречие между множественной сущностью понятия вероятности и необходимостью единичного, разового прогноза "на завтрашний день".

Пусть, например, Вам предоставлена возможность однократного выбора лотерейного билета в одной из двух куч. Причем известно, что в одной куче находится много выигрышных билетов, а в другой - мало. Поскольку выбор одноразовый, его результат никак не зависит от того, из какой кучи Вы будете тянуть билет. Тем не менее, интуитивно, вопреки логике, Вы подойдете к куче с большим количеством выигрыш-

ных билетов... и вытяните, быть может, "пустой" билет.

Другой пример. Пусть, изучив устойчивые связи событий, происшедших в разное время в третьих странах, и сравнив их с событиями, происходящими в Вашей стране, Вы "просчитали" группу возможных вариантов развития событий "на завтрашний день". Существует ли способ выбрать из этой группы, пусть не достоверный, но наиболее приемлемый вариант? Очевидно нет, ибо, опять-таки, не существует критерия надежности для однократного выбора. Но здесь включается интуиция, работает подсознание - и выбор сделан и доводы приведены...

Здесь важно прочувствовать, что сплошь и рядом существуют такие ситуации, когда ничто невозможно предугадать, несмотря на имеющуюся информацию, ибо природа ничем не обязана человеку.

Подойдем к этому вопросу с другой стороны. Жизнь тем схожа с игрой в шахматы, что ни в начале, ни в середине игры еще не ясны конкретные действия по достижению цели. Сначала игроки делают некоторые "косвенные" ходы, постепенно расчищая дорогу к цели. При этом, возможно, ни один из ходов не являлся безусловно необходимым, а некоторые вообще были лишними и даже затрудняли целенаправленное движение. Но как иначе без ошибок достичь незримой цели?!

Жизнь тем отлична от шахмат, что ее цели условны, множественны и взаимопротивоположны. Если шахматная игра конечна и поэтому алгоритм ее решения должен существовать в принципе (хотя и неизвестен), то в бесконечно многообразной жизни принципиально отсутствуют достаточные основания для принятия единственно правильного решения.

С другой стороны, если бы имманентный человеку механизм принятия решений был строго детерминирован, то процедура выбора решения стала бы ненужной.

Более того, известны случаи, когда причинное начало вообще отсутствует. Например, в город ведут две параллельные дороги. Какую из них Вы выберете?

Все это наводит на мысль, что в основе конкретной деятельности животных и человека заложен некий генератор потока случайных решений, имеющий те или иные причинные ограничения. В частности, можно много рассуждать о причинах, побуждающих детей играть, однако ясно, что там, где отсутствует произвол, где нет места случаю, там нет и игры - сердцевины любого целесообразного деяния.

Причем, чем уже цель, тем разнообразнее набор допустимых средств. Напротив, широкое направление предъявляет жесткие требования к выбору взаимоувязанных средств.

Так например, если революционеры ставят перед собой одну и только одну цель - победить, то тем самым подразумевается, что пригодны, могут и должны быть использованы самые разнообразные средства. Но если задача ставится так, что в результате революции непременно и сразу должно образоваться республиканское демократическое правовое процветающее гуманное общество, то уже в ходе революции должны быть приложены усилия, направленные на формирование соответствующих государственных институтов во взаимном согласии их устройства, что, впрочем, невозможно, так как указанная палитра целей не совместима с задачей преодоления сопротивления старого об-

щества.

Итак, мы выяснили, что возможности прогнозирования заложены самой природой вещей, причем, выбор решения не является прямым следствием прогноза.

МЕТОД НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Здесь мы намерены воспользоваться известным открытием, сделанным в области квантовой механики и принадлежащим Гейзенбергу - "принципом неопределенности" - в качестве метода познания.

Суть его заключается в том, что попытка детального описания одного из взаимосвязанных явлений препятствует однозначному определению другого явления.

Так, если мы сосредоточим свое внимание на количестве шарфов и шляп, которые можно было бы купить на одни и те же деньги, то труд, затраченный на их изготовление, будет представлен неопределенно-средней абстракцией.

Если же мы сосредоточим внимание на природе конкретного труда по изготовлению товаров разного вида, то деньги представляются чем-то неопределенно-индифферентным в отношении товарного разнообразия, а сам товар выступает как неопределенная средняя потребность человека вообще.

Эффект неопределенности находит свое явное выражение в процессе классификации. Действительно, когда Вы классифицируете некие явления, предметы или свойства по избранному Вами признаку, то все остальные различительные признаки отождествляются между собой и таким образом игнорируются.

Поясним сказанное на примере определения исторического места социализма как политико-экономической формации:

-социализм возник на субстрате неразвитого капитализма с вкраплениями крепостнических отношений в эпоху всемирного технического прогресса;

-с одной стороны, он прервал развитие зачатков буржуазных отношений, с другой - полностью разрушил экономическую (помещичью) и политическую (сословно-фискальную) структуру остатков крепостничества;

-крепостнические отношения, будучи разрушенными по форме, сохранились в новом обличье: в виде колхозов (прототип барщины) и "социалистических предприятий" (обязательный труд, обязательная прописка по месту жительства, заводская или административно-районная собственность на жилище и др.);

-был модифицирован рынок потребительских товаров в пользу их частичного распределения. Одновременно был ликвидирован рынок средств производства (рынок труда, земли, материалов, орудий производства и др.);

-была трансформирована система сословий (по, так называемому, признаку социального происхождения). Чиновничья каста была трансформирована в партийную номенклатуру и т.д.

Сознательно концентрируя свое внимание на конкретных функциях политико-экономической системы, мы, тем самым, проявили безраз-

личие к политическому режиму неопределенного государства. Для устранения односторонности примем к рассмотрению конкретную страну социализма - Советский Союз - и сосредоточим теперь внимание на определении его государственного устройства.

При этом мы констатируем такие особенности государственности, как:

- имперскую централизацию;
- восточную деспотию;
- авторитарность и т.д.

Что отождествляет категории политической экономии и политического режима, так это вопросы государственного использования, помимо полукрепостнического, также рабского труда - а именно в концентрированных и уголовных лагерях, армейских строительных батальонах и пр. В остальном анализ политического режима, как мы видим, по необходимости игнорирует экономическую дифференциацию.

Итак, метод неопределенности позволяет при углубленном изучении предмета игнорировать временно ненужные особенности и в то же время напоминает об их существовании.

МЕТОД КЛАССИФИКАЦИИ

Метод классификации широко известен и хорошо разработан в теории.

Классификация - это один из способов постижения реальности через определение понятий. При этом следует учесть, что смысл каждого элемента классификации обрастает различными нюансами в зависимости от контекста, что, в свою очередь, отрицает классификацию как метод.

В качестве примера рассмотрим пару понятий: интерес - безразличие.

Итак, интерес может быть для себя и для чего-то другого. Интерес для себя - это, например, интерес к самому процессу труда. Если у Вас есть интерес к рисованию или к стяжательству - это интерес для себя.

Если Вы копите богатство для шикарной жизни, то здесь мы имеем интерес для иного.

В этом же плане следует различать интерес к процессу труда и к его результатам. Интерес к результатам труда распадается, в свою очередь, на интерес к полезности /нужности/ продукта, интерес к его качеству и количеству.

Далее, интерес может быть самопроизвольным и вынужденным. Если богатый человек ни в чем не нуждается и при этом занимается столярным делом - это самопроизвольный интерес. Если же Вы пролетарий, то вынуждены трудиться, чтобы прожить.

Так и раб проявляет интерес к работе под ударами плети, а член трудовой бригады или коллективного хозяйства проявляет интерес к труду под моральным давлением своих коллег.

Далее, различный эффект дает, как известно, индивидуально контролируемый интерес к труду (рабочий-сдельщик) и коллективно контролируемый интерес (барщина, колхозные отработки...). Но, вопреки

низкому интересу к труду, коллективный труд может быть более производительным за счет более целесообразной организации труда и применения более экономичных средств труда.

Далее, известно, что вынужденный интерес, в конечном итоге, порождает безразличие, как его границу, его предел.

В общем случае классифицируемые свойства интереса и безразличия накладываются друг на друга, моделируя пеструю мозаику конкретных форм общественных отношений.

К методу классификации непосредственно примыкает метод членения вопроса.

Вопрос сам по себе есть некое утверждение, в котором отсутствуют одно или несколько логических звеньев, которые необходимо найти. Правильно поставить вопрос - значит составить близкую к реальности микромодель некоей ситуации. Ответ на вопрос - нахождение недостающего звена (звеньев) логической цепи - вовсе не должен, по нашему мнению, носить формализованный характер, но предполагает исследование проблемы, как таковой, с последующим уточнением вопроса и, возможно, заменой одного вопроса другим.

Определенную помощь в этом деле может оказать метод членения вопроса. Рассмотрим следующий традиционно-схоластический вопрос-пример:

"Сколько чертей может разместиться на острие иглы?" Что утверждается в этом вопросе неявным (!) образом?" - То, что размеры чертика могут быть сколь угодно малы и кончик иглы есть точка нулевого диаметра.

Таким образом, этот вопрос распадается на несколько:

-Существуют ли черти?

-Действительно ли они могут стать бесконечно малыми?

-Что такое бесконечно малая величина?

-Может ли бесконечно малая величина по своему понятию принимать дискретные значения?

И т.п. Таким образом, членение вопроса позволяет абстрагироваться от выраженного вопросом мнения и вникнуть в суть проблемы. В общем случае метод классификации позволяет раскрыть проблему всесторонне и сразу на многих уровнях.

МЕТОД СОПОСТАВЛЕНИЯ

Метод сопоставления имеет две формы: аналоговую и гомологовую. Аналогия, как известно, есть перенос идей из одной области знаний в другую, особенно в тех случаях, когда отсутствуют имманентные данной науке понятия. Возможность и продуктивность аналогий базируется на идее единства мира и инвариантности его процессов.

Так например, обсуждая общественные процессы, мы пользуемся понятием силы, определенным физикой, а когда говорим о политической борьбе, привносим сюда представления о спортивной игре и т.д.

Напротив, когда мы, изучив разделение функций у общественных животных, переносим сформировавшиеся представления на человеческое общество, то не выходим за рамки естественной лаборатории соци-

ального анализа, созданной самой природой.

Перенос идей в существенно схожих ситуациях называют гомологией.

В обоих случаях нечто вполне очевидное и изученное переносится в область темную и сложную.

Так медицина изучает физиологию и психологию человека на ... собаках и крысах, а наука о запахах пользуется понятиями зрительного, вкусового и тактильного восприятия и т.д.

В плане представлений о социуме метод сопоставлений является одним из ведущих и постоянно используется в настоящей работе.

НАЧАЛА И ПРЕДЕЛЫ

Что служит субстратом любой системы знаний, любой теории? Это описание стабильных явлений, стабильных отношений, не нашедших объяснения в пределах этой теории. Для того чтобы нечто можно было рассматривать как начало (оно же граница) некой теории, следует задать вопрос: "Объяснимо ли это нечто в пределах этой теории?"

Так например, электронная структура атома служит главным основанием химической науки и одновременно является ее пределом, за которым начинается иная наука - физика, а одним из начал биологии являются теоретические результаты, полученные другой "смежной" наукой - биохимией. Медицина, в свою очередь, опирается на биологию, химию и т.д.

Таким же образом методам социологии не доступны ее основания, полученные психологией (политизированные черты характера), физиологией (принцип спонтанной активности), биологией (теория видов), кибернетикой (теория моделирования), математикой (теория статистики) и др.

С другой стороны, как ни странно, начала науки не есть для нее нечто исходное. В известном смысле, наука развивается не от простого к сложному, как принято считать, но, напротив, она идет по пути вскрытия своих начал. Каждый новый шаг в науке по необходимости возвращает ее к уточнению старого и разведке новых начал, разрушению старых границ и возведению новых.

Например, экономическая наука от случайных формул, зиждущихся на коэффициентах и процентных соотношениях, перешла к качественно новому основанию - системе понятий математического моделирования.

А между тем, политология замкнулась на идеях борьбы естественных и искусственных законов и прочих внутрисистемных понятиях, как будто ей не требуется искать опору вовне.

Когда же теория, не сознавая своих границ, представляется всеобъемлюще завершенной, она умирает как процесс (или замирает на время, чтобы возродиться в новом качестве).

Таковой была алхимия со своей идеей "философского камня", поздним отголоском которой, между прочим, была идея "теплорода".

Таковыми были физика в эпоху конструирования "вечного двигателя", математика - в плане поиска решения "пятого постулата" Евклида и т.п.

Таковой остается социология, пока она путает произвол юридически закрепленных прав с фатальным действием общественных законов.

МОДЕЛИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО

Целостность и единство природы состоит, на наш взгляд, во взаимо-

проникновении трех ее сущностей-абстракций: тяжелой материи, организации и процесса.

При этом понятие пространства входит как составляющая в категорию организации, понятие времени - в категорию процесса и т.д.

Тяжелая материя - то, что имеет массу: физические тела и физические поля.

Вещи имеют форму, а поля - направление, им присущи определенная фактура и взаиморасположение и т.п. Все это является моментами организации. Кроме того, вещи и поля перемещаются, изменяются, превращаются и т.д., то есть процессируют.

В то же время, процессы имеют свою организацию, отображаемую в форме законов природы.

Наконец, организация тяжелой материи находится в постоянном процессе и т.д.

Высказанные представления не столько являются определениями природы, покрытой мраком человеческого неразумения, сколько взаимопределением выше названных понятий.

Далее, невозможно мыслить целостность мира отдельно сегодня и отдельно завтра. Мир целостен, будучи понятием как единое во все времена. Исходя из этого принципа, следует заключить, что сегодняшнее не полагает завтрашнее всецело (иначе мир состоял бы из одного "сегодня", точнее - из безвременного мгновения), но частично предполагает его (иначе мир состоял бы из ничем не объединенных временных отрезков).

Более того, мир сейчас существует во всем своем прошлом и будущем. Тем самым снимается противоречие "не существующего настоящего", представленного мгновением между прошлым и будущим, то есть временным промежутком нулевого размера.

Истинность этих столь же логичных, сколь неправдоподобных представлений подтверждается известным фактом: видимые нами звезды и далекие галактики существуют для нас, для всего земного такими, какими они были в прошлом миллионы лет тому назад.

В то же время, испускаемые сегодня Землей гравитационные волны, отражаемый свет и т.п. дойдут до далеких миров, когда наша планета, возможно, погибнет.

Инвариантность законов природы также подтверждает принцип временной целостности мира.

Не только настоящее есть частичная причина будущего, но и будущее, коль скоро оно неотвратимо и прогнозируемо, - причина настоящего.

Отсюда следует, что не только прошлое - причина настоящего, но и настоящее - (о, ужас!) причина прошлого. (Ведь прошлое творилось с учетом перспективы настоящего). Вышесказанным мы ни коим образом не хотим "отменить" понятие времени, как принципа однонаправленности, или неповторимости, но сомневаемся в его абсолютности. Поэтому правильно будет сказать, что нельзя повторить то, что неповторимо, однако, не все пронизано неповторимостью и однонаправленностью.

Обычно естественно-природный процесс представляют в виде набора разнокачественных явлений. Одно явление - химическая реакция кислорода с водородом, другое - движение планет, третье - горообразо-

вание, иное - человеческая цивилизация и т.д.

Моделирование целостного процесса посредством разнокачественных составляющих приводит нас к понятию причинности - непосредственной или опосредствованной связи и взаимообусловленности явлений. Образно говоря, явленческую модель мира можно представить в виде некой сети или объемной решетки, узлами которой служат различные явления. Но если каждый узел мы будем представлять в виде первичного атомарного явления, то получим примитивно-механистическую модель мира.

Более приемлемый результат можно получить, если рассматривать отдельный узел, как некий уровень явления, внутри которого находится своя бесконечная решетка явлений. Таким образом, мы вынуждены полностью отказаться от атомистического взгляда, присущего древней философии.

Следующий атрибут нашей модели характеризуется тем, что решетка эта непрерывно "дышит". Однако это происходит не синфазно, то есть не все узлы "вдыхают" одновременно, но волнообразно, разновременно. Представление о разновременности, последовательности и необратимости целостного во всех отношениях процесса - вот другая составляющая понятия причины.

Далее, само понятие связи, как связи явлений, вовсе не столь просто, не столь первично, непосредственно и атомарно, как это может показаться на первый взгляд. Оно включает в себя определения активности и пассивности, противопоставление воздействия и взаимодействия. Действительно, в зависимости от произвольно выбранной системы отсчета, то есть того, что мы приняли за условно-пассивное, некое другое явление может быть определено как активное /или активное и пассивное одновременно/. Так, брошенный камень "обладает" энергией движения - суть активное начало, - но одновременно ему присуща некоторая инертность, то есть пассивная составляющая этого явления.

Расчленение "волнообразно дышащей" сети явлений на условно активные и условно пассивные узлы - вот третий источник детерминизма. В то же время, возможность рассматривать отдельное явление как активный, то есть самопроизвольный процесс, начавшийся в бесконечном прошлом и продолжающий самоактивироваться в каждый момент времени, вовсе снимает понятие причинности. Так, общественный процесс, неся на себе багаж прошлой культуры и испытывая давление мертвых представлений, спонтанно обновляется с каждым новым поколением. Можно искать причины этих изменений и в изменениях внешней природной среды, и в историческом прошлом, но невозможно исключить произвол нового человека.

К понятию связи относятся также принципы определенности и случайности воздействия, что непосредственно вытекает из представления о принятых уровнях рассмотрения и внутренней бесконечности каждого явления. Ведь любая бесконечность есть неопределенность.

Последние рассуждения подводят нас к понятию вероятностного детерминизма.

Из вышеприведенных представлений напрашиваются следующие выводы.

Становится очевидным однобокость и вульгарность принципа пер-

вопричины - существования единственного истинного чисто активного явления при существенной пассивности всего мироздания. Вообще, когда утверждают, что "все имеет свою причину", то обычно имеют в виду, что активное начало всегда находится за пределами пробного явления /то есть явления - следствия/, что есть постулированием основания, равно как и утверждение, что два плюс два всегда равно четырем.

Другой небезынтересный вывод состоит в том, что пробное явление /принятое тем самым за условно-пассивное/ находится одновременно под воздействием всех остальных явлений, так что бытующие представления об изолированном воздействии одного отдельного процесса на другой должно уступить место принципу множественности причин. Причина - это всегда некая совокупность процессов, и не рядоположенная совокупность, но результат их взаимодействия - контакт между активными началами, воздействующий на пробное явление. Различное же сочетание активных начал дает отличные друг от друга результаты даже при одинаковых условиях протекания процессов.

Дождь, град, снег, туман, иней - вот простейший пример. Наконец, остановимся на одной трудности в теории детерминизма. Речь пойдет о поиске критерия, который бы позволил определить: "Что является причиной чего?" Проблема состоит в том, что неясна даже форма, в которой мы хотели бы получить ответ на вопрос. Хотя некоторые атрибуты причинности, как то: непосредственность воздействия, сдвиг по времени, обмен энергиями между причиной и следствием и т.п., - общеизвестны, тем не менее, они не позволяют однозначно утверждать, что "Б" является следствием "А". Разумеется, из вышедекларированного принципа множественности причин должен следовать вывод о бесконечном поиске причины, но вопрос заключается в ином: некое явление может оказаться вовсе не той причиной, о которой мы думаем, тогда как существует вполне определенная рядоположенная причина, и здесь бессильны любые определения.

Если поиски причины есть способ установления связи явлений ретроспективно, то разработка прогноза есть путь отыскания связей в перспективе.

Прогноз есть лишь частичное знание, поскольку будущее, взятое за достаточно большой промежуток времени, неопределенно. Оно не определено не только в отношении ограничительно-моделирующей способности человека, но и любой другой /нечеловеческой/ моделирующей системы, то есть системы, "прокручивающей" модель событий быстрее, чем бы они развивались на самом деле. Более того, нам представляется, что говорить о связи времен вне понятия модели бессмысленно, ибо время, взятое вообще, едино и не имеет границы между прошлым и будущим. Так же бессмысленно рассуждать об истинности вне познания.

Так, вне конкретной политической модели бессодержательной представляется постановка вопроса: "Определяет ли социальный статус сегодняшнего дня день завтрашний?"

Если, например, мы моделируем нынешнее политико-экономическое положение на Украине, как начальную фазу процесса разгосударствления полукрепостнической экономики, то и набор возможных вариантов "завтрашнего дня" следует брать из арсенала аналогичных,

уже случившихся событий; если же мы оцениваем нынешнее состояние, как модификацию социализма, то поле вариантов "развития" находится в прошлом.

Вообще, отношение времен можно сравнить с работой музея. Его экспозиция - это настоящее-актуальное, а бесконечное хранилище - настоящее-потенциальное. Смена экспозиции есть непрерывный процесс перехода от настоящего к будущему, а частичный возврат экспонатов в хранилище - "формирование" прошлого. Поскольку же обновляют не все экспонаты, постольку настоящее частично присутствует в будущем.

Поскольку часть вещей повторно возвращается в экспозицию, постольку прошлое присутствует в настоящем. Непредсказуемость будущего в приведенной аналогии означает, что не известен бесконечный перечень хранящихся экспонатов, но известно лишь кое-что из того, что когда-то экспонировалось и было возвращено в хранилище. Поэтому будущее в какой-то мере не знает самого себя. Но если бы будущее не включало в себя элементы настоящего как некий инвариант для сравнения, то не могло бы возникнуть и ощущение процесса.

Не только человеческий мозг обладает способностью прогностического моделирования. Это момент природы вещей.

Приведем примеры естественного моделирования событий. Так, быстрое движение электронов вокруг атомного ядра есть аналог медленных процессов движения планет вокруг Солнца.

Быстротечное размножение мух дрозофил хорошо моделирует генетические процессы, имеющие место у долго живущих животных.

Гамета моделирует будущий организм... Принято почему-то считать, что в гамете заложен код будущего организма целиком. При этом выпадает из виду то, что развитие организма есть взаимодействие гаметы с окружающей средой. Если среда "не подходит" для развития, то процесс будет искажен, а организм может вообще не состояться или приобрести "дефекты". Напротив, исходя из нашего представления о связи времен, следует полагать, что в гамете заложен лишь очередной шаг развития организма, который "заряжается" очередным генетическим кодом для осуществления последующего шага. При этом каждый шаг лишь частично предвосхищен предыдущим, будучи произволен в той мере, в какой произвольно сочетание этой гаметы с этой средой.

Подтверждением тому могут служить приобретенные уродства, или генетическая предрасположенность к заболеваниям, возможность реализации которой обусловлена жизненными обстоятельствами и т.д. Другой пример генетической варибельности - организмы, которые могут размножаться как половым, так и бесполом путем (так называемый, партеногенез) и др.

Следующий пример - процесс внутриутробного онтогенеза у человека, когда у эмбриона появляются сначала жабры (а не сразу легкие!), затем хвост и т.п.

Но суть даже не в этих примерах. Если предположить, что в гамете заложен полный образ будущего организма, то в числе ее элементов должен быть и прообраз будущей гаметы (самой себя), в которой, естественно, должен содержаться прообраз гаметы третьего поколения и так до бесконечности, что абсурдно с чисто логической точки зрения.

Но тогда остается не решенным другой вопрос: "Если в яйце не заложен образ будущей бабочки, то тогда откуда он появляется в гусенице?" Это возможно лишь в том случае, если будущая конструкция создается природой непрерывно (то есть гамета не первична в цикле воспроизводства жизни), причем ее структура некоторым образом предопределена формой предшествующей конструкции. Природа, таким образом, трудится непрерывно, а не пожинает плоды прежних своих достижений.

Образно говоря, в "гамете времени" заложена возможность появления личинки настоящего, в личинке - возможность появления бабочки будущего, в бабочке - появление новой гаметы, как возврат к прошлому. Такова живая модель времени.

Вопреки сказанному, целостное представление о мире - это попытка втиснуть в определенную форму то, что неопределенно по своему понятию, это попытка дать законченное объяснение там, где завершенность принципиально отсутствует.

ТОЖДЕСТВЕННОСТЬ И ИЛЛЮЗОРНОСТЬ МИРООЩУЩЕНИЙ

Тожественное, "правильное" восприятие мира, подтвержденное всем комплексом ощущений в их взаимной согласованности, является обычным делом.

Так мы видим определенные очертания и цвет стола и одновременно можем его потрогать, попробовать его на зуб, постучать по нему, подвигать его; можно, наконец, обнюхать и полизать этот предмет.

В дополнение к сказанному, атрибутом тождественности восприятия служит стабильность реакции предмета на внешние воздействия: стол можно окрасить, сломать, поджечь и др.

Столь же обычной является иллюзорность объективного мира. В чем же состоит сама возможность, гносеологическая сущность иллюзий? Нам представляется, что иллюзорен не сам мир, но односторонность его восприятия.

Рассмотрим в качестве примера явление миража в пустыне, когда предмет (водоем, гора и т.п.) кажутся расположенными намного ближе к путнику (вследствие особых оптических свойств нагретого воздуха), чем это имеет место в действительности.

Можем еще рассмотреть иной вид миража - типа "фата-моргана", когда преломленные в воздухе небеса представляются водоемом и т.п.

В обоих случаях налицо подсознательное "умозаключение", основанное лишь на одном зрительном восприятии объекта, когда комплекс прочих ощущений был заложен в памяти при иных (обычных) обстоятельствах.

Для полноты картины следует отметить существование иллюзий, возникающих в форме болезненных ощущений, связанных с психическими нарушениями, в том числе под воздействием наркотических веществ. Эта сторона вопроса исключена из нашего рассмотрения, поскольку при душевной болезни восприятие мира вообще притупляется, заменяясь внутри продуцируемыми образами-галлюцинациями.

Обратимся за примерами к экономике. При низкой платежеспособности населения возникает иллюзия, что не хватает денежных средств

на покупку товаров, тогда как в действительности недостаточен поток выпускаемых потребительских товаров. Конечно, недостаток денег - это не простой факт восприятия, но результат более или менее сложного умозаключения, основанного, однако, на анализе ограниченного набора фактов из жизни обывателя: деньги в кармане - товар на прилавке. Но достаточно проследить цепочку дополнительных факторов, касающихся производства товаров, форм оплаты товаропроизводителей и механизмов ценообразования, чтобы прийти к противоположному выводу: не хватает товаров.

Таким образом, третий вид иллюзорности является результатом логического анализа ограниченного набора фактов, выхваченных из единственного явления или из единого процесса.

В то же время ясно, что никому не известен полный (достаточный) набор человеческих ощущений или комплект фактов некоторого явления. Этой неполнотой снимается противоположность тождественности и иллюзорности. Поэтому, читатель, отнеситесь в меру скептически к собеседнику, говорящему "одну только правду".

Поистине, правда есть форма выражения самонадеянной лжи. С другой стороны, если бы не существовало тождественного сознания, то нельзя было бы осознать его иллюзорность. Факты иллюзорности сознания подтверждают, таким образом, его истинность (водоем далеко, но небо близко; товары не производятся, тем не менее лежат на прилавках и т.д.).

Отметим, между делом, что определять истину в отрыве от лжи через понятие соответствия, как того требует традиция, тавтологично.

Истина и ложь, являясь понятиями процесса восприятия, в то же время заложены, как возможность, в самой природе вещей.

Объективным субстратом существования лжи служит множественность явлений одной сущности. Напротив, достаточная определенность в материальных связях ассоциируется с понятием истины.

Рассмотрим еще зрительные иллюзии, вызванные не объективными явлениями природы, а особенностями нормального(!) человеческого восприятия.

Например, параллельные линии, перечеркнутые короткими штрихами, направленными в разные стороны, создают впечатление расходящихся линий. Известные приемы черчения создают на плоскости иллюзию объема предмета. Более того, можно нарисовать такую объемную конструкцию, существование которой невозможно в реальном мире. Стробоскопический эффект - основа кино - создает иллюзию непрерывного движения при быстром перемещении отдельных картинок и др.

Причина этих иллюзий заложена в ограниченной помехоустойчивости психики и граничных свойствах нервной системы, таких, как предельная скорость распространения нервных импульсов и т.д.

В подобных случаях тождественность восприятия обеспечивается тогда и постольку, когда и постольку раскрыты виды этих иллюзий и способы их образования: теоремы стереометрии, правила зрительной перспективы и т.п.

Еще один вид иллюзий психического происхождения - так называемые, логические ошибки.

Ошибки нашего сознания традиционно принято относить к пред-

метной области формальной логики.

К ним относятся:

- постулирование основания;
- круг в доказательствах;
- подмена тезиса;
- после этого - значит вследствие этого и т.п.

Так, если шаман вызывает дождь и после этого, разумеется, идет дождь, то для неискущенного ума создается впечатление, что дождь пошел вследствие этих заклинаний.

Если Вы хотите доказать всемогущество бога и в качестве доказательства приводите примеры необузданности стихий (извержения вулканов, землетрясения, засухи, солнечные затмения, эпидемии и др.), то тем самым Вы доказываете произвол природы, хотя создается впечатление, что было доказано могущество, а значит (?) существование бога.

Логические ошибки свойственны не только обывательскому мышлению, религии, политике и т.п., но и науке.

“Чем тело тяжелее, тем оно быстрее падает” - считал ошибочно Аристотель. Это мнение сохранилось по сегодняшний день, правда, как обывательское.

Логические ошибки, как нам представляется, носят двойственный характер. С одной стороны, они возникают под воздействием внушения, парализующего самостоятельность мышления. Внушение является следствием непосредственного эмоционального воздействия или принимает форму самовнушения “от авторитета”, будь то авторитет родителя, церкви, известного ученого и т.п. С другой стороны, логические ошибки проистекают от лениости одностороннего мышления, не желающего или не способного рассмотреть силлогизм (или логическую формулу иной природы) всесторонне.

Итак, мы показали, что тождественность и иллюзорность - две стороны процесса осмысления и оценки мира.

Напротив, ни природе самой по себе, ни ее восприятию, как таковому, не присущи ни истина, ни ложь, являющиеся понятиями мысленно-моделирования процесса мироощущения.

“ЖИЗНЕННАЯ СИЛА” И ВСЕМИРНЫЙ РАЗУМ

Никто никогда не видел, чтобы нечто живое возникло из неживого: будь то животные, растения, бактерии или “атомы жизни” - дезоксирибонуклеиновая кислота.

Поэтому первое, что напрашивается для объяснения феномена жизни (это болезненное желание обывателя объяснить все и вся непременно и несмотря ни на что!) должно быть чем-то таким, чему жизнь присуща как таковая. Таким образом должно было возникнуть представление об особой жизненной (витальной) силе.

Обычно “жизненная сила” представляется в виде потусторонней, кодовской субстанции или в материализованной форме - в виде “поля”, “излучения” и др.

Понятие потусторонности вытекает из представления о существовании сил природы двух видов - подвластных человеку и не подвластных ему. Возникновение жизни, как мы сказали, не подвластно челове-

ку.

В свою очередь, неподвластные человеку силы подразделяются на естественные (например, внутренние силы Земли, влекущие землетрясения и т.п.) и антропоморфные, или "потусторонние" (имеющие волю и разум как моменты своей организации, но не имеющие "плоти").

Поскольку естественная наука не дает ответа на поставленные вопросы, эта ниша знаний заполнена паранаучными представлениями. Напротив, философский подход к проблеме не только позволяет отделить известное от домыслов, но в ряде случаев демонстрирует, что мы знаем несколько больше о предмете, чем думаем.

Для философски-научного приближения к пониманию жизни, неотрывному от понимания ее происхождения, следует использовать, как мы думаем, понятия структурированности и неструктурированности (хаоса) как двух сторон единого целого.

Представление о неструктурированной материи дает однородное стационарное физическое поле - нечто наподобие водной глади. Структуру имеет все телесное: атомы и песчинки, молекулы и кристаллы, жидкости и твердые тела, живая клетка и живое общество...

Исходя из этих представлений, следует сделать вывод, что живое, как нечто структурированное, рядоположно неживому и в этом смысле не может возникнуть из неживого. Обе формы возникают из третьей - неструктурированной. Ясно также, что явление жизни, как структуры, относительно, то есть должен существовать такой элементный уровень структуры, на котором противопоставление живого неживому утрачивает смысл.

И действительно понятие жизни лишается своего смысла уже на нетелесном - атомарном уровне рассмотрения живого существа. На этом уровне вообще отсутствует понятие тела: как живого, так и неживого.

Живое не только не может возникнуть из неживого, но не может непосредственно превратиться в неживое. Действительно, умершее тело остается органическим телом, т.е. более не функционирующим живым телом. Своей органической природы оно лишается впоследствии (или не лишается, как например, мощи или охлажденное тело и т.п.) путем распада органических молекул на атомы, то есть - переходя в нетелесную субстанцию.

С другой стороны, понятие жизни умалется также космическими масштабами, ввиду относительной ничтожности последней, краткосрочности ее существования и др.

Все же мы не можем сказать, как возникает живое и что есть жизнь (теоретический метод не позволяет решить эту проблему), и даже не можем отрицать необходимость существования особых (может быть просто непознанных) причин ее возникновения и поддержания. Поэтому сконцентрируем наши дальнейшие усилия на проблеме структуризации, как таковой.

В механизмах структуризации, наряду со случайностью и произволом природы, удастся вычленить естественные правила, закономерности и фундаментальные законы. Этой группе законов (искусственно оторванной бытующим мнением от деструктивных законов) соответствует укоренившаяся в философии идея "всемирного разума". (Термин "всемирный разум" носит антропоморфный характер лишь номинально,

являясь, по сути, понятием объективным - моментом природы вещей).

Все живое и неживое усложняется, развивается, деградирует и воспроизводится по законам всемирного разума. По этим законам (известным или еще неизвестным) бактерии трансформируются в водоросли, рыбы - в земноводных, первобытное общество - в цивилизованное и т.д. По этим законам птицы выют гнезда, а креветки строятся в свою фаланги, пчелы лепят соты, моллюск конструирует ажурную раковину, зародыш газели формирует сложнейший и красивейший организм...

Отметим, что в определении активного начала важно оттолкнуться от определенной "системы отсчета", без чего это понятие теряет всякий смысл. Так например, если субъектом действий признавать не саму птицу, а исходить из целостного представления о жизни, где птица - один из ее моментов, - то правильным будет сказать, что гнезда само-возникают посредством птиц и т.д.

Так, с точки зрения человека-субъекта именно он конструирует некое изделие, а с позиции целостности жизни (учитывая то, что сам человек - творение природы) это изделие самовозникает по законам всеобщего разума, будучи опосредствовано конкретным индивидом.

Человек может мысленно проследить за функционированием различных физиологических систем своего организма (дыхания, кровообращения, пищеварения и т.д.) и даже оказать на них то или иное неестественное воздействие, тем не менее, он не является субъектом творения и функционирования собственного организма. Можно сказать, что человек мыслит всем своим организмом, и мозг - лишь специализированная часть мыслительной системы, а воля есть проявление неосознанной биологической необходимости. Когда же человек задумает некоторую конструкцию (например, проект здания), то считает только себя самого субъектом действия, начисто забывая, что сам он является моментом жизни.

Из сказанного ясно, что изменение и репликация общественных отношений есть проявление всеобщего разума, но не является результатом взаимодействия людей, как субъектов действия, тем более действий отдельных личностей. Так что, в смысле своего возникновения и функционирования общественные отношения подобны человеческому организму. Они функционируют не так, как придуманные и изготовленные человеком механические часы, но подобно самому организму человека, возникающему и существующему без посредства человеческой воли и человеческого разума.

Так журавли выют свои гнезда, казалось бы, каждый сам по себе, но в треугольную стаю их собирает породившая их природа и т.п.

Здесь следует понять просто, но противоречащую повседневной жизни, вещь: общественные отношения по своему понятию относятся к целой популяции (муравьям, пчелам, людям...), но не к отдельным индивидам.

Как только Вы во главу угла поставите индивидуума, так сейчас же понятие общественных отношений лишается всякого смысла. Если же Вы рассматриваете общественные отношения, как видовую особенность человека, так сразу становятся очевидными объективность, естественность, непосредственность исторического процесса. (Обратите внимание на способ использования вышеизложенного метода неопределен-

ности).

Рассмотрим с этих позиций понятие сознания, как проявление всемирного разума в своем индивидуальном развитии.

Как известно, сознание имеет два структурных уровня: подсознание и самосознание. Они разнятся, как неконтролируемая и самоконтролируемая части нервной деятельности, как продуцирующее, изобретающее и направляющее-ограничивающее начала.

Путем накопления знаний, самосознание может, например, направить и активизировать изобретательное подсознание, но, увы, не способно привить ему само свойство изобретательности.

Трудность, тем не менее, заключается не в том, чтобы именно подсознание и самосознание представить в качестве структурных уровней всемирного разума, но в том, чтобы понять посюсторонность скрытого феномена подсознания, присущего, так или иначе, не только человеку, но и иным животным.

Напротив, самосознание является исключительно человеческим атрибутом, позволяющим представлять самого себя независимым, свободно мыслящим, произвольно действующим, то есть наделенным индивидуальностью субъектом действия.

Физиологическая, а значит естественная, закономерная, всемирно-разумная, природа самосознания не вызывает сомнения у современных психологов и физиологов, хотя многое остается не выясненным до конца.

Вообще, каким образом самосознание придает человеку ощущение индивидуальности? Вместо ответа на этот вопрос (что невозможно сделать средствами философии) проанализируем понятие индивидуальности, как структуры.

Индивидуальность личности, мы думаем, может быть представлена иерархией следующих уровней:

- конституциональная индивидуальность (рост, вес, фигура, формула крови и др.);

- информационная индивидуальность (набор приобретенных навыков и накопленных знаний, как моментов самосознания);

- репродуктивная индивидуальность (семейное положение конкретной личности);

- социальная индивидуальность (положение в обществе, круг друзей и врагов, зависимых лиц, род деятельности, общественно признанная за личностью собственность и др.) и т.п.

Мы видим, что понятие индивидуальности может быть шире области ее непосредственного восприятия, так что не только самосознание, как одна из сторон индивидуальности, но и индивидуальность в целом суть явления всемирного разума.

Итак, мы показали, что "жизненная сила" есть одно из названий, одно из проявлений всемирного разума - понятия, отражающего структурообразующее начало живой и неживой природы.

БЫТИЕ СОЗНАНИЯ

Трудно сравнить сознание первобытного человека и человека цивилизованного - настолько они разнятся, хотя физиологически они тождественны. В то же время, физиологически различные формы сознания насекомых и животных других видов, в том числе человека, следует считать функционально однотипными, ибо любые формы сознания представляют, так или иначе, синтез спонтанной активности, отражательной способности и механизма регулирования действий. Поэтому правильно говорить об особом сознании муравьев, сознании пчел, сознании голубей, сознании волков, сознании людей...

Следует отметить, что существуют два вида сознания: функциональное- присущее всем живым существам, имеющим нервную систему, и познавательное - присущее только (или преимущественно) человеку. Функциональное сознание отличается от познавательного отсутствием понятийного аппарата. Так например, собака способна дифференцировать словесные команды человека (реагируя сообразно цели), но не способна генерировать сами понятия, а функциональное сознание пчелы начисто лишено понятийной структуры.

Напротив, функциональное сознание человека, при известном сходстве с сознанием остального животного мира, действующее в, так называемой, подсознательной области, неотделимо в своей актуализации от понятийного представления (подобно тому, как магнитный стержень неотделим от магнитного поля).

Объектами функционального сознания служат конкретные разрозненные жизненные ситуации, тогда как объектами познавательного, понятийно-образующего сознания служат связи между явлениями и т.п. Функциональное сознание обеспечивает определенные навыки, сноровку и др. Познавательное же сознание есть инструмент формирования образов и логических структур.

Это противопоставление носит относительный характер. Филогенетически функциональное сознание человека первично по отношению к познавательному сознанию, но онтогенетически, напротив, познавательное сознание само продуцирует вторичные формы функционального сознания.

Поэтому профессиональное сознание ближе к функциональному, а общественное сознание человека (в отличие от сознания общественных животных: насекомых, креветок, птиц и пр.) смещено к познавательному типу.

Мы знаем, что общественное сознание крестьянина одно, торговца - другое, артиста - третье, политика - иное и т.д.

Другими словами, общественное сознание связано с общественным бытием. Но означает ли это, что "общественное бытие определяет общественное сознание"?

Трудность здесь состоит в том, что понятие общественного бытия уже включает в себя понятие общественного сознания, так что одно не может быть причиной другого.

Так например, если иметь в виду исторический процесс формирования крестьянского быта, то общественное сознание крестьянина яв-

ляется атрибутивной составляющей этого процесса. Если же некоего горожанина переместить в деревню - в среду иного общественного сознания, то его исходное мнение об обществе может претерпеть изменение, но может и остаться в первоначальном виде. При этом, функциональное сознание, связанное с практической деятельностью, способно быстрее приспособится к новым условиям, чем общественно-познавательное.

Вопреки сказанному, экономическое сознание цыган, религиозное сознание евреев и т.п. не меняются на протяжении тысячелетий, несмотря на изменения социальной обстановки. Это означает, что проблема не решена.

Инертность, противодействующая быстрому, "разумному" изменению отношения к самому себе, определяется не столько инертностью индивидуального мышления, индивидуального мироощущения, сколько инертностью человеческих взаимоотношений, поскольку сознание и мироощущение каждого зависят от моральной оценки со стороны всего общества.

Сказанное, между прочим, объясняет, почему Советский Союз и Западная Германия, имевшие после II Мировой войны сходный научно-технический потенциал, но разный социальный статус, так и остались на разных ступенях общественного развития, а в то же время Восточная Германия, военно-политическое воздействие на которую было оказано разом и повсеместно, исключительно быстро сменила общественный статус, причем, сделала это дважды: сначала - в направлении социализма, затем - в сторону капитализма.

Другой причиной легкости этих метаморфоз было "граничное" состояние общественных отношений в Германии, а именно, буржуазно-феодалных, что еще раз подтверждает нашу мысль о том, что к социальным преобразованиям должно быть готово все общество, а не отдельные его представители.

Рассмотрим еще один пример диссонанс бытия и сознания. Когда мы противопоставляем цивилизованного человека дикарю - это сравнение по интеллекту и по поведению. Но когда мы сопоставляем общественные домены (государства, княжества и пр.), граждане которых находятся на одном интеллектуальном уровне, то обнаружим, тем не менее, существенные различия в шаблоне поведения /политический строй, экономические отношения, правила морали, религиозный статус и т.д./.

Таковы разновидности, значение и место сознания в жизни людей - быстро меняющегося и необъяснимо инертного, в равной мере ведомого и ведущего (как притча о первичности яйца или курицы) и т.п.

ПОНЯТИЕ О ПОНЯТИИ

Теория познания имеет дело с неким набором своих объектов, как-то:

- предмет познания (объект, вещь, явление, ситуация и пр.);
- процесс восприятия объекта;
- образование понятия как мысленной модели объекта, включающей

модель самого процесса восприятия;

-наименование понятия /образование термина понятия/.

Первое, что бросается в глаза в нашем определении, - это то, что мы даем определение понятия гносеологии через самого себя, или рекурсивно.

Действительно, мы говорим, что гносеология в числе своих объектов содержит... объекты. Это означает, что здесь мы имеем дело с мета-теорией, металогикиой - метазнанием.

Другая трудность состоит в том, термин может быть связан только с собственно понятием и никогда - с объектом.

Иными словами, понятие есть нечто иное, нежели его термин.

Возьмем для примера понятие, названное термином "ручка". Пусть у Вас много одинаковых ручек, тогда для того, чтобы отметить определенную ручку, на ней следует сделать зарубку, привязать к ней ярлык и т.п., ибо термин "ручка" вместе со своим понятием обозначает любую ручку.

В-третьих, понятие обязано отражать с п о с о б своего образования. Более того, должны существовать понятия, которые не моделируют ничего, кроме способа своего образования (например, религиозные представления и пр.).

Поясним сказанное на примере образования понятия "зеркальное изображение". Когда зрачок человека или объектив фотоаппарата "смотрят" на тень от какого-либо предмета, то на сетчатке глаза или на пленке фотоаппарата появятся ее изображения. При этом, тень, отбрасываемая предметом, отображает предмет независимо от того, направлен на нее объектив фотоаппарата или нет. Напротив, зеркало, как известно, не отображает очертания предмета. Отображение предмета действительно существует только на сетчатке глаза, когда мы смотрим в зеркало, или будучи зафиксированным на фотопленке, но оно не существует ни в зеркале, ни в хрусталике глаза, ни в объективе фотоаппарата, составляющими с зеркалом единую оптическую систему. Поэтому мы вправе утверждать, что понятие зеркального изображения моделирует лишь способ своего образования.

Читатель может возразить: "Но изображаемый предмет-то существует!" Действительно существует - ответим мы - но существует и понятие, соответствующее этому предмету; мы же говорим об ином понятии - о понятии зеркального изображения, которому ничего не соответствует, кроме процедуры его образования.

То же наблюдаем в кругу религиозных представлений: существуют могучие, непреодолимые человеком силы природы и

соответствующие им понятия; наряду с этим существует понятие бога - зеркального отражения природных сил и общественных проблем, - выражающее лишь способ своего происхождения и т.д.

Равным образом ничто не соответствует "наиболее общему" понятию материи /в отличие от гегелевского понятия "тяжелой материи", которому, помимо способа его образования, соответствует нечто взятое вне связи с процессом или структурой/.

Итак, нет и не может существовать взаимной однозначности между понятием и его объектом.

Действительно, понятие есть модель инвариантных признаков мно-

гих объектов и, напротив, один объект служит источником образования различных понятий.

Понятия абстрактные и конкретные по-разному объективируются в зависимости от способа своего образования.

Так, конкретный дом - это здание с полным комплексом его атрибутов. Напротив, конкретная политика есть нечто одностороннее (в отличие от политики вообще), есть некоторая ограниченная область государственных отношений, выхваченная из исторической последовательности и представленная под определенным углом зрения и т.д.

Восприятие конкретного здания можно уподобить его отображению на фотографии (пусть в наипростейшем смысле). Но уже такое полуабстрактное-полуконкретное понятие, как дом, есть логический синтез представлений о всевозможных жилищах, а также представлений о семье, о быте и т.п.

Для образования конкретного понятия достаточно простейшей интуиции. Такие же абстрактные понятия, как красота, дух, материя, политика и т.п. требуют для своего раскрытия и наполнения содержанием специальных знаний.

Примем к рассмотрению такое экзотическое понятие, как математическая формула. Формула, очевидно, ничем не напоминает фотографический отпечаток или иной подобный результат примитивного образования понятия. Здесь важно другое, а именно, инвариантность формул описывающих самые разные явления, что подтверждает тезис о независимости понятия от его денотата.

Так, известен принцип электрогидравлической аналогии, согласно которому электрические процессы описываются теми же математическими формулами, что и гидравлические и т.п.

Другой пример - понятие силы в физике, которое есть абстракция и от силы сжатой пружины, и от силы тяжести, и от силы удара, и от силы давления сжатого воздуха, и от силы трения, и от магнитной силы и т.д.

Определим теперь понятие политика. Его содержанием является управление государством, борьба за власть в государстве, процессы образования и распада государств, формы межгосударственных отношений и весь круг связанных с этим проблем.

Последние два примера показывают определенные различия в способах образования абстрактных понятий. Понятию "сила" присущ "атомарный" характер, поскольку оно суть инвариантный признак множества различных явлений. Напротив, понятие "политика" является собирательным, поскольку содержанием его служит вся совокупность событий и ситуаций, объединенных некой традицией.

Итак, мы видели, что такое понятие и почему изучение его выходит за рамки науки в метанауку гносеологию.

ПОЗНАНИЕ И АКТИВНОСТЬ

Зададимся вопросом: "Какова функция познания в активности субъекта, самопроизвольности его действий?"

Трудность вопроса состоит в том, что обычно кажется, будто именно знание является неким активным началом, выступая в роли информационного источника, ставящего вопросы и объясняющего "куда стремиться", "что делать" и "как действовать", тогда как животные, напротив, "знают", что делать безо всяких знаний.

Прежде всего, мы думаем, здесь следует различать причину (источник) активности и средства активизации. Так, причина движения паровоза - это горение угля в топке, а средства движения - паровой котел, механизм передачи и колеса. Но, с тем же успехом, можно сказать, что причиной движения служит энергия нагретого пара и т.д., то есть имеет место условность в поисках первопричины. Поэтому важно правильно определить очередность расположения звеньев единой цепи, в которой каждое предыдущее звено относится к последующему, как причина к следствию.

Начнем с того, что активность входит в человека вместе с пищей (а не с новыми знаниями). Голодающий, как известно, становится ко всему безучастным.

Тогда для человека мы получим, в общем, известную последовательность: пища - эмоции-чувства - познание - действие - пища.

Мы видим, что наша модель жизни представлена замкнутой направленной цепью. Отсюда и возникает соблазн любое звено цепи представить в качестве первопричины жизненной активности. Интересно попутно отметить, что замкнутая цепь должна состоять более чем из двух звеньев, чтобы на ней могло быть определено направление. На двухзвенной цепи может быть определен только режим колебания.

Поэтому, между прочим, вопрос о том, что первично: курица или яйцо, - не может иметь смыслового ответа уже потому, что в его постановке заложена вышеназванная логическая ошибка.

Процесс познания, как звено причинной цепи, инициируется комплексом чувств, а объект познания представлен многообразием природы, так что модель жизни подобна не одной цепи, а, скорее, разветвленной сети замкнутых и незамкнутых цепей. Более того, поскольку неисчислимое множество жизненных факторов не позволяет создать близкую к реальности модель в виде замкнутых цепей, то "источник активности" зачастую оказывается вне конкретно-ограниченного набора известных признаков. С этих позиций человек представляется, скорее, в виде пассивного орудия провидения и случая, чем в виде спонтанно-активного начала.

Так, волей индивидов определяются их поступки, но не волей людей создается их история.

Таким образом, познание есть одновременно следствие и один из преходящих источников активности в сложной сети сосуществования активных и пассивных начал.

НАУЧНЫЙ ПРАКТИЦИЗМ

Если от искусства обычно ожидают эмоционального и развлекательного воздействия, "житейской мудрости" и т.д., то от науки требуют результатов особого рода, а именно, действительного продуцирования

неких практических новшеств.

Эмоционально-художественная сфера человеческого восприятия носит биологически-стабильный характер.

По этой причине "художественная ценность" произведений искусства столетней и тысячелетней давности не ветшает, равна ценности произведений сегодняшнего дня, несмотря на то, что постоянно возникают новые более сложные жанры и формы.

Напротив, процессу науки, свойственен принцип поступательного развития, и эта поступательность реализуется как чередование открытий и их реализации.

Вообще, один из признаков объективности науки состоит в адекватности ее практического приложения.

Практическая сущность законов природы - скелета науки - заложена в самой возможности их телеологического толкования.

Цель, вообще говоря, есть образ и логика мышления, присущая практике.

Действительно, мы говорим: "Чтобы добиться одного (т.е. достичь некой цели), надо сделать другое (т.е. действовать определенным образом, реализуя некие средства)".

Возьмем закон Ньютона: "Сила пропорциональна массе и ускорению". В этой нейтрально-научной формулировке еще не содержится какая-либо цель. Закон приобретает практический смысл, когда удаётся увязать его с некой целью, например: "Чтобы тело получило ускорение, к нему следует приложить силу".

То есть система естественных законов представляет собой в практическом смысле (но не с точки зрения ее разработки) некий набор инструкций, в которых описаны некоторые нетривиальные возможности и способы их реализации.

Это свойство законов следует назвать принципом телеологического детерминизма.

С другой стороны, явления природы и общества, будучи независимыми от человека, не могут по этой причине подпадать под телеологические категории. Действительно, сами законы сформулированы таким образом и выражают содержание такого свойства, которое не зависит ни от желания, ни от способа их использования, тогда как их практический смысл, напротив, состоит в возможности телеологического толкования и зависит от конкретной ситуации их практического приложения.

Наука вопрошает: "В чем состоит сущность политической деятельности и почему политическая мораль имеет особый статус?"

Практика отвечает: "Чтобы стать главой государства, следует играть роль порядочного человека (твердо памятуя о патологической забывчивости народа), а в своих конкретных действиях презреть стыд и гордость, честность и справедливость, сострадание и общественный интерес, стремясь деморализовать своих соратников незаконными привилегиями власти и т.п."

Иной, напротив, жаждет власти, чтобы осчастливить одних, отомстить другим, наказать третьих; этих направить, тех проигнорировать и т.п. Но обязательно ли для этого стать политиком? - Конечно, нет. Это может делать (и действительно делает) и токарь, и писатель, и инженер,

и ученый, банкир...

Более того, масштабы деятельности "простых" людей могут быть не меньшими, чем у политика, а в плане исторических последствий много весомее. Поэтому деятельность политика рядоположна иным профессиям. Конечно, став политиком, например, главой государства, индивид вынужден поступать не столько так, как он полагал до того, сколько действовать по необходимости, часто вопреки своим предубеждениям. Но разве рабочего /представителя любой другой профессии/ интересует, куда пойдет изготовленная им деталь - на пушку или на плуг?

Значит, мораль принужденной невинности присуща любой профессии. Таким образом, и в этом плане работа политика не специфична.

Вообще говоря, практичность науки следует понимать шире, чем простую практическую полезность. Новый ткацкий станок полезен в том смысле, что способен одеть большее количество людей, нежели старый, но новый телескоп позволит рассмотреть более удаленные звезды безо всякой пользы для кого бы то ни было. Однако и то, и другое есть результат научных достижений.

Общественные науки, как и естественные, нейтральны в их практической реализации, в их полезности, что является атрибутивным критерием научности.

Их воздействие подобно действию усовершенствованного оружия, вкладываемого одновременно в руки противоборствующих структур или противостоящих слоев населения.

Так, если экономическая наука признает, что денежная инфляция есть "естественный" способ приспособления денежного обращения к условиям экономического кризиса, то те государственные структуры, которые заинтересованы в стабилизации экономики, будут поддерживать инфляционный процесс, а желающие углубить кризис постараются ликвидировать инфляцию (но истина, действительная связь экономических явлений, равнорезультативна от обеих противоборствующих сторон).

При этом возможны, конечно, флуктуации общественного процесса, как в связи, так и вне всякой связи с наукой.

Сила той или иной общественной структуры не определяется знаниями, а лишь укрепляется ими. (Как известно, нужная информация всегда концентрируется у власти, а не у простых граждан.) Общественная наука способна постичь, описать и спрогнозировать исторический процесс и даже принять в нем участие, однако, этим ее практичность и ограничена. Наука не способна изменить направленность и последовательность общественных процессов.

Более того, научное открытие само по себе не влечет использование своих результатов.

Использование научного открытия лишь возможно и столь же проблематично, как проблематично использование посаженной рощи, возникшего из морских глубин острова, открытого месторождения полезных ископаемых и т.п.

Практика может использовать новейшие или давно забытые научные открытия, но фатально не нуждается в этом.

Напротив, любое социальное открытие по своему определению есть

критика существующей практики и потому должно преследоваться государственными службами. Равным образом естественнонаучное открытие должно вызвать противодействие конкурентов и т.п.

Итак, реализация научного открытия есть "яблоко раздора" в общественной борьбе.

Человек, как вид животного, способен жить вовсе не теоретизируя, реализуя в повседневной жизни естественно-практический механизм мышления. Напротив, "ударившись" в науку, человечество перестало понимать очевидное: природа, формируя человека, тем самым уже предварила определенный набор истинности его действий. Как говорится: "Дал бог день - даст и пищу". По той же причине общественный процесс не есть отражение научного развития, как такового, но сам включает науку, как один из своих моментов. Иными словами, история не должна быть благодарна науке за свое развитие, поскольку последняя сама является моментом исторического процесса, объектом практических воздействий.

Из сказанного, между прочим, автоматически следует ошибочность, иллюзорность распространенной технократической идеи, согласно которой государством должны управлять люди науки.

Ряд вопросов вообще не может быть решен теоретически, ибо объективно отсутствуют алгоритмы их решения.

Так например, будущее не вполне присутствует в настоящем, поэтому столь проблематичен прогноз исхода войны или политической борьбы. Законы квантовой механики не позволяют предсказать точные координаты элементарной частицы при известном значении ее скорости, а теория вероятности не способна предсказать возможность единичного выигрыша и т.п.

Вообще, эти вопросы хорошо разработаны в математике, как-то: проблема разрешимости и проблема неполноты логики и пр.

Сопоставлять возможности, соизмеряя их с интересами своего положения, находить и принимать решения в не зависимости от степени изученности вопроса, действовать, не имея точных знаний и при этом получать сообразный цели результат - это и есть практика.

Теперь рассмотрим практическую роль знаний с иной стороны. Наука является одной из участниц процесса, в котором стремление каждого к привилегированному общественному положению совместимо с тенденцией обвального усреднения. Первая тенденция аналогична процессу концентрации масс звездной материи, когда из размытой космической пыли образуются гигантские звезды.

Вторая - эквивалентна тенденции усреднения температур - так называемой, "тепловой смерти Вселенной".

Иными словами, здесь мы имеем дело с глобальными закономерностями, которые в общественном плане проявляются в межличностном, групповом, сословном, классовом, международном и т.п. согласии и противостоянии - тождестве и борьбе интересов.

Определение борьбы состоит в том, что действие одного вызывает сопротивление и контрдействие другого. Между прочим, борьба, вопреки бытующему мнению, не является движущей силой истории, но моментом, даже сущностью исторической инертности.

Действительно, именно необходимость преодоления социального

сопротивления тормозит, растягивает во времени любые прогрессивные начинания и т.д.

Итак, история, как целостное понятие, как процесс согласия и борьбы, не подвластна философам, экономистам, политикам, физикам и др. Она не допускает непосредственного воздействия, что является фундаментом научно-исторического взгляда. Если бы было возможно прямое воздействие на историю в целом, то это должно было быть внеземное, божественное воздействие, тогда как человек - всего лишь "тело" этого процесса - активное и инертное одновременно.

КРИТЕРИЙ ИСТИНЫ

Если полагать, что существуют объективно-истинные и объективно-ложные знания о природе вещей и явлений, то, естественно, возникает вопрос о критерии истины. И, конечно, трудно придумать какой-либо объективный критерий, кроме как опыт, или практику (различия между которыми, скорее, надуманные, чем содержательные). Но здесь сразу возникают несколько вопросов.

Может ли быть что-либо практичнее человеческой истории? Вопрос, очевидно, риторический. Тем не менее, известно, что история ничему не учит и, вообще, отсутствует ее единое понимание и толкование.

Ну, а религиозная практика? Позволило ли многовековое служение религиям найти истинного бога, истинную мораль, истинные каноны, истинную веру?

Зачем, вообще, нужен такой критерий, который определяет истинность постфактум? Речь, по-видимому, должна идти о таком критерии, который бы позволил предсказать результат, а не заставлял учиться на ошибках.

С другой стороны, ясно, что любой научный результат, любое научное понятие суть промежуточное, содержащее в отношении будущих знаний как истинные, так и ложные представления.

Поэтому истинными можно назвать только те моменты старого научного воззрения, которые смогли сохраниться в новом. Если же те или иные представления о мире вовсе не претерпели изменений за многие века - значит они вовсе не научны. Да и практика, как таковая, не является чем-то навсегда данным, но сама меняется вследствие научных открытий, накопленного опыта и пр.

Посмотрим теперь на проблему с другой стороны... Не каждый имеет свое особое мнение о том или ином предмете. Те же, кто имеют, могут в одних случаях сходиться в своих оценках, в других - может царить полный разброд мнений.

Это порождает следующую проблему: "Можно ли каким-либо образом определить кто прав, если каждый из спорщиков остался при своем мнении?" Существует ли некий признанный всеми критерий, чтобы определить, например, кто прав в споре о вере: христианин, мусульманин, индуист или атеист?

Выскажем, прежде всего, ряд принципиальных положений:

1. Как известно, истина вовсе не зависит от мнения любого человека или всех вместе взятых.

2. По необходимости каждое мнение в какой-то мере ошибочно. Некоторые мнения могут быть истинны и ошибочны одновременно.

3. Широким народным массам присуща только смена знаний в процессе их исторического обновления, но не присуще углубленное проникновение в суть вещей.

Смутное, приблизительное, искаженное понимание явлений, отягченное повышенным самомнением, - норма и закон общественного сознания.

Этот феномен мы назовем законом "интеллектуальной стагнации".

4. При возникших принципиальных разногласиях люди расходятся, прежде всего, в критериях истины, что сразу ставит непреодолимый барьер к сближению идей.

Не следует признавать некое мнение правильным только потому, что оно высказано с беспристрастной точки зрения. Напротив, беспристрастное мнение, как ни к чему не обязывающее, наименее состоятельно.

Из сказанного следует, что после более или менее успешного или безуспешного обмена мнениями, каждый по необходимости считает себя правым, ибо иным умом, кроме своего собственного, иным жизненным опытом, иными знаниями, помимо индивидуально приобретенных, субъекту пользоваться не дано.

Как не известен способ снабдить каждого эталонным мозгом, эталонным набором знаний и навыков, так же не известен способ определить, кто прав или кто более прав.

Указанное противоречие, как мы показали, не может быть преодолено в рамках логики и потому является источником вечной борьбы.

В общем случае общественное мнение оказывает не критериальное, но суггестивное воздействие на каждого в отдельности, отупляя индивида и уничтожая в нем спонтанное стремление к истине.

Надеюсь, мы показали, что поиски истины в такой абстрактной и обобщенной форме, каковой является понятие "критерия истины", бессодержательны по своему определению и потому обречены на неудачу.

АВТОРИТЕТ КРИТИКИ

Предметом критики служат различные формы человеческой и только человеческой деятельности, как-то: поведение отдельного лица, действие политической партии, отдельные суждения, теории или учения, содержание юридического закона и т.п.

Особую группу предметов критики составляют объективные общественные формы и процессы: войны, народные движения, экономические формации, политические режимы и разновидности общественного сознания (религиозные, национальные, классовые, семейные и др.).

Критический метод, очевидно, имеет то общее с исследовательско-познавательной деятельностью, что он требует от субъекта критики усомниться в своем предмете. Однако критика и познание имеют различные объекты своего "приложения" и ставят перед собой различные задачи.

Хотя критика ищет в некоей теории внутренние противоречия, рас-

смагивая логическую структуру теории и т.п., но не изучает сам объект этой теории.

Критик, например, говорит: "С одной стороны, Вы доказываете, что метод есть необходимый момент теории, но, с другой стороны, Вы показываете, что любой метод служит помехой любому открытию; поскольку, далее, Вы никак не связываете противоположные суждения, то значит они эклектичны". Таким образом, критик дает о ц е н к у. Именно формирование оценки является, на наш взгляд, конечной целью критики. В этом смысле критик по необходимости односторонен.

В отличие от критика, исследователь рассматривает проблему в целом, как таковую. Изучив (в нашем примере) многочисленные труды и высказывания других, он беспристрастно /безоценочно/ констатирует существование одновременно двух явлений: продуктивности и ограниченности методик и т.д. Исследователь склонен сомневаться не в той или иной известной теории (ибо не теории являются объектами его изучения), а в самом себе: в объеме и глубине понимания объекта теории - реальности.

В частности, если предметом исследования служит общественное сознание, скажем, религия, то ее изучают, как любое иное существующее по необходимости объективное явление, в отличие от критицизма, воспринимающего религию чисто оценочно - как простое недомыслие. Ведь цель критики - показать заблуждения автора некой теории или ошибки неких субъектов действий.

Критика рассматривает свой предмет с таких позиций, как целесообразность, полезность, моральность и иных полярных понятий. Вот почему критик обязан занять определенную позицию, возможно не осознавая, что всякая позиция есть, как таковая, момент произвола и случайности.

Так например, православие совершенно по-разному должно критиковать с позиций буддизма, ислама, одной из христианских сект или атеизма.

Вся человеческая история рассматривается критикой, как непрерывная цепь ошибок целых народов, их идеологов и властителей, или, напротив, в виде логически совершенной схемы, как проявление высшей целесообразности.

В то же время, критика индифферентна к вопросам истинности и причинности.

По нашему мнению это происходит вследствие того, что критик, строя доказательства против того или иного автора, игнорирует тем самым предмет исследования, как таковой.

Единственное в чем не сомневается критик (в отличие от исследователя), так это в самом себе.

Поэтому ахиллесовой пятой критики является, так называемая, авторская слепота, когда критик, выдвигая правильные аргументы против некоего автора, сам повторяет его ошибки.

Приведем пример. Ф.Энгельс в работе "Развитие социализма от утопии к науке" критикует теоретиков социализма: Сен-Симона, Фурье, Оуэна, - за то, что их идеи не могут быть ничем другим, кроме как плодом произвольных домыслов, а сам механизм перехода к социализму представляется в виде чисто рассудочного процесса. И, кроме того,

почему народное счастье должно наступить с приходом именно этих "утопистов"?

Правильный вывод, который следовало бы сделать из этих суждений (говорим мы) - полностью отказаться от рекомендаций, ставящих своей целью счастливое завершение, как таковое. Но что мы читаем дальше у Энгельса?

"Поэтому социализм теперь уже не рассматривается как случайное открытие того или иного гениального ума, а как неизбежное следствие борьбы двух исторически возникших классов". /Благие намерения вдруг признаются естественно необходимыми/.

И затем: "...пролетариат... обращает... общественные средства производства в общественную собственность... Таким образом, становится возможным общественное производство по заранее обдуманному плану". И т.д.

Отдельным вопросом критики является проблема авторитета. Понятие авторитета как общепризнанности носит двоякий характер. В традиционном понимании авторитет есть объект веры. Это может быть вера в правильность некоего учения или политического действия, в совершенство искусства художника и др.

Мы уверены, что наш читатель, обладая критическим умом, не верит в возможность существования вечно правильного решения, скептически относится к сверхъестественной гениальности и т.д., и намерен продолжить поиск истины, а не просто присоединиться к сформировавшемуся мнению - то есть, не признает авторитеты. Но можете ли Вы игнорировать воздействие авторитета целиком? В таком случае, чью работу Вы изберете для своей критики? Будет ли это деятельность великого множества второстепенных особ или некоторых авторитетных личностей?

В этом смысле авторитет есть не сверхчеловек, но историческая личность, воплотившая в себе некоторые достижения своей эпохи, проходящие как сама история.

В то же время, очевидно, что, ограничивая себя авторитетами, мы тем самым скатываемся к обывательскому мнению, которое способно возвысить человека уже признанного, упуская из виду, возможно, более глубокие открытия, оставшиеся незамеченными.

Что касается исследовательской деятельности, то здесь апелляция к авторитету есть постулирование основания - утверждение /авторитетное подтверждение/ того, что оспаривается и должно быть доказано.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ВЕРА

Интеллект индивида характеризуется набором знаний. Если эти знания взаимоувязанны, ранжированы, то можно говорить о дополнительном качестве - системе знаний. Если термин мировоззрение отождествить с системой знаний, то больше и добавить нечего.

Однако существует, кроме того, специфическое понятие мировоззрения, как представления человека о мире в целом.

Мировоззрение оперирует такими предельно всеобъемлющими категориями, как Вселенная, Природа, Материя, Всемирный разум, Время и Пространство, актуальная и потенциальная Бесконечность и т.п.

Но, несмотря на всю наукообразность своих составляющих, мировоззрение, как нам представляется, есть не знание, а принцип. А всякий принцип по своему познавательного-психологического происхождения есть вера.

Поэтому мировоззрение есть вера в ту или иную "модель" Мира (изначально фантастическую), в которую удобно укладываются все конкретные истины. Именно естественное, подсознательное стремление к мировоззренческой форме постижения мира привело, как нам кажется, к всеобъемлющей идее бога. В качестве примера и доказательства беспомощности всеобъясняющего мировоззренчества, приведем существенную вариабельность атрибутов многочисленных религий.

Первой принципиальную фантастичность "научного" мировоззрения осознала, по-видимому, астрономия, споткнувшись на сериале всевозможных космогонических теорий, оказавшихся произвольными логическими построениями, включающими в себя специально подобранные истины, и ограниченных случайным набором фактов.

Тем не менее, не следует упускать из виду, что мировоззрение, как образ мыслей (вопреки вышесказанному), распадается на ряд локальных воззрений, например: социальное мировоззрение, экономическое мировоззрение..., которым, однако, присущи недостатки глобального мировоззрения.

В свою очередь, в социальном мировоззрении можно, например, выделить исторические учения ("Политии" Аристотеля, "Философия истории" Гегеля и др.) и социальные учения(социалистические, коммунистические, фашистские, анархистские, морально-религиозные и т.п.).

Исторические учения пытаются создать замкнутую логическую модель исторического процесса, а социальные - модель "наилучшего" общества. По самому своему подходу к теме и то, и другое подобно продуцированию мифов, обращенных в одном случае в прошлое, в другом - в будущее.

Здесь важно обратить внимание на то, что всякое сформированное человеком понятие фантастично по происхождению, и, тем не менее, оно может иметь истинно-конкретное приложение в узкоспецифическом ареале действительности.

Поэтому мы не собираемся отрицать конкретные исторические или

социальные учения во всех частностях. Так, вполне продуктивной можно считать идею о г р а н и ч е н н о й направленности исторического процесса в виде социального развития-деградации.

Что касается развития и деградации, то они одновременно и одновременно присущи не только обществу, но живой природе вообще. По сути соединение этих понятий служит одним из определений жизни.

Интересно отметить, что эти процессы асимметричны: если развитие есть процесс длительный, постепенный, волнообразный, идущий мелкими шажками - эволюционный, то периоды деградации краткосрочны, обвальны, катастрофичны. Отсюда, по-видимому, возникает иллюзия, что деградация есть нечто случайное, не свойственное природе живого. Так и в общественной жизни, статус мира признается нормальным состоянием, а война - чем-то таким, чего могло бы не быть.

Последние рассуждения показывают, что целостное воззренческое представление, объединяющее и войну, и мир и т.д., ближе к истине, чем одностороннее, бессистемное, но оно не должно вырождаться в глобальность мировоззренчества, ищущего признаки войны и мира во всем и повсеместно.

Итак, мы показали, что следует понимать под мировоззрением, и в каких случаях следует им пользоваться, а в каких - преодолевать в себе подобный шаблон мышления.

ВЕРА И РЕЛИГИЯ

Принято думать, что вера в бога - главное в религии, что это такое необходимое начало, без которого функционирование религиозных институтов (церквей, мечетей, буддистских храмов и т.п.) невозможно.

Предполагается, что без веры в бога невозможна вера в силу религиозных ритуалов и пр.

Сама постановка вопроса заставляет усомниться в истинности таких представлений. Действительно, трудно найти религиозную личность, которая воспринимала бы мифы о бытии богов и творимых ими чудесах не иначе, как иносказания.

Современные теологи, теософы и пр. с большой готовностью соглашаются с научными и техническими открытиями, "снимающими" те или иные религиозные мифы; они склонны сомневаться в различных "деталях" жизнеописания святых, отрицая одновременно существование причинной связи между конкретикой вероисповедания и функционированием религиозных институтов.

При этом религия решает суто социальные задачи, по отношению к которым содержание религиозной проповеди носит подчиненный характер.

Религиозные институты, равно как и атеистические (например, атеистические общества), являются одновременно и государственными институтами. В этом состоит их институциональная сущность. Даже в тех странах, где религия "отстранена" от государства, последнее в действительности контролирует и направляет деятельность ее институтов. Обычно в этих случаях создается специальный государственный орган типа "комитета по делам религий" и т.п. Напротив, трудноуправляемые

религиозные направления, конфессии и секты, имеющие антиправительственную или даже антигосударственную направленность, беспощадно преследуются государством.

Церковь всегда играла роль одной из идеологических институций государства, так сказать, для создания необходимого идеологического фона, - наряду с литературой, драматургией, кино и прочими разновидностями искусства.

Хотя в религии, как таковой, нет места для конкретных политических тезисов (на практике это выглядит не совсем так), религиозность и, более того, приверженность к одной определенной религии культивируется государством, как признак хорошего тона, как признак "добропорядочности" и проправительственной лояльности. Таким образом, с детства вырабатывают привычку идти "строим и в ногу" со всеми, а всем - с государством. Культивируется конформизм, как средство морального угнетения, когда каждый боится "оторваться от масс".

Природа такого страха заложена, как мы думаем, в сломленном сознании индивида, вынужденного примириться с исполнением религиозных ритуалов, несмотря на все сомнения по поводу происхождения религиозных мифов.

В то же время, такое - квазинейтральное - использование религии государством не исключает прямого подключения ее к конкретной политике, что нашло свое проявление в существовании автокефальных церквей, теократических режимов, миссионерства и пр.

Так религиозная ниша, отведенная сознанием обывателя для веры, в большей своей части оказалась занята политикой.

РЕЛИГИЯ И АТЕИЗМ

Схоласты средневековья, как известно, всерьез искали ответа на вопрос: "Сколько чертей возможно разместить на острие иглы?" Не так ли поступают и атеисты, решая неразрешимую задачу, чем умножают длиннейший ряд "доказательств" о невозможности существования бога и божественного? Разве могут что-либо доказать или опровергнуть очередные рассуждения, если атеизм априори предполагает, что нет предмета для обсуждения - нет самого бога?

Если верующий сначала постулирует существование бога, а затем приводит доказательства, то атеист таким же образом постулирует несуществование бога и тоже доказывает это. И те и другие для защиты своего мнения пользуются софистическими приемами, называемыми "постулирование основания" и "круг в доказательствах" и пр.

В то же время, следует признать, что бог существует в сознании, в наших представлениях, в многочисленных противоположных или схожих между собой образах или логических конструкциях. Бог существует в сознании как верующего, так и атеиста (иначе, против чего бы последний мог возражать?).

Вопрос же состоит в том, является ли сознание абсолютно точным отражением объективной (религиозной) реальности, как считает человек глубоко религиозный, а если нет (в чем убежден атеист), то какова возможная величина расхождения между истиной и мнением?

С другой стороны, обсуждать вопросы бытия бога, как целостного образования, - значит полагать его, как некий предмет, который может

существовать или не существовать. Атеист задается вопросом, что такое бог, как если бы спрашивал: "Что такое гиппопотам?"

Ясно, что в такой постановке вопроса возможность существования бога или заложена с самого начала /тогда что же после этого опровергать?/, или с самого начала отрицается /тогда зачем же доказывать?/.

Очевидно, исследовательская наука вовсе не должна заниматься ни доказательством существования бога (или богов, а также чертей и т.п.), ни его опровержением.

Напротив, факт религиозного сознания и религиозных институтов не требует доказательств, но может служить предметом изучения. Религия, собственно говоря, давно является предметом изучения для многих наук: философии, истории, этнографии, психологии, психиатрии, политологии, политической экономии и др.

На всем присуще религиозное сознание, но на всех действуют отупляюще любые формы внушения непостижимого. В то же время, нелепости в равной степени присущи как религиозным, так и антирелигиозным догмам: как доказательствам бытия бога, так и доказательствам его небытия. В обоих случаях Вы вращаетесь вокруг абсурда.

В то же время, вера не есть заблуждение, ибо здесь отсутствует процесс познания; поэтому она не может быть ни доказана, ни опровергнута.

Атеизму ничего не остается, как навязывать верующим ответы на вопросы, которые те не ставят.

Отсюда понятно, между прочим, почему атеизм стал ведущей идеологией в одних тоталитарных государствах, тогда как фундаментализм - в других. Ведь атеизм используется не столько как средство против религии, сколько как средство вместо религии, а именно, как прививка от свободомыслия.

(Мы, однако, не собираемся утверждать, что религиозная вера или атеизм присущи исключительно тоталитарному строю).

С другой стороны, современные религии, в частности христианство, не так уж и стремятся доказывать реальность божества. Сейчас теолог говорит: "Я верю, и это мне помогает. Верьте и Вы", - и т.п.

Есть ли здесь основания для возражений? Нужно ли здесь возражать вообще?

"Атеист-схоластик" обычно бросает в сторону верующего известную реплику: "Нельзя заставить стоять полностью парализованного человека", - пытаясь тем самым скрыть собственную несостоятельность, ибо атеист сам себе не способен ничего доказать и вовсе не ставит перед собой этой задачи.

Ведь принципиально невозможно доказать, что нечто не существует актуально или что "этого не может быть объективно", ибо такое утверждение было бы равносильно бесконечному знанию бесконечного мира. А из незнания не следует ничего.

Тем не менее, можно в том или ином конкретном случае показать, что этого могло бы не быть, что уже само по себе отрицает бога, как всемогущую и всешущую самость - как абсолюта.

Так например, невозможно опровергнуть утверждение о том, что Земля была создана Саваофом за один день, но можно показать, что она вполне могла возникнуть, как сколок Солнца или сгусток косми-

ческой пыли, чем, собственно говоря, отрицается необходимость существования Саваофа. А раз он не необходим - значит он не бог или не вполне бог и т.д.

Вообще, согласно "принципу неопределенности", если настаивать на конкретном, детальном описании того или иного божества, то по необходимости приходим к абсурду, даже к чему-то очень смешному - вплоть до выяснения вопроса: "Чей бог лучше?"

Напротив, если вовсе абстрагироваться от деталей, то приходим к синонимии: бог есть естественный процесс структуризации и деструкции, то есть к идее "всеобщего разума".

В то же время, любая религия, как замкнутая логическая система, по необходимости сама себя отрицает.

Действительно, суть религиозной догмы заключается в определении бога, как независимо действующего начала /в виде "божьего промысла"/ - с одной стороны - и одновременном признании за верующим права и обязанности обращаться к богу с молитвой - с другой стороны.

Поскольку же задача молитвы состоит в том, чтобы вызвать определенное божественное деяние, сообразное чаяниям верующего, то тем самым отрицается божественный произвол, а значит, и само существование бога-деспота. Вообще, все определения бога (самый могущественный, самый мудрый, самый чуткий, всегда- и вездесущий и др.) характеризуют его, как границу естества, выводя тем самым понятие бога за пределы реального существования.

Итак, мы показали, в какой степени бог по своему понятию - не совсем бог, а небог - бог.

Все здесь сказанное в "защиту" религии ни в коей мере не отрицает того всеми признанного факта, что многочисленные богословские учения содержат тьму всевозможных несуразностей.

Те же, кто утверждает, что библия /как и пр. писания/ умышленно была написана иносказательно, должны бы прийти к выводу, что сама идея бога суть иносказание.

Разоблачать эти несуразности, как это делает атеизм - значит бороться за чистоту религии.

Но не будем углублять атеистический грех доказательством невозможности богоявления.

Не следует упускать из виду, что мировые религии появились более тысячи лет назад, и, естественно, их легко критиковать с позиций сегодняшнего дня. Если бы в наше время формировалось понятие бога, то вряд ли оно было бы более уязвимым, чем идея создания фотонной ракеты и прочие научные фантазии.

В качестве новых богов теперь выступают сверхцивилизованные инопланетяне, посещающие нас на космических тарелках и др.

Так или иначе, мифы на божественную тему - о том, что "что-то существует", постоянно продуцируются человеческим сознанием (точнее: сознанием отдельных людей).

Известно также, что одни создают мифологические образы, способные раз и навсегда все объяснить, прежде всего, самому себе, так сказать, для личного пользования, тогда как другие - для того, чтобы убедить в этом других. На государственном уровне это выливается в миссионерство. Так или иначе, проблема веры и атеизма носит непреходящий, внеисторический характер.

Рассмотрим еще проблему спонтанного тяготения атеистов к религии, так сказать, с возрастом или в связи с иной кризисной ситуацией в жизни. Провоцирующим мотивом здесь служит идея существования загробного потустороннего мира, идея перевоплощения душ и др. и связанная с этим мораль воздержания, присущая всем мировым религиям.

Обычно "инстинкт самосохранения" или, в более широком смысле, "борьба за существование" трактуют как некий закон жизни, как безусловную необходимость, которая, однако, может иметь исключения в виде спонтанных или спровоцированных самоубийств.

В то же время, само существование подобных исключений должно навести на мысль, что инстинкт самосохранения - это не закон, но некий жизненный потенциал, имеющий вполне определенную, а значит вполне ограниченную величину.

Когда этот потенциал снижен в результате психического заболевания или истощен внешними воздействиями, теряется интерес к жизни /что свойственно старости/ или возникает непреодолимое отвращение к ней, за чем следует суицид.

Напротив, боязнь смерти, отвращение к ней и т.п. есть проявление высокого жизненного потенциала, контрастирующего, порой, с тяжелым поражением организма или с фатальностью сложившейся ситуации.

Религиозные учения, в частности христианство, направлены на снижение жизненного потенциала верующих, подменяя логику самосохранения идеей загробной жизни, надеждой на вечное спасение и т.п.

Однако религия в этом не одинока: эту же цель преследуют многочисленные этико-философские школы, практическая медицина и др.

Кто жаждет утешений - пусть их найдет /а кто не хочет?/. Мы же отметим, что отчаяние, охватывающее умирающего, - это есть триумф жизни.

Известно также, что в молодые годы человек, благодаря избытку гормонов, живет настолько интенсивно, настолько полно, что прожитый день стоит всей жизни. Поэтому его не беспокоит даже сравнительно близкое будущее, не говоря уже о перспективе отдаленной смерти. Так что, если молодой человек верит в бога, то не из-за боязни смерти. Но с возрастом менее насыщенными становятся дни, быстрее "бегут" года, беспокойнее становится на душе, и человек начинает искать о п о р у... в собственном сознании. Он ощущает приближающуюся пустоту жизни и поэтому начинает бояться неотвратимого приближения смерти. У человека спонтанно возникает представление об особой ценности жизни, вследствие чего он оказывается психологически незащищенным от расставания с ней.

Исключительность, индивидуализм молодости уступают место старческому конформизму: "Все там будем".

Для молодости важна свобода, для старости - защищенность. Отметим, что это не животная боязнь смерти, свойственная человеку в любые периоды его жизни, но чисто человеческий страх, ибо только человек знает, что умрет. Эта зависимость жизнедеятельности человека от уровня психической устойчивости невыгодно отличает человека от животного, и в этом смысле человек есть вид вырождающийся, "мо-

рально устаревающий".

С другой стороны, боязнь смерти предопределена боязнью тягостного состояния и унижения умирающего человека, поскольку в большинстве своем люди умирают при полном сознании от соматических заболеваний. Это скорее боязнь агонии, нежели самой смерти. Напротив, долгожители обычно впадают в депрессию, вследствие которой они сами хотят умереть, или становятся маразматиками. О сохранении какой души в этих случаях может идти речь, если она покинула человека еще при жизни?

Несправедливо было бы осуждать человека за его религиозное воспитание или за приверженность к традиционным формам религиозной морали, или за психологическую незащищенность перед вечностью.

Но и от атеиста нелепо было бы ожидать уважительного отношения к человеку верующему. Ведь любая вера, которая обеспечивает индивиду психологическую защиту, тем самым ставит его в зависимость от этой веры. Человек не господин, но раб своей веры.

Одна из отличительных особенностей теологии состоит в том, что она мыслит в одной плоскости, в самоограниченном замкнутом пространстве. Эту позицию превосходно выражает постулат, подобный следующему: "Существует вера, одна только вера, ничего кроме веры". Формула религиозной нетерпимости может иметь и более мягкое выражение, типа: "Существует бог, единый бог и множество путей его познания, но только один путь истинный". Могут быть и более плюралистические формулировки, но, в любом случае, в пределах глобального /а значит, замкнутого/ мировоззрения все есть божественная вера и поэтому нет места для человека неверующего; его, просто, не может быть. Так же не может культурный человек верить в бога с точки зрения атеиста. И коль скоро материализм выдвигает идею всеобщности материи, то этот обскурантский тезис отличается от теологического, главным образом, терминологически.

Но вернемся к религии. Поскольку неверующий - это нонсенс, то тот, кто выдает себя за атеиста - дьявол, представитель враждебных человеку и природе сил, в лучшем случае, человек порченный, который усилиями миссионеров и пр. может быть наставлен на путь истины.

Аналогичным образом мыслит и атеизм, считая верующего личностью ущербной, которую можно и следует переубедить, помочь осознать смешные и вредные заблуждения...

Кто же прав в этом споре? Ответ, на наш взгляд, состоит в том, что истинность логической конструкции не имеет какого-либо отношения к познанию реальности. Нам нет необходимости заигрывать ни с теми, ни с другими. Тем более мы не намерены примирять религию и атеизм. При всей ограниченности религиозных представлений, в каждой религии отражена актуальная непознанность мира, игнорируемая традиционным материализмом. В вере мы обнаруживаем больше скепсиса, чем в безверии.

Впрочем, спор между религиозной верой и религиозным безверием вряд ли может иметь научную основу, но само это противостояние, безусловно, заслуживает научного изучения.

ВЕРА И СКЕПТИЦИЗМ

Если с детства не привить человеку веру в бога (путем внушения, насилия или примера), то что еще смогло бы заставить его (перефразируя Фому Аквинского) поверить в нелепость, разоблаченную самой историей?

Конечно, самостоятельную роль здесь играть этическая составляющая, которую каждая религия стремится представить как свою неотъемлемую часть. Ведь моральным догмам, несмотря на внутреннюю противоречивость, неопределенность и историческую ликвидность, присущи признаки правдоподобия и глобальной применимости - вследствие чего они легко могут стать предметом веры.

В то же время, не следует думать, что для культивирования веры обязательно требуются специальные средства воздействия, используемые религиозными институтами, ибо вера, как таковая, есть атрибут психики.

Пусть наш читатель (верующий или неверующий) вспомнит, с какой легкостью он поверил в те или иные научные открытия, некоторые из которых впоследствии оказались невольными заблуждениями или заведомо ложными инсинуациями. А с какой готовностью мы склонны верить любому публично сказанному слову: будь то научно-популярная литература, газетная статья, выступление по радио или текущая "информация" по телевидению и т.д., которые отчасти ошибочны по лениности и недомыслию их авторов, отчасти ложны предумышленно и тенденциозно односторонни!

Вера, конечно, присуща и самому ученому, независимо от того, истинным или ошибочным оказалось его открытие - синтез сомнений и веры.

Какие бы оттенки не принимала вера: то ли это уверенность, то ли доверие, убежденность или знание - в основе всех этих понятий лежит феномен веры. Конечно, особая роль знания определяется процессом формирования веры после безверия, скепсиса, сомнения и неотрывно от них.

Ведь суть науки, в отличие от религиозной догматики, заключается не в преклонении перед уже достигнутым, но в его отрицании и поисках нового.

Однако, если мы обратим внимание на многолетнее отрицание современной наукой достижений народной медицины, если вспомним воинствующий обскурантизм казенно-атеистической советской науки, отрицающей генетику и кибернетику и др., то придем к противоположному выводу - самоуверенное безверие и вездесущее сомнение догматизируют науку не меньше, чем слепая вера в ее непогрешимость и могущество, лишают ее объекта исследования, подчас столь мимолетного, являющего нам лишь блеклые следы своего существования.

Вообще, вера и скептицизм есть две стороны одного и того же понятия. Ведь верить во что-то - значит сомневаться в противоположном. Более того, бессмысленно верить или не верить в стул, на котором сидишь, но приходится верить в нечто неуловимое, верить в то и именно потому, в чем и почему следует сомневаться.

Как же не ошибиться? Если бы ответ существовал, то наука из искусства превратилась бы в ремесло.

Можно утверждать, что, вопреки перечисленным недостаткам и ограничениям, вера является атрибутом всякого общения вообще.

Ведь общественное сознание не есть склад нейтральной, отрешенной, безразличной информации, но его структура зиждется на сформированных с детства убеждениях, то бишь на разновидностях веры. Изменить общественное сознание можно именно теми средствами, с помощью которых они были сформированы, как-то: прямым насилием и запугиванием (принятие христианства на Руси), сменой рода деятельности или изменением сословной принадлежности, использованием массовой суггестии и др. Особое место по своей эффективности, как известно, занимает перевоспитание юношества и детей. Ведь детство - не просто период физического созревания, не просто время главной адаптации живого существа к среде обитания, но также период усвоения, уверования тех или иных форм общественного сознания, период формирования убеждений, принципов, то есть опять-таки веры.

Поэтому теологи, пожалуй, правы, утверждая, что не существует ни во что не верящих людей; однако существуют люди не верящие ни в одну из религий и, одновременно, скептически относящиеся к научным знаниям.

Из сказанного ясно - вера порождается сомнениями. Сомнения вечны, и поэтому вера изменчива.

Для религиозного и нерелигиозного сознания характерны различные области сомнений и поэтому не совпадают области веры. Отсутствуют какие-либо подтверждения расхожих представлений об интеллектуальной неразвитости религиозного человека и духовной опустошенности нерелигиозной личности. Тем не менее, сколь сильно и глубоко должно быть религиозное чувство, чтобы поверить в религиозную мифологию! Сколь сильно? - Это зависит от того, насколько индивид сомневается в религиозной догматике. "Верую, ибо нелепо", - говаривали средневековые схоласты. Напротив, буквальная вера в содержание религиозных догматов делает поверхностной Вашу веру в бога.

Одновременно нельзя отрицать великую силу духа того, кто верит на грани абсурда, что течение времени зависит от принятой системы отсчета или, что Земля вращается вокруг Солнца, или, наконец, что, вопреки убеждениям, присущим большинству людей во все века, бог есть чистый вымысел.

Но немногого стоит атеист, убежденный в социально-психической неполноценности человека религиозного.

Необходимо также подчеркнуть отсутствие диаметральной противоположности между религиозным и нерелигиозным сознанием в том смысле, что существуют промежуточные формы мировоззрения, например, деистическая вера в творца или первоначало, в высшее существо и т.п. при абсолютном отрицании любой религиозной мифологии. И т.д.

Вера порождается сомнениями.

ЕСТЕСТВЕННОЕ ЧУДО

Сверхъестественное невозможно по своему понятию. Поскольку сверхъестественное иной природы, чем все остальное, постольку оно не может взаимодействовать с естественным миром. Так, коль скоро душа сцеплена с телом неким образом, пусть в одной только точке, - значит они одной природы. Если они разной природы, то это означает, что между ними не существует ни одной точки соприкосновения или общего признака для сопоставления.

Вопреки своему определению, термин "сверхъестественное" чаще употребляют в ином смысле - как нечто "естественно существующее", которое, однако, недоступно человеческому разуму. А нашему разуму не доступны самые, казалось бы, очевидные вещи, например: "Почему мир так устроен, что диагональ квадрата не соизмерима с его стороной?" и т.п. Конечно, это пример чуда, но наукой оно не выпячивается, как таковое, ибо само собой разумеется: не будь незнания - не возможно было бы развитие знания. Истинная наука занята истинными чудесами. Все это тривиально.

Напротив, религия широко эксплуатирует понятие чуда, специально выдумывая дикие мифы, вполне доступные неразвитому уму, для которого принятие действительных чудес, пронизывающих всю сущность нашего бытия, является невозможным.

Но почему религия делает акцент на чудесах? Потому, думается, что явление чуда подчеркивает равноценность всех индивидов от дурака до гения. Религиозное чудо "работает" как идея смирения гордыни. Подчеркивая ничтожность человеческого знания, фатальную ограниченность науки, религия тем самым пытается придать особое значение самой себе.

Здесь в неявной форме мы сталкиваемся с софизмом типа "подмены тезиса", ибо из ничтожности одного вовсе не следует величие другого.

Таким образом, можно верить в религиозные чудеса, можно не верить в них, но следует признать, что обскурантизм есть опорная стена любой религии, как бы последняя ни "соглашалась" с существованием науки.

Напротив, наука, в отличие от религии, отрицая завершенность мировоззренчества и постоянно борясь со спонтанной аутосуггестией, взирает на мир, как на незавершенное чудо.

ГНОСЕОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

С точки зрения религиозного человека предмет его веры существовал, существует и будет существовать. Это нечто достоверное, доказанное и общеизвестное. Вера для него означает одновременно моральную систему, ритуал и мифологию.

Таким образом, для верующего предмет его веры вовсе не представляет гносеологическую проблему... Но означает ли это, что телеология полностью игнорирует проблему истинности?

"Истина" в религиозном понимании - это доказательство того, почему следует креститься двумя перстами, а не тремя, доказательство триединства бога, божественности папы Римского и др.

Из этих примеров (почерпнутых из христианства) мы видим, что лишь синтаксически, чисто формально теологическое понятие истинности совпадает с гносеологическим, ибо само противопоставление мышления объекту чуждо теизму.

Независимость объекта (материи) от мышления не является проблемой для религии именно потому, что в ней неявным образом постулируется полная адекватность мышления объекту веры.

Напротив, гносеологический принцип постулирует неопределенность в сопоставлении мышления и материи. Крайние точки здесь следующие.

Агностик: "Наши мысли - это лишь мысли о мыслях". Гностик: "Все, что присутствует в мышлении, должно быть и в объекте". Вполне очевидно, что обе крайности, как пределы применимости гносеологии, легко могут быть трансформированы в догматы веры.

Далее, понятие истины двойственно; возможно, даже, что существуют два различных понятия: истина логическая - истина "правильных" выводов, "правильных" доказательств, которая с успехом используется религией (основоположник логики Аристотель является непрекаемым авторитетом среди христианских теологов), и истина гносеологическая, истина процессуальная, истина восприятия и отображения реальности.

Гносеология, как и физика, химия, экономика и другие естественные и общественные науки, противоположна логике, поскольку законы гносеологии раскрывают, выявляют, исследуют, но не доказывают. Ведь никто не пытается логически опровергнуть или доказать, что скорость падения физического тела пропорциональна его весу /или не зависит от веса/, но ссылаются на закон Галилея и т.п.

К области гносеологического исследования следует отнести и такие закономерности психики, как склонность человека к фантазированию, к неумышленной или предумышленной лжи и т.д., что позволяет подойти к исследованию религиозных верований и религиозных мифов с научной точки зрения.

В то же время, как мы говорили, теология не имеет точек соприкосновения с гносеологией, значит не обязана признавать ее доводы и опровержения, отрицая сам образ научного мышления.

Поэтому нам думается, что положительно решить эту проблему (прийти, так сказать, к общему знаменателю) так же невозможно и так же нелепо(!), как пытаться вывести понятие иррациональных чисел из представления о рациональных числах и т.п., иными словами, следует раз и навсегда признать, что религиозная вера имеет свою неслучайную нишу в общественном сознании. Так что, хотя одна форма общественного сознания - религия - может служить предметом исследования для другой области общественного сознания - науки, это еще не является основанием для их оценочного ранжирования.

ПРИЧИНА И ИНЕРЦИЯ В ИСТОРИИ

Как известно, по закону Галилея для того, чтобы физическое тело двигалось равномерно и прямолинейно, т.е. по инерции, не требуется ничего.

Мы видим, что не всякие процессы нуждаются в какой бы то ни было причине. С другой стороны, нам не известны какие-нибудь вечные явления или вечные процессы. Это означает, что если тело находится сейчас в инерционном движении, то ранее оно должно было покоиться или двигаться по кривой, или оно вообще не должно было существовать, то есть, так или иначе, должна быть причина, которая перевела бы тело в это новое для него состояние. В то же время, как бы долго ни находилось физическое тело в ускоренно-криволинейном движении, как только все силы иссякнут, оно будет продолжать движение по инерции.

Таким образом, свойство инерции атрибутивно присуще любому физическому телу. Кстати, этим моментом всеобщности снимается качественная исключительность инерционного движения.

Для социологии из всего сказанного важно одно: движение не исчезает в отсутствие причин (сил), но только изменяет свой характер. Поэтому инерционность общественных процессов не требует никаких объяснительных причин. Причины "работают" только тогда, когда меняется сам характер процесса.

Так, старение машин и зданий, как спонтанный процесс, есть важнейшая причина экономических кризисов. Однако, чтобы эта причина возникла, сначала нужно было произвести эти самые машины. Мы видим, что причина возникновения кризиса была заложена уже в спонтанном процессе экономического "развития".

Можно утверждать, что инерция стабильного общественного процесса (воспроизводство тех же самых машин и интенсивная эксплуатация морально устаревшей техники) создает и подпитывает причины, его разрушающие.

Думается, что это положение относится также к той или иной общественной формации в целом. При распаде того или иного общественного строя возникает иллюзия, что погибает именно эта форма общественных отношений и именно потому, что она такая. В действительности же мы имеем распад общественных отношений как таковых, ибо в этот период прерываются в связи, как то: начальник - подчиненный, собственник - пролетарий, производитель - защитник, пекарь - хлебопашец и др.

Последующее возобновление общественных отношений, как таковых, может стать пролонгацией докризисных процессов в виде:

- исторической инерции предшествующих отношений внутри общества, в том числе, влияния второстепенных структур, сформировавшихся в недрах старого строя. Например, пробуржуазные отношения, возникшие в недрах крепостничества или чиновничий абсолютизм - предвестник социализма, возникший в посткрепост-

нической России, или, так называемый, хозяйственный расчет - предвестник капиталистического рынка, созревший уже в социалистическом обществе;

-распространения инерции исторического процесса на межнациональные отношения, как то, порабощение цивилизованных народов древности варварами, татаро-монгольское иго на территории Древней Руси, советизация западных славян, прибалтов и др.

В любом случае, если Вы, наш читатель, хотите найти причину причин, нужно помнить, что новое возникает из ничего (иначе, какое же оно новое?) и этим беспричинным явлением, этим ничто являются пересекающиеся множества спонтанно (инерциально) протекающих процессов.

ПРОЦЕССЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРИЗАЦИИ

Человеческое общество структурировано, как в сфере обменных процессов между человечеством и нечеловеческой (внешней) средой, так и в межличностном (общественном) плане.

Отношения индивида с окружающим миром (в том числе с другими людьми) могут быть представлены, например, в виде следующей структуры уровней взаимодействия:

- физического (силовой, внешнеконтактный);
- физиологического (пищеварительный, половой...);
- эмоционального (восприятие красоты природы, суггестивные взаимодействия людей...);
- информационного (получение информации от внешнего мира и запоминание ее, обмен информацией между людьми) и пр.

*Другой пример структуры - обменный процесс между человеком и природой:

- потребление природных (внечеловеческих) ресурсов;
- культивация (улучшение) антропоморфных свойств окружающего мира;
- защита от воздействия стихии;
- рекультивация (восстановления природы в первоизданном виде) и пр.

Вообще говоря, признаков классификации существует множество и можно придумать еще столько же.

Ограничимся примерами структур межличностных отношений и структур типа человек-природа.

В первом случае это могут быть сословия (купцы, чиновники, помещики...), классы, группы функционеров (политики, писатели, организаторы производства, военные ...) и др.

Во втором случае структура может быть представлена в виде профессионально-отраслевого деления людей и т.д.

Итак, исторический процесс, вообще говоря, есть процесс изменения структур. Конечно, есть изменения и изменения.

Одно дело, когда профессия землекопа замещается профессией экскаваторщика, другое - когда статус крепостника сменяется общественным положением буржуа.

Важнейший вопрос, однако, состоит вот в чем: что является генератором структурных изменений, и каковы механизмы изменений?

Поэтому процесс изменения общественных отношений нам представляется как обычное состояние общества, в котором индивиды перманентно совершают множественные попытки установления между собой разнообразных, произвольных с точки зрения субъекта, связей; обычно, поскольку попытки эти не согласованы по интересам, они носят спорадический характер. Однако к определенному моменту времени связи одного определенного типа возникают между достаточным - критическим количеством индивидов, что приводит к лавинообразному закреплению их. Таким же образом происходит и разрушение старых связей. Из наших представлений непосредственно вытекает, что новая общественная структура по необходимости предопределена существующей, а значит, хотя бы в этом смысле, не может быть плодом чистого разума.

Отметим еще феномен нелинейности развития, присущий живым структурам - будь то отдельный организм, популяция животных или человеческое общество.

Эта закономерность выражается в том, что некоторые функциональные особенности живой структуры, стоящей на более ранней ступени развития, могут оказаться более сложными и многосвязными, чем аналогичные функции в более поздних структурах. Так например, из исследований Л. Моргана известно, сколь сложными были семейные отношения между родами в первобытнообщинном обществе американских индейцев (что препятствовало генетическому вырождению человека). Однако в дальнейшем семейные отношения упростились до обычного запрета прямого кровосмешения, хотя проблема здоровья новых поколений не потеряла актуальности, особенно в замкнутых группах, какими являются деревни и т.п.

Другим примером может служить высокая степень развития римского законодательства, которое лишь через полторы тысячи лет средневекового невежества дало толчок и послужило базисом для законотворчества нового времени.

По сей день остается непревзойденной плеяда древних ораторов - от Демосфена до Цицерона и т.д.

Так же обстоит дело с государственной, политической и экономической структурами посткрепостнического общества - социализма, которые, в определенном смысле, много сложнее аналогичных структур более передового буржуазного общества.

В качестве иного примера могут служить выдающиеся способности ребенка к языкам, которые он утрачивает в процессе взросления и т.д.

Теперь нам следует обратить внимание читателя на известные признаки недоразвитости человеческой популяции (они же - признаки ее вырождения), как-то: отсутствие волосяного покрова, отсутствие хряща или косточки в мужском члене, менструальные явления у женщин, весьма продолжительная беспомощность новорожденного и др. Все это, наряду с присущей ему плодородностью и известной генетической близостью с всеядной свиньей, вполне может указывать на более низкую общую организацию человека разумного по сравнению с плотоядными (кровоядными) млекопитающими.

Поэтому противопоставление развитого мозга человека недоразвитости его организма может служить очередным примером нелинейности развития живой природы. (Здесь мы не рассматриваем эту биологическую проблему, как таковую; для нас важна сама возможность такого явления).

Нам осталось преодолеть "маленькую" трудность: выяснить, где возникают те условия, которые избирательно закрепляют (или разрушают) общественно-структурные отношения. Здесь особенно важно то, что уже сам вопрос подразумевает существование внешних причин, действующих наравне с внутренними.

Для процесса общественных отношений, как мы думаем, вовсе не требуется каких-либо изменений свойств внешнего мира, но достаточно простой определенности внешнего воздействия (взаимодействия), чтобы "сами собой" происходили перманентные селективные изменения общественных отношений.

Так, непрерывно меняется форма хитросплетения лиан в джунглях, тысячами питающихся одними и теми же соками одной и той же земли.

То есть, внешний фон необходим для развития, но как питательная, а не структурирующая среда.

В то же время известно, как некоторые специфические изменения внешней среды непосредственно влекут за собой вполне определенные изменения социальные. Например, физическое старение основных средств производства является одним из фундаментальных моментов экономического кризиса; неурожай способен спровоцировать голодный бунт и т.д.

Все эти причины и их следствия накладываются друг на друга, создавая невообразимо пеструю мозаику общественного процесса.

Теперь обратимся к биологическим корням общественного расслоения, как момента структуризации. В отличие от "общественных" насекомых (муравьев, термитов, пчел и пр.) в человеческой популяции, казалось бы, отсутствуют социально-значимые биологические различия между людьми. Но, если бы это было так, то возможность структуризации была бы весьма сомнительна. Правда, структуры высокой степени симметрии, подобные кристаллическим решеткам, состоят часто из одинаковых элементов ...

И действительно, хорошо известны врожденные типовые различия людей на нервно-психическом, эмоциональном и интеллектуальном уровнях. Эти свойства в процессе воспитания и самовоспитания обретают форму индивидуального характера и индивидуального набора навыков. При этом, конечно, любая черта характера имеет ту или иную социальную значимость, но должны быть главные, приводящие к такой структуре, когда интересы одних служат необходимостью для других. Поэтому мы вправе разделить людей на две категории.

К одной относятся личности конформные, жертвенные, не мешающие жить другим, ориентирующиеся на целесообразное преобразование природы и общества, испытывающие удовлетворение от процесса собственного труда, что является фактором их самозакрепления и т.п.

Вторую составляют типы эгоцентричные, эгоистичные, стремящие-

ся жить за счет других и испытывающие от этого особое удовольствие, желающие облагодетельствовать народ или, напротив, всегда готовые принести его в жертву "идее" или собственным устремлениям и т.п.

Упомянутое биологическое (врожденное) разнообразие духовной сферы, закрепленное и специализированное в процессе приспособления людей к реальной жизни, служит источником непрерывного процесса расслоения общества или репликации общественной дифференциации: политической, экономической, служебной, семейной и пр.

С другой стороны, ясно, что акцентуация характера сама по себе еще не определяет действительного положения личности в общественной иерархии. Это объяснимо, поскольку каждому в той или иной степени присущ набор всех человеческих свойств, а для сохранения уже приобретенного общественного статуса (в отличие от его изменения) не требуется обладать ярко выраженными чертами характера и т.д.

Итак, мы показали, в чем состоит структурность общества и как в идее структуризации проявляются глубинные свойства социума.

НАУКА В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Влияют ли естественные и общественные науки на скорость протекания общественного процесса?

На первый взгляд - что же ускоряет общественный процесс, если не наука? Наверное, да, если это божественная наука.

Земная же наука сама является моментом социальных явлений, а не представляет некое внечеловеческое, внеисторическое начало. Поэтому ученый в том же смысле продвигает, ускоряет исторический процесс, в каком он может бежать впереди самого себя или, подобно барону Мюнхгаузену, способен поднять себя за волосы.

Ошибка, заложенная в вопросе, является следствием обычных представлений об историческом процессе как о таком, который имеет определенное направление и цель, детерминированные волей и самосознанием индивидов. Наука, разумеется, участвует в общественном процессе, но не как субъект движения.

Ее можно сравнить с сердцем, легкими, мозгом, наконец, желудком ребенка. Но ребенок развивается не потому, что дышит и даже не потому, что ест и т.д.

Как же тогда объяснить возможность разработки социальных прогнозов и социального планирования? Или, быть может, науку следовало бы исключить из понятия общественного процесса? Разве нельзя представить, что наука развивается сама по себе, а уж все остальное движется благодаря науке? Это выглядело бы вполне правдоподобно.

Так почему же мы настаиваем на том, что наука есть лишь один из моментов саморазвития общества, пусть особенный момент:

критерий исторического развития, но никак не его генератор?..

Мы, таким образом, подводим читателя к той мысли, что для того, чтобы быть движущей силой общественного процесса, наука сама должна находиться вне его. Но если бы дело обстояло таким образом, то была бы невозможна преемственность в науке, невозможна была бы обратная связь по реализации-проверке открытий - то есть невозможно саморазвитие науки.

Итак, если наука вне истории, то невозможно ее саморазвитие, если же наука способна сама себя развивать - значит, она сама исторична и не может быть инициатором общественного процесса.

Вообще говоря, общественное бытие уже включает в себя все формы сознания, не являясь ни первичным, ни вторичным по отношению к нему.

Наука возникла на определенном этапе развития не как произвольный телеологический аппарат, но как необходимый момент общественного бытия.

Поэтому не приходится уповать на то, что именно наука спасет и облагородит человечество или, напротив, погубит его. (Но само развитие науки является моментом благотворным и губительным).

Теперь посмотрим на все это с "практической" точки зрения. Можно ли изобрести общественные отношения?

Иными словами, если идея общественного переустройства уже появилась у Вас, наш читатель, появилась не как решение злободневной задачи, но как проект совершенно новой, целесообразной, оптимальной структуры - общественной формации, как план новой исторической эпохи, может ли она быть реализована?

Почему, собственно говоря, нет? Почему конструкцию отдельного механизма, отдельной машины, проект отдельного закона можно реализовать (наряду с реализацией многих других проектов), а проект эпохи в целом нельзя?

В чем тут заковыка? Потому, очевидно, что нельзя исключить талант и инициативу множества других, имеющих совершенно иные представления о целесообразности.

Эпоха создается комплексом множества открытий, множеством изобретений и их реализаций и т.д., то есть требует усилий популяции в целом на протяжении длительного временного периода.

То есть, эпоху невозможно создать одномоментными усилиями одного человека или одного направления человеческой деятельности - будь то наука или техника, искусство или политика и т.п.

НАУЧНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

Наука, давным-давно открывшая траектории движения планет, комет, звезд и сделавшая, таким образом, прогноз их местоположения на миллионы лет вперед, наука, предвидящая изменения космического масштаба, тем не менее, ничего не говорит о будущем человечества.

Правда, давно высказано предположение о том, что человечество не вечно, но это утверждение является пределом прогноза, границей понятия прогноза, но не его "телом".

Погибнет ли человечество в результате всемирной катастрофы или вследствие эпидемии, путем ли ликвидации собственной экологической ниши, или, попросту, медленно вырождаясь - все эти и подобные им варианты равновозможны.

Сегодня мы не знаем, будет ли тому причиной экологическая катастрофа, термоядерная война, распад экономических отношений или нечто иное; мы не знаем, произойдет ли такая катастрофа в XX веке или 20 тысячелетий спустя, но тенденция обозначена.

Вообще говоря, можно утверждать, что каждая ступень развития имеет свой, только ей присущий предел сложности ее структур, вне которого эти структуры теряют свою "работоспособность", и система саморазрушается. Мы не знаем, почему это происходит, однако ясно, что должен наступить такой момент, когда человеческий разум будет не в состоянии справиться с порожденными им сложностями бытия, что, в свою очередь, должно привести к краху.

Авторы социалистических учений подошли к проблеме будущего с позиции интеллектуального произвола. Они вовсе не утруждали себя прогнозами естественного развития, но предлагали хитроумнейшие рецепты благоденствия человечества, достижимые посредством "наилучшей" организации общества, самопостижения или обретения высшей духовности. / Нужно отметить, что ряд социалистических пророчеств, возникших как модели возврата от новобуржуазного общества к старофеодальному, но на ином хозяйственно-культурном уровне, был реализован историей в последующем в странах социалистического и фашистского толка, что, однако, не привело к всеобщему благоденствию. Тем не менее, наш пример показывает, что, во-первых, это был взгляд в прошлое, а не открытие непознанного будущего, хотя такое утверждение внешне противоречит фактической последовательностью событий; во-вторых, сама возможность предсказания и реализация ранее не существовавших модификаций общественного строя показывают, что структурообразующий потенциал природы, в том числе общества, всегда выше и полнее текущего статуса-кво/

Но кому известен критерий оптимальности общественных отношений?

Не лучшим образом обстоит дело и с прошлым человечества, ибо отсутствует более или менее общепринятая трактовка человеческой истории.

Прошлое человечества не понято, а грядущее непредсказуемо.

В чем же трудность вопроса? Почему даже всемогущая наука не способна представить нам "божественное откровение" истинного пути человечества?

Попробуем подобраться к этой проблеме, используя метод постулирования результата, или, как говорят математики, "метод от противного".

Что именно должно быть известно науке для предсказания? Ни мало ни много - последовательность и содержание всех

будущих научных открытий во всех областях человеческой деятельности. Кроме того, ей наперед должны быть известны вероятные пути разрешения будущих социальных конфликтов, исходы еще не начавшихся войн и др.

Теперь Вы, дорогой читатель, начинаете лучше представлять принципиальную невозможность научного прогнозирования собственного саморазвития. Ведь нельзя бежать впереди самого себя.

Невозможно предвидеть то, что еще не открыто, иначе сам прогноз стал бы этим открытием, ибо он должен был бы содержать все открытия в самом себе.

Напротив, прогноз траектории движения некой кометы (о чем мы говорили в самом начале) реализуем именно потому, что комета эта не управляется пилотом, замыслы которого неизвестны ни нам, ни ему самому.

Чтобы некий ученый смог спрогнозировать свое собственное будущее, он должен смоделировать статус-кво. При этом он должен быть уверен (что главное), что в прогнозируемом будущем сам ничего нового не откроет, не изменит своего отношения к окружающему миру и т.п. Таким образом, любой прогноз содержит в себе ядро оскотенелости.

Если Вы уверены в своей бесталанности, то, тем не менее, Вы не можете утверждать этого в отношении Ваших потомков. В этом и состоит проблема разрешимости для прогнозирования.

Вопреки сказанному, человечеству присущи вполне определенные видовые признаки, что не могло не найти своего отражения в инвариантах общественной жизни. Действительно, издревле известен ограниченный набор форм управления государством (смотри "Истории" Геродота и "Политии" Аристотеля), переходящих одна в другую, но не создающих чего-то принципиально нового и т.д. Поэтому вычленение социальных инвариантов должно составить системную задачу общественной науки.

Вообще говоря, прогноз, как мы не раз об этом упоминали, есть процесс быстрой "прокрутки" в мозгу мысленной модели неких реальных медленно изменяющихся структур.

Взгляд на историю, именно как на направленное, а не чисто аморфное движение, позволяет представить ее в понятиях и тем самым сделать объектом науки. Другое дело, что телеологическая концепция опасно содержит в себе аксиологическую составляющую, предполагая в естественном процессе некую оптимальность, тогда как природа вещей индифферентна к человеческим чаяниям.

Итак, мы показали, что будущее прогнозируемо, но лишь в той мере, в какой нам известно и понятно прошлое и настоящее, то есть научный прогноз проблематичен по существу.

Подведем итоги.

1. К прогнозу мы не относим условное высказывание типа: "(Б) произойдет, если перед этим произойдет (А)".

Не относятся к прогнозу тривиальные - заведомо исполнимые утверждения типа: "После дождя, рано или поздно, будет солнеч-

ная погода".

2. Прогноз должен содержать описание ожидаемой ситуации и оценку сроков ее наступления.

3. Прогноз является "раскруткой" модели статус-кво.

4. Прогноз может быть успешен только в том случае, если он сделан не более чем на один шаг вперед. При этом вероятность успеха равна вероятности неуспеха. (Под успехом мы понимаем приблизительное исполнение прогноза - хотя бы в некоторых главных его чертах. Под неуспехом мы понимаем полный крах прогноза).

5. Долгосрочный прогноз возможен только по исторической аналогии, если одновременно с прогнозируемой ситуацией существует "продвинувшийся вперед" образец. При этом прогноз может быть представлен как самая общая тенденция, предполагающая непредсказуемые "отступления от правил", изменение масштаба времени, "игру приливов и отливов" и т.п.

6. Будущие научные открытия не прогнозируемы в принципе, но технически целесообразные решения - вполне предсказуемы.

Так, луч лазера был угадан А.Толстым в известном фантастическом романе, но о научной сущности явления - когерентном излучении - он не имел ни малейшего представления и т.п.

ОБЩЕСТВО РАЗУМНЫХ ИЛИ РАЗУМНОЕ ОБЩЕСТВО ?

Человек появился как животное и его мозг отличается от мозга других животных, как орган животного одного вида отличается от аналогичного функционального органа животного другого вида. Напротив, разум (информация) формировался как момент бытия человеческой популяции постепенно, мириадами лет без изменения биологических, видовых свойств.

Поэтому говорят, что человеческий разум в виде определенного объема накопленной информации есть категория историческая.

Новая информация накапливалась и генерировалась в развитие старой, уже запомненной, передаваемой из поколения в поколение.

Поэтому мозг человека отличается от мозга других популяций животных не столько накопленными знаниями (это результат), сколько самой способностью к долговременному сохранению и накоплению информации.

Несмотря на обширные исследования, проводимые по изучению структуры и функций мозга, сегодня неизвестно, способен ли индивид поглотить всю информацию, накопленную человечеством, но, так или иначе, распределение различной информации между людьми, как одно из явлений разделения труда, существовало, по-видимому, всегда. Так что, полноценным носителем информации является все общество, а не отдельный человек. В этом смысле правильно утверждать, что разумным является не только индивид и не столько индивид, сколько общество в целом.

Более того, общество сохраняет знания не только в человеческой голове, но преимущественно на, так называемых, "внешних носителях информации", коими служат созданные человеком машины, приспособ-

собления, постройки, книги и пр. Таким образом, последующим поколениям передаются не только сами знания, но методы их извлечения из внешних носителей (навыки управления машинами, естественные и научные языки, и т.п.).

Итак, некий индивид, используя свои знания и умения совместно (!) со знаниями и навыками других людей, действует разумно. В этом же смысле разумно действует и общество в целом.

Действительные трудности в решении проблемы возникают только тогда, когда ставится вопрос о разумности управления обществом.

Подобно ли общество некоему зданию, построенному с предопределенной целью под общим руководством единственного архитектора, или оно подобно сотам, которые пчелы построили, сами не ведая как?

Начнем с аналогий.

В чем, собственно говоря, состоит феномен разумности при строительстве здания? В том, что определенные знания и методы строительства имелись еще до начала проектирования, а полный объем информации был сгенерирован вместе с проектом (и в виде проекта) до начала строительства.

Важно отметить, что еще до начала строительства строительные рабочие обладали определенными знаниями и навыками, которые, однако, сами по себе не достаточны для реализации разумного дела - строительства дома. Выходит, что разрозненные разумные действия не являются таковыми в смысле разумности результата.

Поэтому, когда мы ставим вопрос о разумности общественного развития, то должны иметь в виду единую направляющую силу. Каким же должно быть ее обличье? Нам представляется, что воплощением этой силы должен быть гений, бог, инопланетянин, короче, нечто, обладающее сверхъестественными возможностями:

-знать наперед, в каком направлении и в какой последовательности должны развиваться общественные отношения или же проектировать их произвольно по своему усмотрению;

-давать команду каждому члену общества, как изменить свои связи в отношении друг с другом или поставить их в условия, когда они сами вынуждены изменять взаимоотношения предопределенным образом - одному отказать от своей собственности и привилегий в пользу другого, иному изменить методы управления, следующему изменить отношение к труду и обрадоваться своему закреплению и т.п.;

-желать делать именно эти преобразования. Действительно, если наше божество не из рода человеческого, то непостижимо, зачем ему решать человеческие проблемы вообще и почему следует решать их так, а не иначе? Напротив, если это человеческий гений, то его интерес уже предопределен формулой его жизни и поэтому к его разумности может иметь лишь случайное отношение.

Итак, читатель видит, что в ракурсе общественного развития общество разумных не является разумным обществом. Общественный процесс подобен не возведению здания, но строительству пчелиных сот, причем, окончательная форма этих "сот" никому не известна.

Ладно, скажет наш вдумчивый читатель, но какова же тогда роль царя, кабинета министров, парламента и прочих власть предержащих? Разве власть не есть управление, а управление разве не несет в себе

разумное начало?

Сначала отметим очевидное: каковой бы ни была их роль внутри государства, она ничтожна в межгосударственных мировых отношениях, где разум служит лишь художественным обрамлением силовой борьбы.

Но мир не разумен не только в целом, но и в своих локусах. Посмотрим, чем поистине занимается правительство - так называемый, распорядительный и исполнительный орган. Разве правительство занимается проблемами изменения хозяйственных, семейных и т.п. отношений? - Ничуть. Сфера правительства - это электрификация, машиностроение, здраво - охранение и т.д., то есть слепое строительство пчелиных сот, проходящее в борьбе мнений и интересов.

Ну а парламент? Ведь это законодательный орган. Он разрабатывает законы, по которым должно жить общество или, во всяком случае, его законы должны отражать общественное бытие.

Вопрос поставлен принципиально, но и здесь ответ прост: парламентский закон (как и любой другой) - это паллиатив противоречивых интересов или (в худшем случае) плод односторонних интересов, то есть при любых обстоятельствах это не есть разумное (чисто рассудочное) управление общественными отношениями.

В качестве конкретного примера приведем феномен "демократизации" государственных институтов в периоды общественных кризисов. Мы имеем ввиду такие периоды, точнее, их начальную стадию, когда новое еще очень слабо и мало распространено. Поэтому представители нового находятся во вновь созданных органах демократии (ареопаге, думе, совете, парламенте и пр.) в меньшинстве, составляя "оппозицию" консервативному и реакционно настроенному большинству. Тем самым создается искусственное (от имени народа) противодействие историческому развитию. И чем более демократична избирательная система, тем адекватнее избранные народом представители отображают структуру общественного сознания, истинное соотношение мнений, заведомо тяготеющее к консервативно-реакционному краю.

Такую ситуацию мы имеем в наше время в России, Белоруссии, Украине и прочих бывших "республиках" Советского Союза.

С другой стороны, уже давно общим местом стали жалобы схоластов от науки на то, что активные политики не желают учиться на исторических ошибках (по-видимому, по незнанию), повторяя их снова и снова. Наш читатель удивляется, что само понятие ошибки, уместно лишь при разумном действовании, при разумном управлении государством (если бы таковое было возможно). В действительности же то, что одни считают исторической ошибкой, а другие, напротив, - верным решением, как правило, является исторической необходимостью и, как таковое, многократно тиражируется в аналогичных исторических ситуациях. Действительно, никто не считает "ошибкой" отклонение кометы от расчетной траектории, и если возмущающая сила постоянна, то "ошибка" будет регулярно повторяться и т.п.

Итак, мы готовы прийти к заключению, что отнюдь не разум

движет общественным процессом, взятым как целое.

В то же время, человеческий разум есть момент всемирного разума - некой структурообразующей силы, которая "создает" или "проявляется" в сложнейших конструкциях внутриатомных структур, в изящных формах кристаллов, в морфологии всего живого, в том числе человека и человеческого общества.

Поэтому, хотя общество не живет человеческим умом, но оно разумно как продукт всемирного разума, которым "созданы" и пчелиная семья, и пчелиные соты, логарифмическая спираль улитки и купол медузы и т.п.

Так что, бытие человека, как биологического вида, поддерживается и регулируется теми же законами, что и существование животных других популяций.

Таким образом, мы показали, что человеческое общество есть общество разумных, но, как целостное образование, - это одна из объективных и малоизвестных самопроцессирующих структур.

СУБЪЕКТ ЖЕЛАНИЙ

То, что принято называть произволом, или желанием, как мы знаем, может иметь различные определения.

Если Вы, мой читатель, страстно желаете придать Земле форму комодана и, проснувшись утром, полагаете услышать по радио, что э т о, наконец, сбылось, то такую, пассивную, форму желания мы исследовать не намерены.

Но если Вы усиленно молитесь богу, чтобы э т о произошло, или работали проект очемоданивания Земли, или организовали на это людей, или сами взялись за лопату и приступили к выравниванию планеты, то Вы вправе ожидать наступления желаемого результата. При этом, вообще говоря, желаемый результат или наступит, или нет, или наступит частично, или будет прямо противоположен задуманному, или возникнет побочный эффект и т.п.

Итак, результат есть случайная функция желания. Но некоторые вещи не могут произойти б е з Вашего желания. Например, если Вы желаете написать хорошую книгу, то следует приложить, как минимум, усилия, чтобы просто ее написать. Но если Вы захотите, чтобы человечество узнало структуру элементарных частиц, то можете ничего для этого не делать, ибо эти исследования рано или поздно проведет кто-либо другой. (При этом, правда, может оказаться, что элементарные частицы вовсе не структурированы и т.д.).

С другой стороны, желание, в его обыденном понимании, не является единственным источником Ваших поступков, Ваших действий. Чаще всего Вы вынуждены поступать вопреки Вашему желанию: по желанию или нежеланию других людей или под давлением обстоятельств. Существует еще фатальное постоянное ни от чего не зависящее желание, например, голод, жажда, страсть и др.

Поэтому в расширенном понимании имеем следующие виды желания:

-желание по интересу /свободное желание/;

-
- желание по принуждению /по желанию других людей/;
 - желание по необходимости /под давлением обстоятельств/;
 - фатальное желание /физиологические потребности и пр./;

Теперь мы подошли к трудному месту - выбору "системы отсчета" для переоценки ценностей. Действительно, с точки зрения человека, как субъекта, желание есть производ; с точки же зрения жизненного процесса - так называемой объективности - желание есть необходимое проявление "всеобщего разума", как способ жизнедеятельности сотворенного природой человека.

Выбору точки зрения в обиходе, или системы отсчета в физике, в историческом плане соответствует определение "субъекта действия" - иницирующей силы.

Изучение общественной природы человека с точки зрения различных субъектов действия, находящихся на тех или иных структурообразующих уровнях - вот платформа объективного познания истории.

В качестве субъекта действия может выступать, например:

- личностная сущность человека;
- национальный менталитет;
- видовая природа человека (отличительные особенности человеческой популяции в сравнении с другими животными);
- животная природа человека (физиологические, рефлексорные, эмоциональные и прочие внеразумные свойства);
- общебиологическая природа (человек как явление живой природы);
- "всеобщий разум"...

Следует отметить, что нет ничего экстраординарного в том, чтобы рассматривать поведение человека с общебиологической точки зрения или еще более общих и более глубоких позиций, ибо известно, что весьма отдаленный субъект действия может быть причиной самых обыденных явлений, точно так же, как вращение Земли является причиной всех водоворотов, как магнитные бури на Солнце служат причиной сердечных приступов и т.п.

Но этот вопрос требует самостоятельной разработки. В то же время, каждая отдельная система отсчета, как средство, ведущее к познанию, более эффективна в "своей" области.

Для физики это общепризнанный тезис. Со времен Коперника за основу принята гелиоцентрическая система, но для разработки сети городского транспорта за систему отсчета принимают Землю и даже не всю Землю, а небольшой участок.

Так и в общественной жизни. Если Вы будете рассматривать некое предложение депутата парламента, не как выражение свободы воли данного субъекта, а как глас судьбы, как то, что заложено в его физиологии, характере, воспитании, информационном окружении и т.п., то вряд ли Вы преуспеете в этом направлении.

С другой стороны, бесплодными окажутся Ваши потуги, если переход от десяти тысячелетнего рабства к феодализму Вы "спишите" на счет свободно выявленного желания нескольких лиц или пусть даже спонтанного и случайного волеизъявления всего человечества.

Следующий вопрос, который мы рассмотрим в этой связи: "В какой мере желание по интересу (собственно производ) оказывает влияние

на общественно-исторический процесс?"

Поскольку общественные перевороты не совершаются на высоте процветания государства (когда только и возможно выразить желание по интересу), но им всегда предшествует и сопутствует экономико-политический кризис, мы, казалось бы, от желания по интересу должны перейти в сферу действия желания по необходимости.

Однако спонтанность и несовместимость интересов разных слоев общества, особо остро проявляющиеся в кризисные периоды, напротив, указывают на превалирование желания по интересу. Таким образом, оба вида желаний неразлучны и действуют одновременно.

Очевидно, что распад общественных отношений происходит, минуя произвольные желания людей, но в становлении новых отношений также принимает участие и желание по интересу.

Будут ли при этом новые отношения в какой-то мере соответствовать исходным желаниям - это, как мы говорили, дело случая. Произвольное желание лишь в той мере может предварить свой результат, в коей последний является повторением пройденного пути. Качественно новое непредсказуемо и в желании.

Соотношение между действенностью желания по интересу и желанием по необходимости проявляет себя, в частности, в отношении между законотворчеством (где значительный вес имеет интерес) и реальными структурными переменами в экономике, в семейных отношениях и пр. (где ведущую роль играет необходимость).

Действительно, без желания по интересу процесс законотворчества, как целесообразного действия, невозможен, но его результаты обычно проблематичны.

Вообще, мы оказались в наших рассуждениях в довольно необычной и тем интересной ситуации. С одной стороны, желания по интересу и по необходимости рядоположны, действуют совместно и вопреки один другому. С другой - они работают в разных "системах отсчета" и поэтому не должны взаимодействовать между собой: интерес - в субъективной системе, а необходимость - в объективной.

Отметим, что обе системы отсчета равносильны потенциально, то есть должны существовать (или могут быть созданы) механизмы адекватного отображения реальности в любой системе отсчета. Так, с одной стороны, результат желания по интересу (или свободное волеизъявление) представляет случайную, стохастическую картину, но если переключиться на объективную систему отсчета, тот же результат представляется необходимым.

Свобода воли, как явление многовариантного выбора при независимости (или малой зависимости) от внешних причин, подобна генератору квазислучайных чисел, насыщенному огромным объемом информации и выдающему ее малыми порциями от раза к разу произвольным образом независимо ни от чего.

Так, два брата-близнеца, воспитанные в одной семье в одинаковых условиях, ведут себя по-разному в одних и тех же жизненных обстоятельствах. Иным примером может служить многовариант-

ность конструкций, предложенных одним и тем же изобретателем и так далее.

(Как видит читатель, последние два примера, поясняющие понятие свободы воли, взяты с точки зрения биологической природы человеческой популяции, как субъекта действия).

Наконец, фатальное желание, как мы уже упоминали, вообще не зависит от внешних причин и во всех случаях "выдает" один и тот же результат, когда речь идет о фундаментальных жизненных функциях. Человек, например, может осознавать или не осознавать дыхательный процесс, но дышит, так сказать, естественным образом и т.д.

Итак, мы видели, каким образом и при каких условиях произвол индивида становится моментом исторического произвола, и сколь трудна эта проблема.

ВОЛЯ И ДЕТЕРМИНИЗМ В ИСТОРИИ

Из всего разнообразия поведения человека можно выделить такой уровень волевых действий, такой субъект действия, который не формируется, не воспитывается общественным бытием человека, но относится к видовым особенностям человека, к природе человеческой популяции. Более того, нам представляется, что в значительной степени явление этой видовой воли (введем такое понятие) присуще всему классу млекопитающих /о, ужас!/ и составляет ту низшую ступень первопсихической деятельности, по отношению к которой рациональное мышление вторично.

Исходя из нашей позиции, чтобы не затемнять изучаемое явление сознательными (рациональными) действиями человека, воспользуемся методом абстрагирования и сформируем определения видовой воли на модели поведения какого-либо почти общественного животного. Пусть им будет гипотетический волк.

Итак, шатаясь летом по лесу, наш волк волен идти в любом направлении и свободно изменять его по своему произволу (спонтанно, из прихоти). Этот произвол уже сам по себе есть необходимое для данного вида животного состояние равновероятного поведения, состояние свободной реализации выбора, или, используя вероятностную терминологию, состояние наивысшей энтропии.

Такое состояние назовем волевым, или свободой воли. Но вот наш волк подошел к краю обрыва. В этой ситуации поведение его вдруг изменяется: он замер, какое-то время не в силах сдвинуться с места. Это состояние психики назовем параличом воли. (У людей паралич воли присущ в чистом виде, то есть независимо от ситуации, алкоголикам, наркоманам и др.).

Проходит некоторое время, и волевые свойства, как способность принимать и исполнять решения, частично восстанавливаются. Хотя волк уже не движется в л ю б о м направлении, но может пойти вдоль кромки обрыва или повернуть назад. Так мы пришли к понятию ситуационно-ограниченной воли, соответствующему сниженной энтропии.

Пойдем за волком дальше. Он узрел в стороне зайца - свою пищу. Опять свобода выбора волка резко ограничивается.

Но если в предыдущем случае мы наблюдали ограничение движения в одном определенном направлении, то в последнем примере запрет возник на движение во всех направлениях, кроме одного - того, куда побежал заяц. Раз выбор стал однозначным - то это уже не выбор, а предопределенность, возникающая на стыке внутренней фатальной потребности (голода) и внешней ситуации (появления пищи). Мы пришли к понятию ситуационно-направленной воли.

Откушавши, наш волк вернулся к краю обрыва, на другой стороне которого его ожидает волчица. Когда выбор ограничен двумя возможностями /прыгать или повернуть назад/, а результат действия не определен, возникает борьба ситуационно-ограниченной и ситуационно-направленной воли. Такой процесс характеризует понятие альтернативной воли.

Моделирование волчьей жизни можно было бы продолжить, но не оно является целью настоящей главы.

Дело в том, что традиционно мы любые действия склонны приписывать самому волку (или человеку), хотя в действительности не всюду, как мы видели, он выступал, как субъект, как инициативное начало.

Свободная воля, то есть 100-процентная инициатива, была присуща волку только тогда, когда он был сыт и доволен. Во всех иных случаях его действия были предопределены контактом объективного и субъективного начал. Не волк сам по себе и не внешняя реальность, но "контакт" выступает в качестве субъекта действий. /Так, в химической реакции участвуют не менее двух веществ/. Транспонируя видовое поведение животного на "человека разумного", можно сделать вывод, что каждый "кадр" общественного бытия определен "контактами" между индивидами внутри естественно и исторически сформировавшейся экологической ниши, вопреки традиционной склонности мыслителей приписывать статус общественных отношений проявлению "чистого разума" или выражению свободной воли отдельного политика, или интересам отдельной партии, менталитету отдельной нации и т.п.

Как отдельный кадр истории, так и историческая лента в целом суть объективны в своей интенции в том смысле, что субъектом истории являются не разум и воля индивидов, но контакт между психофизиологическим, видовым, естественным началом и внешней ситуацией, которая или вообще не зависит от людей, или уже вышла из-под контроля человека.

В беспределах фантазии человеческий разум может придумать любые формы общественных отношений. Можно, скажем, вообразить, что волчья стая стала жить по законам пчелиного улья.

Но может ли человек реализовать свою фантазию в волчьей популяции? А в человеческом обществе? Нет и нет.

Если все в природе взаимообусловленно и стеснено ограничениями, то откуда вообще могла возникнуть проблема свободного волеизъявления?

Цивилизация, как нам представляется, оказалась способной создать столь благоприятные условия для жизнедеятельности некоторой общественной прослойки (господствующих классов) или отдельных личнос-

тей (властителей), которые позволили ослабить тесноту связи между потребностями человека и его психофизическими усилиями. Отсюда и возникло представление о личной свободе, представление, целиком порожденное эпохой цивилизации.

Напротив, полная ответственность, как понятие противное свободе, есть выражение личной зависимости, незащитности, есть угроза неотвратимого возмездия, есть чувство присущее классам зависимым и угнетенным.

ЧЕМУ УЧИТ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ?

Ценность исторических знаний состоит в том, что они, являя собой некое откровение человеческой природы, обостряют политическое чутье, служат упражнением для социологического мышления и т.д., то есть имеют прикладной характер.

Но что всегда оказывается безуспешным, так это попытка использовать исторический опыт непосредственно.

Причина неуспеха заключается, прежде всего, в том, что на разных этапах истории схожие причины влекут различные, на удивление, последствия. Действительно, реальное событие есть комплексный результат великого множества фактически существующих причин, тогда как бросаются в глаза и сохраняются в памяти потомства лишь некоторые из них.

Поэтому, обнаружив для некоторой современной ситуации аналог в историческом прошлом, можно впасть в иллюзию, что следует ожидать соответствующих последствий в настоящем.

В этом состоит закон неповторимости причин. Напротив, для близких исторических периодов действует, согласно вышеприведенным рассуждениям, закон подобия причинно-следственных связей.

Поучительны в этом смысле польские события 80-ых годов XX в., связанные с политической активностью профсоюза "Солидарность". Действительно, учитывая предшествующие им аналогичные события в Венгрии и Чехословакии, повлекшие за собой ввод советских войск в эти страны, следовало ожидать таких же действий СССР в отношении Польши.

Однако ... не случилось. Налицо, казалось бы, имеем действие закона неповторимости причин.

Но восстание потерпело неудачу (как это было в Венгрии и Чехословакии). Как впоследствии стало известно, вторжение все же было, но не армии, а тайных служб Государственной Безопасности Советского Союза, приобретших к тому времени достаточную мощь для политического манипулирования.

Налицо действие закона подобия каузальных связей. Еще примеры. Парижская Коммуна потерпела поражение, а Великая Октябрьская революция одержала убедительную победу (закон неповторимости причин).

При этом революционная волна прокатилась одновременно по ряду слаборазвитых стран Европы: Венгрии, Германии, Франции (закон подобия).

Но существует еще одна причина того, что "история ничему не учит"

- это необходимость правительства действовать не так, как ему бы хотелось (учитывая "ошибки" исторического опыта), но как того требует реальная ситуация (то есть, повторяя эти "ошибки" снова и снова). Но это уже другая тема.

Поскольку история не дается нам в повседневной жизни, а исторические факты познаются путем специального изучения, как и научные факты, постольку возникает иллюзия, что исторические знания и есть научные знания, т.е. истинные знания.

Принято поэтому считать, что факты истории могут служить неким откровением, неким готовым абсолютным знанием, которое, как и любое практическое знание, может стать пригодным в обыденной и политической деятельности, может претендовать на роль "учебника жизни".

С другой стороны, несмотря на нелепость вышеуказанных выводов, изучение истории, позволяет использовать колоссальный набор фактов человеческих отношений как базис, как среду и объект для научных исследований, как-то: политических, экономических, этнографических, культурных и т.п.

Без использования исторических фактов общественные науки просто не могли бы существовать и, даже, не могли бы возникнуть. В то же время, история не может служить единственным источником социологических знаний.

Как химия, астрономия и пр. нашли свою основу в физике, так и общественные знания должны найти опору в биологии. Однако сегодняшняя социология по-прежнему пытается проследить и описать исторический процесс без того, чтобы понять место человеческой популяции в биологическом процессе.

Откуда мы и куда? Какова судьба класса млекопитающих (к которому принадлежит человек) вообще? Не является ли исторический процесс "общественного развития" некоторым средством сопротивления и защиты от естественных биологических изменений человеческой популяции?

Для чего, вообще, в процессе филогенеза усложняется мозг животных? Не означает ли это, что природа на каждом последующем этапе своего развития создает все более эффективные механизмы самоконсервации? Но может быть, наоборот, историческое развитие есть форма ускоренного вымирания человека? И т.д.

Так можно ли с ученым видом рассуждать об историческом процессе, предварительно не ответив на указанные вопросы, не поставив их явным образом?

Возможно, влияние биологического фактора на историю столь же отдаленно, как и влияние Луны на Землю, но оно может иметь столь же сильные последствия, как и океанские приливы.

НИША ОБЩЕСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ

Задача исследователя, в отличие от проповедника, заключается не в том, чтобы самому ответить на моральный вопрос, но изучить, проанализировать происхождение этого вопроса, выяснить, как на него отвечают разные категории людей.

В многогранной этической проблематике мы выделим следующие направления:

- проблему существования морали, как таковой;
- проблему выбора: кто, какую жертву и во имя чего способен принести;
- проблему морального чувства: виновности, ответственности, локуса контроля - в общем, совести;
- оценку поведения личности через аксиологические категории "хорошо-плохо";
- релятивизм и ограниченность таких этических понятий, как гуманизм, порядочность, честность, справедливость, патриотизм и т.п. Сюда же относятся разнообразные этические системы и формы: врачебная, производственная, научная, рыночная, семейная, офицерская, батальная, политическая, правовая и др.;
- мораль как требование общества к поведению личности: закрепление у личности положительных или отрицательных эмоций, как реакции на определенные поступки;
- государственное воспитание моральных чувств как средство угнетения народных масс.

Остановимся на таком атрибуте морали, как свобода выбора. Если личность способна отказаться от своей выгоды, пойти на невозполнимые жертвы, решиться на преодоление неких препятствий, не имея от этого никакой пользы, - такой образ поведения мы назовем жертвенной моралью.

Человек может жертвовать своим здоровьем, благополучием, карьерой, свободой, престижем, своим временем, жизнью и др.

Для этого, конечно, могут потребоваться те или иные акцентуации характера, как то: чувство собственного достоинства, чувство любви, чувство сопереживания, долга...

Так например, разведчик крадет государственные секреты, рискуя своей жизнью, но не имея от этого никакой выгоды /в отличие от вора-головника/.

Напротив, если личность не намерена ничем жертвовать - ни актуальной выгодой, ни потенциальной, невзирая на возможное возмещение своих утрат, - такой образ поведения назовем защитной моралью.

Так действует вор, не желающий, естественно, ничем платить за украденное. Так поступает владелец предприятия, который сокращает часть работников и за счет высвободившихся средств увеличивает размер своих дивидендов и пр.

Наконец, существует соразмерная мораль, когда субъект готов

жертвовать одним во имя другого.

Так, личность может отказаться от той или иной своей выгоды из-за боязни "ока божьего", или из-за боязни возможных санкций, или в целях сохранения личного здоровья, или для подготовки себя к "легкой смерти" и т.д. Это могут быть не только личностные, но общественные поступки, например, принятие военачальником решения о, так называемой, "разведке боем", когда приносят в жертву несколько тысяч бойцов, чтобы спасти от гибели десятки тысяч. Аналогичный пример - принятие решения об установлении вооруженного карантинного кордона вокруг очага эпидемии, чтобы, умышленно жертвуя многими еще не зараженными людьми внутри очага, спасти много больше вне карантинной зоны, или, наоборот, спасти самого себя, жертвуя многими и т.д.

Мы хотим обратить внимание читателя на то, что настоящий подход вовсе игнорирует вопрос моральных ценностей: что есть "хорошо", а что "плохо".

Так, теория "разумного эгоизма", гласящая, что не следует другим делать того (плохого), чего не пожелаешь себе, носит логически замкнутый характер и вполне укладывается в аксиологическую концепцию. Но если взглянуть на этот вопрос не формально, а по существу, то открывается и другая возможность: если делать другим "плохо", то Вам, возможно, будет еще лучше и т.д.

Читатель уже угадывает в этом примере простую формулу соразмерной морали, ибо человек соизмеряет свое поведение с возможной реакцией затронутых им людей.

Если же абстрагироваться от императивной формы высказывания, то теория "разумного эгоизма" есть не выдумка Чернышевского (равно как его предшественников), но выражение требований, которые общество предъявляет к личности.

Действительно, те качества, которые один желал бы видеть в поведении к а ж д о г о другого, зеркально обращены к нему со стороны этих других.

Далее, механизмы морали работают не столько от разумного начала, сколько путем закрепления положительных и отрицательных эмоций, формируя таким образом этические чувства.

В основе этих чувств лежит совесть - врожденное чувство душевной боли.

Теперь обратимся к понятиям "хорошо-плохо". Последние, казалось бы, не могут служить моральным критерием, ибо не известен объективный механизм оценки. Тем не менее, они могут быть использованы для выражения желания субъектов, их намерения воспроизвести "хорошие" или запретить "плохие" моральные действия. Если исходить из последнего определения, то не потребует пояснения, почему одно и то же может быть одновременно и хорошим, и плохим. Например, буржуа стремится сохранить, продлить, повторить, воспроизвести свой статус / сделать хорошее дело /, для чего он вынужден закрепить убогое существование пролетария /сделать плохое дело/. Поэтому то, что "хорошо" для одного, по той же причине "плохо" для другого и т.д.

Вообще-то, релятивизм давно стал общим местом в этике. Набор

этических правил дифференцирован по великому множеству аспектов: историческому, географическому, этническому, сословному, классовому, половому, возрастному, профессиональному и др. То, что для одних государств, народностей, классов, религиозных групп в один исторический момент признано моральным, то для других и в другое время считается аморальным.

В тело бытовой и политической морали влетела этика различных философских школ и религий. Так например, древние стоики проповедовали воздержанный, спартанский, образ жизни, а эпикурейцы ставили во главу угла наслаждения; коммунисты пропагандируют национальный мир и классовую борьбу, а националисты - классовый мир и межнациональную вражду и т.д.

Этика, по нашему мнению, есть главное содержание любой религии. Причем, религиозные морали отличны друг от друга много больше, чем отличаются символы веры. Так, ислам разрешает многоженство и запрещает употребление спиртных напитков, а христианство - наоборот и т.д. Кроме того, каждая этическая система внутренне противоречива, например, идея всепрощения сочетается с ненавистью к безбожникам и т.п.

Другой пример - аморальность выбора той или иной религиозной веры, если этот выбор происходит из моральных склонностей субъекта, а не является следствием убеждения верующего в истинности вероучения. Это один из вариантов столь же распространенного, сколь и порочного постижения "истины" через мораль. Подменяя принцип удобством, моральным комфортом или пользой / физическим здоровьем, психологическим равновесием, вечным существованием и т.п./, субъект веры тем самым вступает в "невинную" сделку с совестью. Впрочем, перед ищущим веру этот вопрос вообще не стоит.

Разумеется, мы не вправе обойти вниманием моральную проблему любви между полами: "Существует ли настоящая любовь?"

Здесь мы лишь отметим, что, вопреки филистерским представлениям, любовь противоположна состраданию по своей биологической сути. Любовь, как мы думаем, есть процесс и результат воинствующего отбора наиболее здоровых, наиболее полноценных особей; ее законы жестоки, беспощадны и своевольны.

Подытоживая сказанное, несмотря на бесполезную многозначность и имманентную лживость моральных постулатов, мы не отрицаем мораль как таковую, но мы отрицаем всеобщность, единственность и исключительность морали.

Наш читатель должен понимать, что отрицать существование морали (морального чувства, морального воззрения и др.) было бы равносильно отрицанию религии и веры, спутав реальные общественные феномены с предметом их веры - бытием бога. Аналогичным образом, исследователь не вправе отрицать национальное самосознание как таковое, хотя считает абсурдными идеи национальной всеобщности и национальной исключительности.

Более того, мы думаем, что само понятие этики возникло как отражение межличностных противоречий, а так же противостояния личности и общества.

Единственно общим моментом всех этик, на наш взгляд, является их консерватизм. Ведь любая этика рекомендует, советует, требует неукоснительно следовать раз и навсегда избранным принципам.

В то же время, известно, что навязчивое следование одним и тем же принципам должно привести к логическим противоречиям и бессмыслице.

Рассмотрим в качестве поясняющего примера, как сочетаются принципы нерушимости границ с принципиальным правом наций на самоопределение. Сами по себе это очень "хорошие", высоко-нравственные принципы. Но пусть длительное время происходила миграция из менее благополучной страны в соседнюю - более благополучную, так что в последней образуется регион компактного проживания людей одной национальности. Если этот регион станет претендовать на самоопределение, то это одновременно будет нарушением принципа нерушимости границ (Косово в Югославии, Карабах в Азербайджане, Крым в Украине и др.).

Поэтому в подобных ситуациях заинтересованные государства вынуждены действовать, исходя из своих особых неформализованных, неморальных интересов, хотя и желали бы придерживаться международных принципов.

И, опять-таки, указанный "дефект" не устраняет мораль, как таковую, так же, как фактор неполноты арифметики не отрицает арифметику самое по себе, а существование логических парадоксов не отрицает логику и т.д.

Таким образом, ортодоксальность и беспринципность - граничные понятия этики - многомерного среза человеческих отношений.

"ПРАВДА - ВОТ БОГ СВОБОДНОГО ЧЕЛОВЕКА".

М.Горький.

Здесь мы поговорим об "информационной" группе моральных категорий, таких как ложь, правда, верность данному слову, честность и др.

К данной теме не имеет отношения болезненная совершенно бесцельная лживость истероидных личностей, особенно тогда, когда экзальтированные артистичные натуры стараются с помощью лжи подать себя в выгодном свете. И т.д.

Известно, что законопослушный обыватель, с благоволения и при всемерной поддержке государства, стремится привить своему дитяти честность, порядочность, трудолюбие, уважительность, дисциплинированность, доброжелательность, верность и тому подобные моральные качества, выхощивая тем самым естественные социально-борцовские качества ребенка.

Речь идет об осознанном и неосознанном, но всегда целенаправленном воспитании у гражданина искаженного морального чувства с центром тяжести, смещенным в сторону собственной винов-

ности, ответственности за все и вся - так называемого в психологии, интернального локуса контроля. Вспомним, ставшую крылатой, фразу советского академика Абалкина: "Вы живете так, как работаете".

Такое воспитание по рабски подчиняет ребенка взрослому, формируя таким образом обывателя - "законопослушного" инструмента в руках людей иной морали - бизнесмена, промышленного или военного начальника, чиновника, политика и т.п.

Прибитый честностью филистер не способен стать опорой ни себе, ни другим, провоцируя собственной беззащитностью особую жестокость со стороны власть имущих.

Честный политик, бизнесмен и др. вызывает законную насмешку, недоверие и неприязнь в своей среде - там, где человека уважают за умелое использование информационных средств ведения борьбы: корректирующая ложь, преднамеренный обман, коварство и предательство, умение балансировать на грани закона и т.п. качества, благодаря которым на его силу можно положиться, хотя бы в потенции.

Разумеется, мы не домогаемся лавров Макиавелли, давно показавшего, что бесчестность, коварство и жестокость живут в государстве сами по себе, независимо от моральной оценки их со стороны широкой публики и, более того, служат необходимым средством политики. Мы лишь добавляем, что эти качества не только необходимы, но моральны в соответствующей среде, а их антиподы - честность и порядочность, взятые в своей крайности, представляются аморальными и служат признаками рабской покорности и непротивления.

Конечно, обман, подлость и пр. присутствуют во всех сферах жизни - в семье, в быту и т.д., а не только в политике, бизнесе, управлении. Но в быту они признаются скорее аморальными. Таков сложный узор общественно-личностных отношений с точки зрения морали, где "двойной стандарт" не исключение, не случайность, но этический закон.

Что касается государства, то его этика закреплена, прежде всего, в его идеологии, а уж потом - в законах и прочих правовых актах.

При этом ложь, как идеологическое средство, является атрибутом любой власти и любого государства. Ведь государство не может существовать в идеологическом вакууме, оно просто вынужденно сформировать положительное общественное мнение о своем статусе, а именно о том, что задача властителей и смысл всей их жизни есть благо народа, что правящий контингент априори состоит из достойнейших, энергичнейших и умнейших личностей, наилучшим образом и исключительно по своему усмотрению управляющих государством, что конкретные мероприятия властей всегда своевременны, целесообразны и наиболее эффективны.

Государство лжет всегда, но никогда не извиняется. Ведь власть, по своему понятию, есть произвол и безнаказанность.

С другой стороны, государство, как инструмент управления, реализует эту функцию путем распространения двойственной информации - истинной (в той степени, в какой нужно ознакомить массы с предметом предполагаемой деятельности) и ложной - для навязывания своей направляющей воли, отличной от спонтанных интересов народа. Таким образом, искусные вкрапления зерен правды только усиливают обманный эффект.

Но ложь - это не только атрибут властителя, но любого свободного человека. Именно от вассала, от клерка, от раба - от подчиненного вообще под страхом наказания требуют "объективного", то бишь правдивого, изложения обстоятельств чуждого ему дела. Напротив, свободный человек вправе обеспечить свою независимость от сограждан безнаказанной ложью.

Более того, в демократическом государстве ложь может быть узаконенной в виде принципа охраны коммерческой тайны, в праве подозреваемого безнаказанно лгать в свою защиту, в процедуре тайного голосования, в праве и обязанности врача лгать неизлечимо больному и т.д. Мы уже не говорим о праве священнослужителя по своему усмотрению обещать одному райские кущи, другому - посмертные муки и т.д.

Совсем иного морального подхода требует исследовательская работа.

Ученый, по своему определению, - это раб правды. Не удивительно поэтому, что ученый-аналитик, ученый-экспериментатор по складу своего характера не способен управлять государством, не находясь в противоречии с самим собой.

В то же время, согласно принципу "двойного стандарта", в личности ученого вполне могут уживаться морали различного толка.

Таковы социальные функции морализованной информации.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ. ЗА И ПРОТИВ

Справедливость есть момент "соразмерной морали", когда плата в точности соответствует затратам - принесенным жертвам.

Наряду с гуманизмом, справедливость - одна из важнейших категорий традиционной этики, некий символ веры, к которому надо стремиться во что бы то ни стало.

По существу, справедливость есть вид симметрии, определенный на ареале человеческих отношений, есть абстракция от более или менее сложных форм равенства. Как тенденция нивелирования, тождественного усреднения и единообразия, справедливость неизбежно приводит к застою в общественной жизни и распаду общественных связей.

"За равный труд - равная плата", - говорят, что это справедливо. Если же равный труд осуществляется в разных климатических условиях, то оплата некоторым образом (произвольным с точки зрения морали) должна быть скорректирована - и это опять справедливо. Если же при одинаковой плате за одинаковый труд были произведены товары разной рыночной приоритетности, то такая справедливость должна в конечном итоге привести к экономическому кризису.

Если два крестьянина, работающие на землях с разным уровнем плодородия, за равный труд получают равную плату (при разных объемах выращенного товара), то это, разумеется, справедливо. Справедливо, как утверждают марксисты, если дифференциальная рента поступит в бюджет государства, а не пре-

вратится в "незаслуженную" прибыль крестьянина.

Тем не менее, очевидно, что такая справедливость делает крестьян безразличными к вопросам сохранения и мелиорации своих земель, что должно привести, в конечном счете, к снижению урожаев и пр.

А появится ли у талантливого человека желание проявить свои уникальные способности, если за одинаковые усилия в труде с рядовым работником он получит равную с ним плату?

Приведенные примеры указывают на односторонность и ограниченность принципа справедливости, сводящего рациональное в частном к абсурду в целом.

Пойдем далее. Пусть всякий работник будет за свой труд получать его полный эквивалент, вполне возмещающий приносимую работником трудовую "жертву".

"Это - Вы скажете - справедливо". Тогда ответьте: кто пожелает заниматься, тяжелым трудом (пусть, полностью компенсируемым), когда существуют легкие виды труда (тоже полностью компенсируемые, по нашему предположению)?

Вопреки имманентной порочности, идея справедливости /в том числе в форме принципа равенства и др./ присуща всем социалистическим и религиозным учениям. Причем, в религии эта самая привлекательная ее компонента носит мистический характер равенства каждого перед богом.

Справедливое общество - это, конечно, общество покойников. Перед богом, как перед смертью, все равны: богатые и бедные, умные и глупые, больные и здоровые, талантливые и заурядные, вельможи и простолюдины, рабовладельцы и рабы, белые и черные, дети и старики, мужчины и женщины, образованные и дикари... Но даже в этом - главном для существования религии вопросе - она непоследовательна, ибо противопоставляет приверженцев одной религии всем остальным религиям и особо - атеизму. Далее, если в религии все равны сейчас и всегда, то социалистические учения, напротив, акцентируют свое внимание на фактическом социальном неравенстве "сегодня", идеализируя возможность такого равенства в будущем.

В этом религиозное учение о справедливости противоположно социалистическому.

Несмотря на очевидную нелепость, политики разного толка, а государство - прежде всего, успешно эксплуатируют понятие справедливости в идеологической борьбе. Поэтому можно утверждать, что факт использования принципа справедливости, равно как идеи гуманизма и др. абстрактных благодетелей есть скорее критерий подлости, подвоха, односторонности и беспринципности.

Реальное общество не знает справедливости, однако, в тех или иных частностях постоянно скатывается к ней на пути к очередному общественному кризису.

Напротив, несправедливость есть, конечно, не справедливость - моральный источник индивидуального и общественного интереса.

СМЫСЛ ЖИЗНИ, ИЛИ К КОМУ ПРИМКНУТЬ

Смысл жизни, как мы думаем, - не вопрос познания, а моральная проблема.

Действительно, познание задается вопросом: "Что это?", - тогда как этика решает, что делать.

По своему определению смысл жизни следует рассматривать как поиск "философского камня", как определение наилучшей формулы бытия индивида.

Ясно, что при отсутствии объективных критериев, которые бы отделяли хорошее от плохого, стремиться найти наилучшую формулу бытия (и доказать, что это она !) - все равно, что пытаться стать умнее самого себя.

Но, по сути, значение имеет не "конечный результат" следования жизненному идеалу, но сам процесс поиска, являющий собой попытку разрешения противоречия между безмерностью желаний и ограничениями жизни. Очевидно, если бы жизнь длилась вечно, то всегда можно было бы успеть перепробовать все ее возможности, так что желанию найти некий единственно правильный жизненный путь неоткуда и взяться.

Поиск смысла жизни поэтому есть проявление активного, критического восприятия моральных норм, есть выражение неудовлетворенности постылым бытием, что свойственно обычно людям молодым.

Из сказанного так же ясно, что "смысл жизни" есть проблема свободного человека, имеющего возможность свободно выбирать, отягощенная, однако, рабелепным самоконтролем: "На правильном ли я нахожусь пути?"

Обычно, при выборе пути задаются вопросом: "Что делать?" - так, будто ситуация всем ясна и цели уже поставлены.

Напротив, здесь мы апеллируем к нашему непредвзятому читателю, интересующемуся обоснованием исходной позиции, а именно: "Какое политическое направление следует предпочесть? К какой политической партии примкнуть? Какую идею реализовывать во вновь созданной, "собственной" партии?" и т.п.

Прежде всего, нам следует напомнить читателю, что в настоящей работе мы не даем практических советов.

Кроме того, совет, по своему смыслу, можно давать только колеблющемуся и только в той мере, в какой он лишен уверенности.

Выбор партии есть дело конкретно-практическое. При абстрактно-теоретическом подходе к вопросу в любом политическом движении Вы найдете pro et contra, так что может возникнуть эффект, известный как "перенос на себя всех болезней из медицинского справочника".

Надо помнить, что в любом случае Ваш выбор способен, быть может, повлиять на Вашу собственную судьбу, но не на ход общественно-процесса.

Более того, поскольку история являет собой спонтанную волнообразную смену политических направлений и экономических отношений, то роль партии того или иного толка предопределена фазой (мо-

ментом времени) естественного процесса. В случае прихода к власти и необходимости решения практических задач, конкретная партийная деятельность уже не может зависеть от исходной идеологии, но будет определяться объективными потребностями.

Так что, если наш талантливый читатель сделал многое для развития и упрочения партии, к коей примкнул или которую основал, то этот факт не способен, тем не менее, сам по себе повлиять на объективную роль его партии в политической борьбе ни "сегодня", ни в труднопрогнозируемом "завтра".

В то же время, Ваша роль станет общественно значимой, если и когда ситуация поднимет Вашу партию на гребень политической волны, так что Вы будете вправе присвоить себе заслуги в победе над политическим противником, возможность которой в действительности была предопределена самой ситуацией.

Таким образом, выбирая с е б е политическую партию, невозможно руководствоваться какими бы то ни было теоретическими изысканиями, которые /если они истинны/ политически нейтральны, но зато можно вполне осознанно воспользоваться стратегией "индивидуального расположения", аналогично тому, как выбирали бы Вы для себя тот или иной вид спорта и др.

При этом, если Ваши интересы вдруг(!) перестанут совпадать с партийными, можно сменить партию и т.д. Однако, даже в самом благоприятном случае, Ваша политическая судьба вовсе не будет предопределена Вашим выбором. Так, всем известны нередкие случаи, когда самые выдающиеся спортсмены трагично кончали свою жизнь. В политике же это, скорее, правило, чем исключение, ибо с ростом успеха еще быстрее будет расти число Ваших врагов.

Если единственным критерием привязанности для Вас служит сиюминутный успех партии, а не ее идеология и характер деятельности, то Вам и не требуются никакие теоретические мудрствования: в этом случае Вы будете мигрировать из одной партии в другую и сделаете карьеру подобно Шатобриану.

Если же наш благородный читатель считает идеологические позиции одной партии объективно более правильными, чем у других партий, и на этом основании готов агитировать за ее успех, то все же ему не следует забывать, что практическая деятельность партии (вопреки предубеждениям обывателя) лишь случайным образом и частично способна реализовать ее идеологию.

Так например, итальянские фашисты, неплохо реализовав замыслы "кого наказать и кому отомстить", оказались не состоятельными в осуществлении идеи "кого осчастливить". И т.д.

Теперь посмотрим на эту проблему не с точки зрения "правильности" выбора, а с точки зрения желания выбирать.

И правда, зачем изобретать нечто сегодня, раз завтра это все равно изобретет другой? Зачем идти на выборы, раз это ничего не изменит? Следует ли пытаться "протаскивать" свой законопроект, если очевидно, что сможет пройти только предложение Вашего противника? Следует ли присоединиться к преуспевающему противнику и попытаться перехватить инициативу, или "гнуть" свою линию вплоть до неминуемого поражения? И т.д.

Вообще говоря, активность отдельно взятого человека безразлична для истории, но исчезновение активности у человека, как вида, способно полностью разрушить человеческое бытие. Это болезненное противоречие общего и частного разрешается, когда общие интересы используются индивидом для реализации собственных. Ученый поэтому вынужден признать, что интерес к постижению природы вещей - это его собственный интерес и одновременно средство самовыражения, тогда как общественная польза у с л о в н а и носит вторичный характер. Политик тоже должен постичь особый характер своей профессии - для него важна борьба, а победа есть момент случайности. И так далее.

Выбор за Вами.

Раздел 6. ПОЛИТОЛОГИЯ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ

Власть, как таковая, есть беспредметное, возможно ранжированное, подчинение группы индивидов воле-произволу одного, как обязательное условие совместного сосуществования людей.

Каждый член совместно проживающей группы во всех своих действиях, коль скоро они затрагивают интересы остальных, подчинен воле властителя. Это и есть общество!

В противном случае мы имеем набор самоизолированных индивидов или такое состояние популяции, когда каждый борется против всех. Но для такого существования, как известно, человек не располагает достаточным биологическим потенциалом. Иными словами, человек обречен на общественное бытие своей неприспособленностью к индивидуальному существованию среди враждебного ему мира.

Напротив, управление есть предметное подчинение группы целесообразной воле одного, как условие реализации экономических, военных и т.п. целей на основе совместных действий.

Таким образом, институт управления не вполне произволен, но опосредствован некоторой заданной внешней целью. В то же время, ввиду того, что существуют много способов достижения одной и той же цели, управляющий должен быть свободен в выборе-принятии решения. Мы видим, что управление содержит в себе признаки власти, но оно, в отличие от последней, связано внешней полезностью, а не простой необходимостью сосуществования людей.

В то же время, власть - не только самостоятельное звено общественных отношений, но и необходимый момент управления и т.д.

МАРИОНЕТКИ ИСТОРИИ

Тема этой главы - выдающиеся люди и исторические личности. Выдающиеся люди встречаются во всех областях человеческой деятельности: искусстве, науке, спорте, военном деле, экономике, политике и др.

Можно, конечно, по-разному определить понятие выдающейся личности. Мы определим выдающуюся личность, как такую, которая обладает исключительной способностью или исключительным комплексом способностей: психофизических, эмоциональных, волевых, интеллектуальных и т.п. Выдающаяся личность - это искусный человек, сумевший реализовать свои исключительные способности.

Мы, разумеется, не собираемся определить критерий величия, но так или иначе, выдающимся личностям обычно отводят особое социально-значимое положение: присваивают почетные звания, предоставляют руководящие должности, их широко рекламируют и др.

Место, соответствующее выдающейся личности, может по стечению обстоятельств (вследствие противостояния общественных интересов) занимать и "серая" личность, достоинством которой является "удоб-

ство" общения с ней и т.п.

Рассмотрим в этой связи феномен Сталина, уничтожившего своих выдающихся соратников, как-то: Троцкого, Бухарина, Тухачевского и др.

За этим, отнюдь не исключительным и в то же время неординарным, явлением прослеживаются несколько его побудивших причин.

Во-первых, чтобы устранить государственных мужей с занимаемых должностей, им должна быть подготовлена замена. Поэтому фатальной причиной устранения главных организаторов революции и участников гражданской войны, одновременно с ликвидацией социального слоя разночинной интеллигенции, постоянно продуцирующего "вождей революции", была историческая необходимость репродукции их из нового политически активного класса - крестьян и, в меньшей мере, рабочих.

Во-вторых, в трагический период революций и гражданской войны все политические деятели государства, так или иначе, были активными участниками государственных репрессий, на фоне которых происходила борьба за власть. В этой борьбе, как в любой другой, были победители (Сталин, Ворошилов, Молотов, Хрущев, Жуков и пр.) и множество побежденных и т.д.

В-третьих, что интересует нас больше всего в связи с темой настоящей главы, - это вопрос: "Почему малоталантливые люди одержали победу над личностями выдающимися?" - Здесь, как нам представляется, свою роль сыграло то, что талантливые люди достигали власти не столько благодаря желанию и умению бороться за нее, сколько были выдвинуты на руководящие посты другими.

Поэтому, когда борьба за власть обострилась, их поражение было предпрещено.

Все вышеизложенные банальности приведены здесь лишь для цельности изложения; наша же задача проследить "историческую принадлежность" выдающейся личности. Поэтому мы сразу перейдем к понятию исторической личности.

Исторической личностью правильно будет назвать такую выдающуюся личность, которая создала нечто новое, ранее неизвестное, некую ступеньку, становясь на которую историческая личность нового поколения смогла бы создать очередное новшество.

Примерами могут служить: новый ритм в стихосложении, новый литературный жанр, открытие перспективы в живописи, прыжок спиной вперед в спорте, новый метод в математике, новый закон в физике, новые принципы законотворчества в юриспруденции и др.

Так, Александр Македонский является выдающейся личностью, ибо покорил множество стран и создал особую структуру войска - "фалангу", но исторической личностью (по нашему определению) он является только как изобретатель "фаланги" и т.д.

Не имея в своей среде исторических личностей, человечество не смогло бы перейти от животного состояния, от состояния дикости к цивилизации.

Здесь мы хотим предостеречь читателя от возможной логической ошибки: из сказанного вовсе не следует, что исторические личности являются движущей силой истории; они лишь одно из условий исторического развития.

С другой стороны, спектр их открытий отнюдь не безграничен. Он обусловлен базовым уровнем цивилизации, то есть конкретным историческим моментом. (Электроника не могла появиться до открытия электротехники, экономическая кибернетика - до открытия кибернетики, теория общественных формаций - до появления идеи исторического развития и т.д.).

Если же открыто нечто рядоположное, равнозначное уже открытому, то и в этом случае известное послужило ступенью к новому, поскольку его нужно было знать, чтобы не повториться. Так, если бы вначале был открыт "коньковый" способ передвижения на лыжах, то сегодня пришли бы к открытию "классического" способа и т.д.

Поэтому нельзя нечто открыть, перескочив, так сказать, через голову поколений.

Отсюда следует, между прочим, что самый выдающийся политик не способен повести за собой народ так, как будто перед ним открыта божественная карта с начертанным на ней историческим путем. И заведомо фантастична та теория (точнее - учение), которая предлагает средства для решения проблем еще не созревших, так что не известно, возникнут ли они вообще, в каком виде и "контексте".

Итак, мы видим, что особенность развития человеческого общества состоит в том, что "движут" общество те, кто полностью зависят от него. Вот почему этот процесс есть саморазвитие, а сами выдающиеся и исторические личности суть марионетки истории.

ФАТАЛЬНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

Вспомним, как украинский Верховный Совет принимал в 1991 году декларацию о независимости. Ситуация при голосовании складывалась таким образом, что для принятия Декларации не хватало всего нескольких голосов. По настоянию депутата Л.Скорик Совет переголосовывал три или четыре раза, пока не принял Декларацию большинством голосов.

Нас, как всегда, будет интересовать аналитическая сторона вопроса, очевидного до невозможности, а именно: "Правильно ли утверждать, что Декларация принята, благодаря стараниям Л.Скорик?"

Действительно, если бы Л.Скорик была больна в этот день и не присутствовала на заседании Совета, документ не был бы принят (конечно, при маловероятном условии, что кто-либо другой не проявил бы необходимую активность в ее отсутствие).

Но рассмотрим этот вопрос подробнее. Решение для переголосования принимал председатель Верховного Совета, и, хотя его функция носила скорее пассивный характер, он был вторым необходимым звеном каузальной цепочки. Если бы председательствовало иное лицо, то исход заседания был бы не определен. Но это еще не все. На заседании могло оказаться на несколько сторонников Декларации больше (из числа больных), чем действительно присутствовало, и тогда в рвении Л.Скорик просто не было бы необходимости. Или, наоборот, колеблющиеся депутаты могли накануне ознакомиться с агитационной литерату-

рой, направленной против самостоятельности Украины или против такой самостоятельности, и тогда их непросто было бы переубедить. И т.д. Мы уж не говорим о том, что в любом случае для принятия положительного решения заранее должно было сформироваться "критическое" число голосующих.

Для нас важно в этом примере то, что он отражает такой процесс принятия решения, который нельзя представить как причинно-следственную однозначность, но можно смоделировать, как вязку параллельных дублирующих друг друга цепей, состоящих из одного или нескольких причинно-следственных звеньев.

Иными словами, мы пришли к той тривиальной мысли, что всякой критической ситуации присуще, так называемое, "узкое место", "последняя капля", которая "все решает", если и только если "чаша наполнена до краев".

Мы, далее, приходим к очередному тривиальному выводу, что значение отдельной личности в историческом процессе может иметь некоторую "нишу", вполне определенную конкретными обстоятельствами, как например, это имеет место с победителем спортивных соревнований (победа его одновременно абсолютна и условна, ибо если не он, то победил бы кто-либо иной).

Возвратившись к нашему примеру, допустим, что Декларация не была бы принята (что вполне было возможно). Как повлияло бы это на дальнейший ход событий? Распад Советского Союза произошел бы все равно (так как это событие связано с иными причинами), так что Украина все равно стала бы юридически суверенной державой. Но и это пояснение не исчерпывает темы.

Будучи экономически и политически тесно связанной с Россией, свободная Украина, в действительности, продолжает сохранять одностороннюю зависимость от последней. Никто не может повлиять на эту ситуацию, равно как и помешать начавшемуся процессу суверенизации, но атрибутика процесса может весьма варьировать в зависимости от малых причин.

Это приводит нас уже к нетривиальным выводам. Субстратная составляющая исторического процесса фатальна в том смысле, что как бы ни повел себя общественный процесс, никто не способен оказать на него ни малейшего влияния, ибо ситуация в своей основе не зависит ни от воли, ни от сознания каждого из нас.

Нет оснований утверждать, что исторический путь человечества предопределен какой-либо одной из сторон, составляющих его видовую принадлежность: интеллектуальной, эмоциональной или физиологической и др., а не всей совокупностью видовых признаков.

В то же время, "верхний слой" общественного процесса носит случайный характер в том смысле, что можно проследить причинную связь между тем или иным событием, с одной стороны, и определенной деятельностью определенного лица или группы лиц - с другой. Индивидуальная же деятельность случайна по определению.

При этом, чем талантливее вождь, тем легче он поддается игре обстоятельств, тем менее он упорствует в своих принципах (судьбы М.Лютера, О.Кромвеля, Наполеона, Ленина, Ф.Кастро и др.)

Вполне случайными в отдельных ситуациях могут оказаться и пово-

роты в политике. Так, если на некотором историческом отрезке диктатура государства фатальна, то все же ее цвет разнообразят случайным образом как партийные, так и личностные тона и т.д.

СЛАБОСТИ СИЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Всякой власти по определению присуще насилие. Когда же ратуют за "сильную власть", то обычно имеют в виду создать особо агрессивную систему насилия.

Рассмотрим, прежде всего, что есть насилие как понятие. Насилие, вообще говоря, есть уничтожение: уничтожение отдельного предмета, отдельного качества, свойства, формы и т.п.

Сильная власть, таким образом, - это механизм властвования, опирающийся на силовые институты - армию и полицию; это механизм умаления гражданских прав и свобод, ликвидирующий свободомыслие и личностный интерес; это средство уничтожения граждан своего государства и др.

"Сильная власть" естественным образом и легче всего прорастает на почве "слабой власти", то есть власти, пытающейся игнорировать или не способной использовать силовые институты и опирающейся, большей частью, на свободные интересы граждан.

Условность, а значит слабость, сильной власти состоит в том, что механизм насилия, эффективный в период наращивания насилия, в конечном итоге, оборачивается ограничением свободы воли и лишением статуса безнаказанности самих властителей, что лишает власть ее сущности. Речь идет о хорошо известных явлениях, когда тотальный террор захватывает сами властные структуры, парализуя рациональность решений и целесообразность действий. Это влечет за собой, так называемые, "бессмысленные" репрессии, которые действительно носят иррациональный характер, отражающий как неспособность власти контролировать ситуацию, так и ее фатальную зависимость от силовых структур.

Между прочим, понятие свободы в политике имеет вполне практический смысл - это организация защиты от насилия. Насилие же свободно и несвободно благодаря самому себе.

Наряду с вышесказанным, существуют иные представления о сильной власти - как власти "сильной личности", личности однозначной, волевой, способной подчинить себе непосредственное окружение и действующей "по справедливости". Другими словами, представление о сильной личности совпадает с классическим представлением о "добром царе".

Особенность ситуации состоит в том, что каким бы распрекрасным ни был правитель, в своих действиях он обречен опираться или, преимущественно, на силовые институты власти, или, главным образом, на свободные интересы граждан.

Отсюда ясно, что "сильная личность" необходима именно во втором случае - при, так называемом, демократическом управлении - в качестве стабилизатора демократических свобод.

Напротив, "силовую власть" вполне может возглавлять "слабая личность" - марионетка силовых структур.

НАЦИЗМ И ТОТАЛИТАРИЗМ

Под нацизмом, или шовинизмом принято понимать форму политизированного расизма, поставленного на государственную ногу. Нацизм есть средство государственной политики, направленной на дискриминацию граждан по отличительному признаку их генетического происхождения (конституциональному или чисто документальному), в виде фактического, а часто, и юридического ограничения в правах, резервации, депортации и прочих форм геноцида - вплоть до уничтожения целых народов.

Действительная задача нацизма (вопреки культивированному мнению) - моральное разложение господствующей, то есть своей, нации. Таким образом, потенциально нацизм направлен против "своей" нации, против "своего" народа.

Нацизм парализует политическое самосознание широких масс в плане выражения ими собственных интересов (политических, экономических, религиозно-атеистических и пр.).

"Вы и так привилегированная нация, - говорит правительство своему народу, - так чего же вам еще надо?" - Такова логика нацистского воздействия.

Но нацизм - лишь одно из средств деморализации населения. Поэтому, обычно одновременно с нацизмом, государство поощряет иные деморализующие методы: доносительство в форме "пого-ни за ведьмами", атрибутику "благонадежности", религиозную или атеистическую нетерпимость, судебный произвол и т.п.

Так, фашисты посредством политики геноцида привлекли политически пассивную часть населения - обывателей - на свою сторону, сделав их своими невольными соучастниками - заложниками политических зверств.

Была создана ситуация, при которой каждый нееврей, нецыган, неславянин... должен был понять, что евреи и пр. стали той естественной жертвой исторических обстоятельств, на месте которой, в других условиях, мог бы оказаться он сам.

Такое положение создает искусственную заинтересованность населения в широкомасштабном гонении на париев нацизма.

Вот почему, между прочим, многие из тех, кто побывал в немецко-фашистской оккупации, превратились из идеологически нейтральных обывателей в активных антисемитов.

Нацизм, как таковой, в большей или меньшей мере является, вообще говоря, политическим атрибутом любого государства, поскольку оно представлено специальным институтом, так называемого, гражданства - предоставления особых прав задокументированной (посредством паспортов и т.п.) категории людей и лишения этих прав тех других, кто не соответствует критерию гражданина.

В наиболее одиозной форме нацизм, как и другие деморализующие средства политики, присущ всем тоталитарным режимам.

Здесь важно отметить, что нацизм есть лишь одна из форм существования, но не сама сущность тоталитаризма, который имеет

своей целью широкое использование элементов рабского труда вне зависимости от базового типа экономической формации.

Обычным при этом является ограничение зон проживания населения, ограничение перемещения, закрепление за местом работы, сокращение заработной платы одновременно с интенсификацией труда, лишение работников единственно действенного средства отстаивания своих интересов - права на забастовки и др.

"Погоня за ведьмами" становится основным средством массового воспроизводства государственных рабов в классическом понимании - заключенных и т.д.

Если взять новейшую историю, то тоталитаризм был одинаково присущ и японской деспотии (до ее поражения во 2-ой Мировой войне), и Китаю в период "культурной революции", и советскому социализму, и итальянскому, испанскому, португальскому, болгарскому, немецкому фашизму, и южноафриканскому апартеиду, и иранскому фундаментализму и т.д.

Уже из простого перечисления видно, что тоталитаризм есть общественный строй, присущий 20-му веку - этапу разложения остатков феодально-крепостнического строя в господствующем буржуазном окружении. Тоталитаризм конкретизируется специфическим моментом общественного процесса - переходным периодом от полуфеодального строя к буржуазному. Он присущ определенной волне этого перехода - консервации статус-кво в момент угрозы ликвидации сословных привилегий и смены собственников. Причем, не следует исключать возможность многократного отката и подъема реакционной волны.

Мы будем различать два вида тоталитаризма, идентичных по сути, но проросших на, казалось бы, противоположных формах общественных отношений:

-фашизм, как реакцию на рабочее профессионально-экономическое и политическое движение, служащее мощнейшим средством разрешения противоречий буржуазно-феодального общества;

-социализм, как усреднительно-нивелирующее рабоче-крестьянское антифеодальное и антибуржуазное движение.

Социализм, как естественная форма общественных отношений (вне связи с одноименными учениями "социалистов-утопистов", марксистов, ленинцев, маоистов, современных коммунистов и неоккоммунистов и др.), революционным путем преодолел сословные привилегии дворян и купцов, одновременно ликвидировал общественно-необходимые привилегии интеллигенции и... вынужден был возродить существенно трансформированные полуфеодальные отношения. Его историческую необходимость можно понять, если исходить из представления о том, что становление буржуазных отношений в "созревших" странах ускорилось капиталистическим окружением и, как бы, забежало вперед, не преодолев инерцию крепостничества.

Чтобы понять моральную сторону социализма, провозглашенного как гуманное, прогрессивное и целесообразное общество, обратимся к аналогии.

Представим себе мореплавателя, направляющего свой корабль в ту или иную сторону по своему произволу.

При взгляде с корабля на материки их очертания будут меняться в

зависимости от угла зрения, но... нашему мореплавателю будет казаться, что это он своими действиями изменяет форму материков. Это и есть социализм с точки зрения марксистов.

Напротив, с общеисторической точки зрения социализм является откатной волной от квазибуржуазных отношений к постфеодальным, не подвластной ни идеологическим ветрам, ни революционным бурям.

Отличительной особенностью тоталитаризма, особенно социалистического толка, является система экономико-бюрократических отношений. В этом разрезе тоталитаризм не имеет конкретного содержания и не связан с определенной исторической эпохой, но является предельной абстракцией разнохарактерных и разновременных политических ситуаций.

Мы знаем рабидный тоталитаризм восточных деспотий и квазикрепостной тоталитаризм современных Китая и Албании, и пролетарско-крепостной тоталитаризм в бывшем СССР, и пролетарский тоталитаризм в социалистических Чехословакии, ГДР, Венгрии и т.д.

С другой стороны, социализм смыкается с фашизмом в той мере, в какой последнему присущи моменты авторитарной демократии, как-то: экспроприация частной собственности (пусть, частичная) при частичной ликвидации сословных привилегий. Этот момент, между прочим, нашел свое отражение (пусть даже как простое намерение) в названии Национал-социалистической рабочей партии Германии.

Нам осталось ответить на самый трудный вопрос о естественной необходимости тоталитаризма.

Развал общественных отношений в переходный период есть угроза существованию человечества, которая транспонируется на структурированность общества в жестокой форме рабства вообще и тоталитаризма в частности.

Но независимо от того, правильно ли мы отгадали природу и причину этого явления, необходимо констатировать, что фашизм есть движение народное, а в определенные моменты - общенародное, а не выдумки нескольких отщепенцев.

Разумеется, в столь непосредственно-прямолинейной синхронизированной форме связь общественных явлений никогда не проявляется /это свойство всех динамических систем/, что создает особые трудности в их изучении.

НАЦИОНАЛИЗМ И ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ

В чем мы видим сущность национализма, как такового, на бытовом уровне, не отягощенного политикой? Определяющую роль играет в национальном чувстве противопоставление индивидуальной ущербности и социальной значимости.

Действительно, человек ощущает свою неполноценность по сравнению с другими животными, от природы обладающими качествами, которых не имеет человек: умением летать, плавать, быстро бегать и т.д. Тем более индивид ощущает свою ущербность в отношении более умелого, более талантливого индивида, он ощущает себя обделенным в отношении более уважаемой, социально-значимой личности. Поэтому на

ционализм, выступая как средство, восстанавливающее моральное равновесие, есть форма самосознания индивида, воспринимающего себя, как личность выдающуюся по своей природе, значительную по своему рождению, по крови, не нуждающуюся ни в каких внешних доказательствах своей самости.

В то же время, бытовой национализм, как постоянно присутствующий момент общественных отношений, имеет тенденцию сохранения национальной культуры путем своего отмежевания от иных культур и направлен на сохранение генетического вида путем своего отказа от смешанных браков и т.д.

Таким образом, хотим мы того или нет, идея национальной исключительности есть корень национализма, как такового.

Национализм, как бы отрицательно или положительно к нему ни относиться (оценочная позиция находится вне исследовательской сферы) - это не заблуждение, не суеверие, но сомнение.

Поэтому он наиболее активен на крайних полюсах общественной иерархии. Верхние слои общества имеют перед собой "наглядное подтверждение" своей исключительности, тогда как холопская гордость есть способ моральной самозащиты.

Вопреки сказанному, тот же феномен исключительности свойственен и сословному самосознанию, и религиозному, и индивидуальному и т.д. Тогда, в чем состоит особенность именно национального самосознания? -

Можно изменить сословную принадлежность, принять иную веру, получить лучшее образование и др., но нельзя, разумеется, изменить расово-национальную принадлежность.

Науке не известны какие-либо критерии иерархической сопоставимости человеческих рас, этносов, наций, хотя налицо ряд биологически-значимых конституциональных различий:

специфическое отложение жира у народов Севера, повышенная резистентность к заболеванию чумой у монголоидов, повышенный процент заболеваемости болезнью Дауна у евреев, особый состав крови, предрасполагающий к заболеванию серповидной лихорадкой у индейцев... Объективные процессы нивелирования одних биологических признаков и обособленности иных происходят непрерывно и повсеместно, но причины, способствующие или препятствующие этим процессам, не поддаются научной формализации.

Одновременно с идеей исключительности, как чувства национального достоинства, национальной гордости, национального превосходства, другим определением национализма служит идея исключительной ущербности "не своей" нации.

Первый вид национализма носит общеоборонительный характер, а второй - избирательно-агрессивный.

К "особо ущербным" нациям принято относить негров, евреев, цыган, армян, "американцев" и многих других.

Так, антисемитизм, как конкретное проявление национал-расизма, носит, как мы сказали, избирательный характер. Смысл избирательности заключается в повсеместной и первостепенной ненависти именно к евреям, а не к туркам, арабам, англичанам и др. Независимо от первопричин антисемитизма, он стал центральной частью христианского

учения и, таким образом, прививается с детства во всем христианском мире. Именно широкое распространение христианства и ислама (признающего Христа) способствует столь широкому распространению антисемитизма. В тех христианских странах, где временно и отчасти одержал победу атеизм, религиозные истоки антисемитизма не утратили своего значения в силу известной религиозной инерции.

В форме антисемитизма христианство пролонгировало идею кровной мести, присущую родовому строю и патриархату, а именно, идею вины всего народа и всех последующих поколений евреев за содеянный несколькими представителями его "грех". /Уже в наше время энцикликой папы Римского евреям были прощены их христианские грехи/.

Если одни исследователи "еврейского вопроса" усматривают избирательность антисемитизма в антихристианском грехе, то другие - в особенностях иудаизма, третьи - в распространении евреями купеческо-буржуазных отношений, иные - в специфическом характере евреев и т.д.

Так или иначе, все они усматривают исключительную избирательность антисемитизма в природе еврейской нации, возлагая тем самым вину на самих гонимых.

Эта простая мысль отчетливо выражена в поговорке: "Была бы палка, а собака найдется".

Впреки бытующему мнению, избирательность антисемитизма есть избирательность исторического феномена (т.е. дело случая), из чего вовсе не следует исключительность еврейской нации, как таковой.

Капиталист не доволен рабочим движением - поэтому еврей для него тождествен коммунисту; мелкий собственник не доволен конкурентами - поэтому еврей для него - хитрый мошенник, карьерист; рабочий не доволен своим нанимателем - поэтому для него еврей тождествен буржуа. Таким образом, еврей стал символом отрицания. Поистине, ничто человеческое еврею не чуждо (если перефразировать П.Теренция).

Наша точка зрения о вненациональной природе антисемитизма находит свое подтверждение, в частности, в синхронизации колебаний антисемитского накала с изменениями уровня антидемократических настроений в обществе.

Когда государство пропагандирует национальную исключительность, то говорить о моральной (или аморальной) стороне этого вопроса, разумеется, бесполезно. На практике это настраивает все угнетаемые нации против привилегированной.

Неестественность привилегированного положения деморализует народ, так же, как деморализуют его захватническая война, спровоцированные погромы, глобальное воровство, поощряемое государством пьянство и т.д., что делает граждан соучастниками государственного насилия, лишая их, тем самым, морального права противостоять политическому и экономическому гнету.

ПРОИЗВОЛ И ДОГОВОР

Чтобы уменьшить степень непредсказуемости "контрагента" и, более того, согласовать с ним целесообразность действий, люди, прежде всего, пытаются договориться между собой - будь то на личностном уровне, на уровне предприятия или государства и др.

На чем же зиждется любой договор - вербальный или письменный, явный или тайный и т.д.?

Нам думается, что договор держится на уверенности или предположении каждой из сторон, что противоположная сторона (контрагент) не менее заинтересована в его действительности.

Договор есть, таким образом, средство снятия неопределенности интересов и намерений контрагентов - не более того.

Действительно, человек, как паук, муравей или пчела, по своей социально-биологической природе существо самоедное, самоуничтожающее. Войны, казни, тюрьмы и т.п. - все это социальные формы суицида. Сама возможность уничтожения человека человеком создает ситуацию неопределенности во взаимоотношениях. Институт договора по своей идее как раз и направлен на снятие неопределенности между людьми.

При быстро меняющейся ситуации (политической или экономической) стороны заключают между собой, как правило, лжедоговоры, не собираясь их выполнять, но пытаясь усыпить бдительность друг друга или некоей третьей стороны.

Отсюда возникла крылатая фраза о том, что договоры заключают для того, чтобы их нарушать. Хотя, по идее договор направлен на "раскрытие карт" обоих партнеров, часто его используют для сокрытия действительных намерений сторон.

Вообще говоря, договор может носить равносильный, равнозначный, равновыгодный характер, однако, каждая сторона пытается получить при этом большую выгоду, чем ее контрагент, не затрагивая его интересов или, напротив, за счет последнего.

В случае разного "веса" контрагентов, более весомая сторона уверена в вынужденности, безвыходности противной стороны, а последняя уверена, что настоящий договор суть меньшее зло, чем произвол "тяжелого" контрагента. При этом принято говорить о компромиссе между договаривающимися сторонами. Вопреки известному предубеждению, компромисс есть всегда односторонность, а не паритетность.

Из сказанного должно быть ясно, что договор, как условно действующее средство, не способен сам по себе служить альтернативой военным действиям. Лишь в самом конце войны, именно потому, что ее исход становится очевидным для обеих сторон, своевременное заключение договора способно прекратить бойню, ущербную для обеих сторон.

Договор может принимать совершенно неожиданные формы. Так, конституция, принятая демократическим парламентом (то есть органом, который представляет разные слои общества или, по крайней мере, различные политические партии) по необходимости но-

сит признаки паллиативного соглашения, направленного на устранение произвола властей и т.п.

Противостояние интересов отдельных государств реализуется, как известно, не только с помощью военных действий, но и посредством всевозможных санкций: экономических, финансовых, транспортных, культурных и пр. При этом каждое средство имеет особые условия и специфический интерес для его применения. Так вот, институт договора, как фактор определенности, в одних случаях способен устранить ненужные санкции, в других же (например, в случае экономического давления) - закрепить их.

Поэтому мы говорим, что договор есть одно из особых средств в общественных отношениях, а поле его действия носит, хоть и пестрый, но ограниченный характер.

БЕЗ ВОЙНЫ

Войны, как известно, не прекращаются в мире ни на час. Участие в них - более или менее опосредствованное - принимает множество "третьих" стран, имеющих свой интерес в конфликте.

Поэтому, если рассматривать человечество мира как целое, война есть непременный и перманентный атрибут человеческого существования.

Легкость совершения насилия по сравнению с трудностями других деяний, связанных с длительным и упорным трудом, превращает насилие из возможности в "потенциальную яму" необходимости.

Поэтому при определенной политической ситуации (военно-экономическая слабость соседнего государства, нахождение на его территории богатых, а значит легко добываемых, ресурсов или угроза кризиса власти в собственной стране...) война выступает как необходимый момент международных отношений.

Более того, война служит приспособительным средством, примиряющим противостоящие друг другу общественные образования. Не будь войны, общество, попросту, распалось бы на замкнутые в себе домены.

Такое балансирование каждого политического домена /племени, княжества, государства или военного союза/ на грани между миром и войной естественным образом создает сферу непредсказуемости, произвола, а отсюда и недоверия.

Каждое замкнутое на оборону общественно-хозяйственное образование произвольно в своих намерениях и деяниях, вообще говоря, и всякий другой политический домен это знает и этого опасается. Все это делает мир неустойчивым, а войну неизбежной. Поэтому мир не является некой первоосновой межгосударственных отношений; он наступает вследствие истощения материальных и людских ресурсов у одной или обеих воюющих сторон на период их восстановления.

Далее, любая армия, сколь бы совершенным ни было ее вооружение и методы боевой подготовки, не является вполне боеспособной, если не имеет опыта действительных боевых действий, хотя бы ограниченных. Поэтому каждая страна стремится направить ограниченный контингент войск в ту точку Земного шара, где разгорелся вооруженный конфликт. Это делается, как известно, под любым предлогом: миротвор-

ческие усилия, геополитические интересы, гуманитарная помощь, классовое, религиозное, национальное единство и пр. Самое миролюбивое государство, для которого война на данный момент не выгодна ни по каким показаниям, для поддержания боеспособности армии вынуждена ввязываться в те или иные военные конфликты и жертвовать своими солдатами в, так называемое, мирное время.

В то же время, угроза самоуничтожения вследствие ядерной войны, ограничивающая произвол в намерениях политических доменов, поддерживала, как известно, мир в Европе необычно длительное время. Как только эта угроза была частично снята в результате окончания "холодной войны", так сразу же вспыхнула война в Югославии.

Отсюда ясно, между прочим, что возможность спрогнозировать ситуацию (как-то, последствия ядерной войны) способна вносить коррективы в естественный процесс взаимоотношений между государствами.

Но можно ли обойтись вообще без войны? Конечно можно! Также можно обойтись без животной пищи, можно прожить без распутства и вообще без любви, можно обойтись без токсикомании, без воровства и грабежей и т.п.

Трудность состоит в том, что все это действительно возможно в отдельных случаях, но не реализуемо в целом. Суть противоречия, как нам представляется, состоит в том, что отдельный человек так же не может служить моделью человечества, как отдельный орган не может служить моделью всего организма.

Если бы общество не было структурировано на политические домены, то не было бы и предмета для рассуждений. Однако причины подобной структуризации общества нам не известны, хотя ясно, что ни экономические, ни культурные, национальные или религиозные различия не являются определяющими в образовании государств и т.д.

В отличие от постоянных международных распри, внутридоменный мир есть более устойчивое состояние общества. Внутри домена существует одна и только одна организационная структура - племенной /княжеский, государственный/ аппарат, препятствующий возникновению потенциального противника - параллельной политической самоорганизации его граждан. Поэтому война внутри домена (в форме ли революционного переворота, гражданской войны или войны с преступными группировками) становится необходимой только тогда, когда принцип военно-политического единства и единственности нарушен вследствие общественных кризисов и пр.

ДЕЗОРГАНИЗАЦИЯ - МОМЕНТ РАЗВИТИЯ

Поговорим здесь о фатальной кризисности общественных отношений в период комплексной (революционной) перестройки общества.

Чтобы изменить направленность движения - пусть даже в самом примитивном физическом смысле - сначала необходимо остановить движение тела в первоначальном направлении.

Аналогичным образом, для того, чтобы изменить общественный порядок, комплексно изменить организацию общества, необходимо сна-

чала упразднить старый порядок, то есть приложить усилия для полной дезорганизации существующего общественного строя.

Революционные - комплексные - преобразования общества по своему определению невозможны без предварительного развала управленческих структур, влекущего правовое бессилие государства, без наступления анархии во всех сферах общественных отношений: политических, экономических, семейных, культурных, научных, нравственных и т.п.

Вообще, правильно будет сказать, что общественный процесс есть цепь, состоящая из звеньев разрушения и воссоздания общественных отношений как таковых.

Поэтому вызывают недоумение и недоверие те политики, которые намереваются создавать новое общество путем простой трансформации существующего экономического потенциала и безболезненного преобразования государственных институтов без их полной остановки, минуя этап полного прекращения их функционирования.

Такой совершенно вымышленный путь общественных преобразований обычно называют "эволюционным", вкладывая в это понятие не столько идею постепенности (свойственную периоду развития существующих отношений), сколько надежду на безболезненность преобразований.

В действительности же такая позиция активных политиков, невзирая ни на какие увещевания, приводит к затяжке назревших преобразований, влекущей за собой повышенный физический и моральный износ средств производства и обострение политического кризиса, что само по себе неизбежно подталкивает к организационному развалу экономики.

Таким образом, момент противодействия новому является атрибутом его становления.

Отметим, что именно тогда, когда промышленность оказывается способной выпускать наибольшее количество товаров, становится ясным, что за благие устремления общество заплатило неустрашимым отставанием темпов морального возобновления средств производства, необходимых для поддержания стабильности воспроизводства.

Но все сказанное было бы невероятным, если бы оказалось таким однозначным.

Новое может развиваться и сосуществовать со старым весьма длительное время. Более того, именно этот фактор является непременным условием того, что после серии "безрезультатных" кризисов общественная структура принимает, наконец, целиком именно ту структуру, которая длительное время существовала как побочное явление. Пример тому - полутысячелетнее развитие капитализма в Европе.

Обратимся к последствиям общественных кризисов. Нам представляется, что в процессе преодоления политико-экономического кризиса, то есть в процессе восстановления распавшихся хозяйственных и прочих общественных связей, общество проходит заново все ступени социальной лестницы, подобно тому, как это происходит в биологии, когда эмбрион воспроизводит в своем индивидуальном (онтогенетическом) развитии исторические (филогенетические) формы своего вида.

Действительно, последствия кризиса прежде всего знаменуются распадом государства на составные части, а также национальным, этни-

ческим, религиозным, классовым противостоянием; затем последовательно возникают квазирабовладельческие отношения (в форме тоталитаризма, фашистской диктатуры с концентрацией рабов в "лагерях смерти", в виде самоизоляции государства и закрепления полурабов в деревне и городе и др.); после этого режим "смягчается" с постепенным переходом к отношениям, сформировавшимся в новейшей истории и пр.

Итак, мы показали, что дезорганизация общества является необходимым моментом его реорганизации, результатом развития, его начальным этапом и причиной.

МИРНЫЕ ФАЗЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Здесь мы поговорим о гражданских войнах, сопровождающих революционные преобразования, связанные с переходом от феодально-крепостнической формации к буржуазной, включая такую промежуточную фазу, как социализм. Мы не будем касаться проблем, связанных с восстаниями рабов, крестьянских бунтов и т.п.

Переход от одной формации к другой - это не одномоментный акт революционного переворота, как это часто изображают.

История не знает чуда скачкообразного превращения. Более того, если иметь в виду, что человеческий мир представляет единое целое, длительность переходного периода соизмерима с продолжительностью существования стационарного общественного строя (если это понятие вообще имеет смысл).

Обычно переходный период представляют как аморфный процесс, хотя при ближайшем рассмотрении видно, что он вполне структурирован. История позволяет вычлениить и обобщить следующие этапы переходного периода, который мы назовем гражданской войной.

1. Снижение уровня целесообразности и продуктивности феодальной экономики одновременно с продуцированием зачатков товарного производства.

2. Паралич старых институтов власти, что разрушает и выводит из сферы политики армию и полицию (милицию), допуская тем самым высокую политическую активность масс.

Это период политического и экономического кризиса старой системы. Происходит разложение старых государственных структур и возникает множество противоборствующих политических группировок. В качестве примера сошлемся на "думский период" начала XX века в России. Аналогичную ситуацию мы имеем и в конце этого века.

Этот период завершается государственным переворотом (например, буржуазная революция в Англии времен О.Кромвеля, социалистическая революция в России и др.).

3. Экспроприация (полная или частичная) бывших собственников. Это самый тяжелый и длительный процесс, сопровождающийся активными военными действиями.

Эта фаза завершается победой новых сил (с первой ли по-

пытки или с десятой, в течение нескольких месяцев или десятков лет), к государственной власти приходят новые люди.

В качестве примеров укажем на, так называемую, гражданскую войну 1918-1923гг. в России, многолетние войны в Анголе, Мозамбике и других странах "третьего мира", происходящие в наши дни.

4. Создание новых властных структур. При этом сохраняется старый бюрократический аппарат, который постепенно замещается энтузиастами-победителями. Затем все они вытесняются насильственным образом людьми "естественной генерации", что обеспечивает воспроизводство новой власти.

Так, в Советской России - стране преимущественно крестьянской - большевики дореволюционной формации были смещены с руководящих постов урбанизированными крестьянами.

Этот период сопровождается государственным террором.

(В XX веке эта фаза гражданской войны подпадает под понятие тоталитаризма: Италия, Россия, Испания, Германия, Япония, Португалия, период "культурной революции" в Китае, режим Пол-Пота в Камбодже и др.).

Специфической особенностью этой фазы является экономическая необходимость в тяжелом рабском труде, позволяющим воссоздать разрушенную и разлаженную экономику в новых социальных формах. В XX веке рабский труд приобретает множество различных форм: концентрационные лагеря, строительные батальоны, закрепление работников за местом работы, запрет выезда из страны, «жилищно-пропичная» система и др.

5. Наконец, завершающая фаза гражданской войны, наступающая после отказа государства от массового террора, - это процесс постепенного отказа от использования рабского труда на почве сформированной экономики нового типа. В России - это период правления Хрущева, в Испании, Португалии - это постфашистский период и т.п.

Весь набор исторических моментов переходного периода, как единая волна, имеет свои подъемы и спады, приливы и отливы - периоды активизации и стагнации с продвижением вперед и возвратом в прошлое, с чередованием побед и поражений.

Причем, волнообразные явления характерны как для всего процесса в целом, так и для каждого явления в отдельности. В результате мы имеем явление "исторической интерференции", когда одни волны набегают на другие, создавая вычурное многообразие форм, взаимоослабляя или усиливая. Все это особенно затрудняет поиск закономерностей в кажущемся хаосе общественного процесса и, естественно, затрудняет социальный прогноз.

Кроме того, такая ситуация не позволяет создать достаточно обоснованную классификацию переходных периодов, так что предложенная нами структура переходного периода носит переменный характер.

В связи с особой сложностью явлений, конкретная ситуация (в отличие от нашей модели) будет носить размытый мозаичный характер, однако, в любом случае, ясно, что понятие гражданской войны, отражающее ситуацию особого накала гражданского противостояния, не исчерпывается периодом непосредственных военных действий, но захватывает длительный период "тихого" сражения.

Раздел 7. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОСРЕДНИК, ИЛИ ВАВИЛОНСКОЕ СТОЛПОТВОРЕНИЕ

Мы привыкли рассматривать государство с точки зрения его функций (что оно делает?), а не со стороны его сущности (чем оно является?).

Поясним эту дилемму следующим примером. С функциональной точки зрения человек пашет землю, строит дома, воюет с соседом, изобретает и т.п. Сущность же человека состоит в том, что он есть животное млекопитающее, что он имеет своеобразное анатомическое строение с теми или иными морфологическими и физиологическими особенностями и др.

Таким образом, функциональное описание дает нам представление о предмете каков он есть, а сущностное - почему он таким стал.

Теперь обратимся к государству. Функциональная характеристика государства общеизвестна - это власть, насилие, управление, организация экономики, защита от врагов и т.п.

Наша же задача выяснить, чем является государство, как таковое, какова необходимость его возникновения и существования.

В процессе последовательного разделения труда, вычленения и дифференциации общественных функций, естественно, должна была возникнуть функция посредничества, как связующего звена между различными общественными институтами. Эту роль посредника и взял на себя институт государственности.

Мы видим сущность государства, прежде всего, в посредничестве между производством, с одной стороны, и иными атрибутами общественной жизни - с другой стороны.

Здесь следует отметить:

-производство и распределение (организация денежной системы для опосредования торгово-распределительных функций);

-производство и органы гражданского насилия (полиция, милиция, внутренние войска - вся пенитенциарная система). В процессе производства создается жизнеобеспечение органов насилия, которые обеспечивают порядок в быту и экономике, а значит самое возможность межхозяйственных отношений;

-производство и армия. Последняя, как известно, выполняет тройную функцию: защита общественных структур от распада (от народных бунтов, восстаний и пр.), охрана народа и экономики от внешних врагов, усиление и оздоровление экономики за счет ограбления других народов, аннексии их территорий и природных богатств. Жизнеобеспечение армии также осуществляется через посредство государственных институтов;

-производство и семья и пр. "социальная сфера".

Государство выполняет учет-регистрацию семей, обеспечивая тем самым "социальную поддержку" подрастающему поколению и пр.

Для опосредования торгово-распределительных функций государ-

ство занялось чеканкой монет, что, в свою очередь, упростило сбор налогов - главного звена связывающего производителя с институтом принуждения.

В прежние времена финансирование вышеуказанных институтов осуществлялось через королевскую или царскую казну, пополняемую, в свою очередь, при прямом участии и косвенном посредничестве "силовых структур".

В наше время это осуществляется через учетный финансовый план - бюджет и государственное кредитование, а мобилизация средств на эти нужды реализуется финансово-налоговой службой.

Напротив, в догосударственный - патриархальный, раннефеодальный периоды подобные затраты покрывались не государством, но непосредственно за счет прямого ограбления войском своего и не своего населения-производителя (сбор дани княжескими дружинами и пр.).

Для этих же древних предгосударственных времен характерны разные виды лично-непосредственной защиты типа "кровной мести" и т.п., которые в последствии были закреплены за государством в виде пенитенциарной системы.

Поэтому мы называем государство общественным посредником. Вершиной государственности, в смысле выполнения общественно-посреднических функций, следует считать тоталитаризм типа "восточной деспотии" или советского социализма. Такое государство выполняет посреднические функции не только между, но и внутри всех сфер общественной жизни. Но, как и во всех подобных случаях, доведенный до крайнего совершенства, институт государственности постепенно приобретает высокий потенциал сложности, оставляя позади организационно-технические возможности его реализации. Если же учесть еще, что системная однозначность в принятии решений и отсутствие региональной вариабельности неизбежно влекут за собой накопление организационных "ошибок" (точно так же, как это имеет место при близкородственных браках), то становится ясным, почему это совершенство оборачивается, в конце концов, своей противоположностью.

Поэтому, при равных прочих условиях, более устойчивыми оказываются такие формы государственности, в которых государство берет на себя лишь часть посреднических функций, хотя и не отказывается от них совсем.

Широко распространено мнение, что феномен возникновения государств есть прямое следствие "внутренних" процессов: общественных явлений, происходящих внутри "исходных" княжеств, процессов их объединения (завоевания, подчинения) и пр. Но поставим вопрос шире: "Какова необходимость возникновения социальных доменов вообще - будь то племена, княжества, древние или современные государства?" Достаточно обратить внимание на то, что атрибутивным признаком любого домена является наличие агрессивно-оборонительного института - армии, чтобы отбросить идею "внутреннего" формирования домена в пользу идеи одновременного размежевания большой группы слабо организованных индивидуумов на отдельные противостоящие друг другу общественные домены. Ведь армия (любая другая организация войска) не может существовать при отсутствии внешнего противника.

Человеческому обществу, как мы это понимаем, свойственны обе

тенденции: хозяйственное объединение людей, связанное с совместной деятельностью, разделением труда, трудораспределением и продуктораспределением - это во-первых, и выросшая на этой почве межличностная борьба (изначально беспощадная), противостоящая причине своего возникновения, то есть экономическому развитию. Следствием этого является процесс постоянного "вытеснения" наиболее агрессивных форм противоборства из хозяйственной сферы вовне путем спонтанного расчленения общества на противостоящие друг другу военизированные домены с одновременным формированием внутренних войск - полиции /милиции/ или совмещающей обе функции княжеской дружины и т.п.

Из сказанного немедленно следует, что не этническое единство служит стержнем государственного образования, но наоборот, размежевание общества на общественные домены стало причиной их замкнутого развития, причиной возникновения языковых, конституциональных и прочих расово-национальных особенностей.

КОНЦЕПЦИЯ "ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ МИРОВ"

Здесь мы поговорим о тоталитарной (государственно-централизованной) и частной формах общественных отношений.

Сущность тоталитарной системы заключается в том, что богатство и социальное положение личности вполне обусловлено тем местом, которое она занимает в административно-иерархической системе государства.

Напротив, в частнособственнической системе собственник предоставлен самому себе, его богатство и реальная власть не зависят от чиновничьей системы, которая в этом случае служит "политической надстройкой".

Обратимся за примерами к истории. Частнособственнический европейский феодализм возник из частнособственнического рабовладельческого общества Первой и Второй Римской империй.

В феодальной России в допетровскую эпоху существовало поместное дворянство, которому земля передавалась государем, как бы в аренду, но затем российское дворянство стало более или менее частнособственническим (причем, одновременно был создан институт государственного чиновничества, что выражало прямо противоположную тенденцию). Крепостник не был просто частным лицом, но, как правило, находился на государственной службе.

Так же обстояло дело и в цитадели частной собственности - Западной Европе, где феодалы были на службе у королей, вассалы - на службе у своего сюзерена и т.п.

Другое дело страны Востока: Персия, Индия, Китай и др. Средневековый период в этих странах (а в Китае, Монголии и др. - по сей день) характеризуется централизованной структурой экономики, названной "восточной деспотией", и отличающейся от экономических структур России и, особенно, стран Западной Европы тем, что собственнические права экономических функционеров были сильно ограничены государственным произволом. В наше время политико-хозяйственная

централизация характерна для стран социализма, исламского фундаментализма, профашистских режимов молодого капитализма.

В целом представляется, что Восток как бы застрял на промежуточной фазе общественного развития, тогда как Запад успешно преодолел этот барьер. Отсюда возникает вопрос: "Не является ли рассматриваемый здесь классификационный признак чем-то вполне самостоятельным, от чего зависит политико-экономический прогресс?" Следует выяснить, то ли административная система дрейфует в направлении частнособственнического общества как случайный момент общественной формации, то ли достаточно одной структуре спонтанно трансформироваться в свою противоположность, как сразу же остальные атрибуты формации получат соответствующее ускорение. Или, быть может, имеет место равнозначное параллельное существование административного и частнособственнических принципов, не влияющих на уровень общественного развития, индифферентных к идее общественного прогресса?

Обратимся опять к фактам истории. Раннерабовладельческому строю Древнего Египта была присуща, как известно, административная система экономики. Казалось, она трансформировалась в частнособственнические отношения Древней Греции, Рима и т.д., но рецидивы ее прослеживаются и в наше время в странах социализма, фашизма и пр.

Подобные явления отражают последствия противоположных макроисторических тенденций - усиление общественной дифференциации, влекущей ускоренное развитие одних народов при стагнации других, попавших в зону усреднения, выравнивания социальных различий. Усреднение может носить характер возврата к прошлому для одних народов (поглощение полудикими татарскими ордами цивилизованной Киевской Руси и пр.), и прогрессивный характер - для других (в нашем примере - для татар).

Таким образом, можно предположить, что страны Востока перескочили через длинную вереницу метаморфоз рабовладельческого строя, не пережив всех мук западной цивилизации, и потому вошли в фазу феодализма с указанными своеобразиями, которые объясняются именно этим фактом. Главной из этих особенностей стала растянувшаяся на века система государственного администрирования.

Исходя из аналогичных соображений, современный постсоциалистический капитализм просто обязан иметь особенности, отражающие историю его возникновения в отличие от истории образования классического европейского капитализма. Однако нет достаточных оснований считать, что в число этих особенностей обязано входить тоталитарное устройство государства.

ВЛАСТЬ СОБСТВЕННОСТИ

В рабовладельческом государстве раб был собственностью рабовладельца. Что это означает? - То, что рабовладелец имел право (поддержанное традицией, законом, институтом насилия) на ограничение воли раба. Область ограничений была обширнейшей. По своему произволу, то есть безответственно и безнаказанно, рабовладелец мог заставить

раба трудиться (в том числе выполнять бесполезную работу), мог продать его, решать за раба вопросы продолжения рода, мог запретить (или разрешить) ему пользоваться продуктами своего труда, мог наказать его и т.п.

Одновременно рабовладелец мог быть собственником участка земли, орудий труда, рабочего скота, построек и пр. Собственник земли может подвергнуть ее обработке или ничего на ней не делать, продать ее и др., он автоматически является обладателем собственности на продукты, выращенные на этой земле (его рабами !) и т.д.

Очевидно, что этот вид частной собственности отличается от права собственности на раба. Правда, собственность в лице раба близка по способу ее эксплуатации к собственности, представленной рабочим скотом, но здесь есть и различия: скотина не имеет общественно-значимой воли (для нее, например, безразличен факт ее купли-продажи и т.п.).

Итак, мы пришли к двум различным понятиям частной собственности. Частная собственность на человека - это право на ограничение его воли. Частная собственность на орудия производства - это защита от посягательств на них (и произведенных посредством их продуктов) со стороны других людей. Момент защиты присутствует также и в праве собственности на раба.

По сути, собственностью на человека есть право в л а с т н о г о управления им. В случае государственного рабовладения, распоряжение рабом не является исключительным правом отдельного человека; этим правом обладает любой из чиновников, и пр. государственных мужей.

Напротив, капиталист не имеет непосредственного права собственности даже на своего работника, но, благодаря праву собственности на средства производства, защищающему их от всех и каждого, он косвенно приобретает право властного управления наемными рабами.

Капиталистический рабочий так отличается от крепостного или раба, как проститутка от наложницы или законной жены.

Вообще говоря, сама необходимость института властного управления, или насилия непосредственно вытекает из принципа разделения и кооперации труда, который предполагает, что произведенный совместными усилиями продукт должен быть частично или полностью отделен от непосредственных производителей для целесообразного распределения между членами общества. /В этом отделении, как раз, и состоит простейший акт насилия/.

Можно утверждать, таким образом, что все формы закабаления зиждутся на том, что средства обеспечения жизнедеятельности не принадлежат подвластным и используются или приобретаются последними через благодеяние своих властителей, будь то рабовладелец, крепостник, социалистический директор или буржуа.

Драма производства состоит не в том, чтобы побудить ленивого работать, но в том, чтобы заставить работника трудиться, когда у него отбирают продукты этого труда.

МОРАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Пусть некий работник вдруг выбыл из сферы производства (был уволен, умер и т.п.). Должно ли это событие привести к экономическому ущербу?

Поскольку в результате выбытия работника произойдет некая разбалансировка экономических связей, то для других агентов производства ущерб, очевидно, неизбежен. Но возникнет ли ущерб для кого-либо от недоотпуска той продукции, которую раньше создавал сам выбывший работник?

Если бы каждый работал на себя и только на себя, то ущерба для других возникнуть не могло бы: что не произвел, того и не потребил. Но тут мы должны вспомнить, что несчастный платил налоги на стариков и инвалидов, на детское образование, на содержание госаппарата и армии, на поддержание науки и других, так называемых, социальных программ. С другой стороны, некоторые из приведенных категорий "потребителей" вроде бы сами работают... Или все же на них работают? Если оставить пока что в стороне инвалидов, стариков и детей, то получается парадоксальная ситуация: все работают (и ученые, и чиновники, и военные, и учителя и др., и, конечно, наш работник), но при этом одни работают на других. Но разве вследствие выбытия из сферы труда ученого или чиновника общество ожидает меньшие убытки, чем при выбытии рабочего?

Где же искать решение? Дело в том, что нелепое предположение было заложено у нас в самом начале. В номинальной величине заработной платы /и облагаемой налогом части дохода предприятия, пошедшей в противном случае на выплату заработной платы/, которую получал наш работник, изначально был заложен "эквивалент" не только его труда, но и... труда ученого, фискала, военного, учителя и других субъектов общественной деятельности, который наш работник сам не получал, но "выплачивал" в виде государственного налога из "своей" заработной платы. И это тривиально.

Если бы вдруг исчезли непроизводительные профессии, то рухнула бы экономика государства в целом, так что, сколько бы ни трудился наш работник, без способствования общественной инфраструктуры он вообще бы ничего не заработал.

Равным образом не может существовать общество без детей и стариков. Их существование входит в спектр целей труда нашего работника, как части самого себя, и поэтому средства на их существование изначально входят в величину начисляемой заработной платы. Итак, номинальная заработная плата каждого работника/с учетом вышеуказанной оговорки/ должна быть больше "потребляемой" им заработной платы. Этот "довесок" находится в прямой пропорции с величиной лично получаемой платы, откуда и возникает иллюзия того, что работник делится своим трудом (или продуктами своего труда) с дармоедами.

Другое дело - инвалиды. Это эксплуататорская прослойка общества. Чем общество ближе к своему звериному началу, тем в нем меньше таких эксплуататоров, тем меньше им уделяют внимания, тем меньше выделяют средств на их содержание.

Итак, в результате прямого недоотпуска продукции - как следствия

выбытия нашего работника из сферы производства - страдает вся цепочка людей, принимавших участие в жизнедеятельности общества. И это происходит из-за разрыва одного "звена" общей "цепи". Этот ущерб мог быть нанесен в равной мере и от выбытия, скажем, армейского офицера, ибо потребуются дополнительные затраты государства, чтобы воспитать и обучить нового воина и т.п.

Но входят ли в величину заработной платы нашего работника дивиденды, причитающиеся его предпринимателю? Нет, они отчисляются сразу от вырученной стоимости реализованного товара, и их размер не находится в пропорциональной зависимости от величины индивидуальной заработной платы. Предприниматель "несправедливо" или "справедливо" по своему произволу берет себе "львиную" или "мышиную" долю прибыли, в обоих случаях "эксплуатируя" работника.

Однако никто не определил, какая величина дивидендов была бы справедливой и почему. Отсюда ясно, что такое определение понятия эксплуатации носит чисто этический характер (как нечто нехорошее) и поэтому не является научным. С другой стороны ясно, что именно эта несправедливость и является движущим стимулом буржуазной экономики: ведь если бы доходы распределялись справедливо, то есть были бы пропорциональны индивидуальным затратам (а значит, никто не имел бы никакой особой выгоды), то пропал бы всякий интерес к развиту экономики. Наш вывод относится, разумеется, к любой экономической системе. Ведь вполне справедливый социальный уклад, к счастью человечества, нигде и никогда не существовал и не существует.

Заработная плата директора социалистического предприятия может быть в 100 раз меньше, чем дивиденды, которые бы он получал, будучи предпринимателем. Поэтому, согласно логике теории эксплуатации, директор является меньшим эксплуататором, он есть меньшее зло, чем капиталист. Вот только продукцию, которую выпускает предприятие, руководимое ни в чем не заинтересованными людьми, быть может, вовсе нецелесообразно производить, ибо целесообразная полезность ее, как правило, много меньше, чем если бы она была произведена на капиталистическом предприятии.

Получается, что никем не эксплуатируемый социалистический работник всю жизнь трудился напрасно, труд его оказался бросовым, а результат труда морально устаревшим, так что не только труд, но и сама жизнь пропали даром. Никто на его труде не приобрел состояние, не нажил капитала, ибо его эксплуатировали вхолостую, как египетского раба на строительстве очередной пирамиды т.д.

Между прочим, существует предубеждение, что труд наиболее интенсивен, когда человек работает на себя, а не на других.

Но когда работник трудится на себя? Тогда, когда занят в подсобном нетоварном хозяйстве. Испытывает ли он в этом случае материальное или психологическое давление со стороны других? Нет, он не имеет конкурентов в эгоизме.

Если же работник производит товар, как собственник или в качестве наемного работника, он испытывает мощное давление своего заказчика, своего конкурента, своего государства или своего босса и т.п. Сама история говорит о том, что труд на других (вопреки имеющей место отрицательной тенденции) и производительнее, и качественнее,

и прогрессивнее, чем работа только на себя.

В связи со сказанным, остановимся еще на понятии "рабочая сила", введенным и определенным К.Марксом, как вид товара, которым торгует наемный работник и полезность которого состоит в том, что он приносит купившему его предпринимателю "прибавочную стоимость".

Мы, для большей наглядности, противопоставим рабочей силе наемного работника рабочую силу предпринимателя одиночки или кооператора, выполняющего работу для клиентов в виде услуг.

Это могут быть работы по ремонту электробытовых приборов, строительные работы с использованием материалов заказчика, частные услуги врача и т.п. Во всех подобных случаях предприниматель действительно является собственником своей рабочей силы (и ничего другого), он действительно продает ее на свободном рынке (по схеме: "один ко многим") по свободно сложившимся рыночным ценам, выступая в роли контрагента, равноправного со своим клиентом-заказчиком. В этом случае "рабочая сила" есть название товара услуг.

Но если лекарь пользуется своего рабовладельца, если крепостной строит дом своему феодалу, если, наконец, пролетарий вытачивает деталь для своего предпринимателя, то о какой товарности их труда может идти речь? Если бы наемный рабочий был собственником своего труда (а только собственник может располагать товаром), то он был бы и собственником выточенной "этим трудом" детали, которую мог бы продать (или не продавать) по свободным рыночным ценам, например, своему хозяину-капиталисту. На самом же деле пролетарий работает по схеме "многие к одному", получая за свои услуги, оказываемые капиталисту, некую долю наймоплаты, распределяемую предпринимателем между всеми работниками предприятия (ибо тот, кто управляет производством, управляет, тем самым, и распределением потребительских благ). При этом хорошо работающий работник может получать "за свой труд" повышенную плату, благодаря тому, что множество плохо работающих совместно с ним работников производят конечный продукт (так сказать, "справедливая несправедливость").

Если работник-предприниматель волен изменять цену своей "рабочей силы", согласно рыночной конъюнктуре, то наемные работники могут влиять на повышение наймоплаты только объединившись в профсоюзы и устраивая забастовки, т.е., отнюдь, не рыночными методами.

С другой стороны, если бы труд наемного работника был товаром, то за капиталистом остались бы функции торговца-посредника. Тогда в капиталистическом обществе все участники производства превратились бы в капиталистов, только одни стали бы более капиталистами, а другие - менее.

Вообще же идея равенства в любых ее формах (равноправие, равенство возможностей, равная плата за равный труд, равный экономический статус граждан и пр.) противоположна идее существования общества, как целостной структуры. Поэтому можно утверждать, что равенство суть антиобщественная идея, разрушающая общество и... обесценивающая, тем самым его, движение. Отсюда равенство есть необходимый отрицающий момент в общественном процессе. Напротив, любые формы неравенства, в том числе экономическая эксплуатация (что бы под ней ни понималось), являются структурообразующими, обще-

ственно-образующими моментами. Они суть то, что порождает индивидуальный и классовый интересы в их согласии и противостоянии и т.д.

Таким образом, учение об эксплуатации, сущность которого выражена в утверждении, что капиталист недоплачивает пролетарию то, что ему причитается, не может служить объяснительным принципом в политической экономии не потому, что оно "ошибочно", но потому, что это учение имеет чисто нравственные, а не гносеологические корни, то есть вовсе не имеет отношения к категории истинности.

Из сказанного совсем не следует, что производственные отношения в передовых странах капитализма достигли "гармонии" или, хотя бы, стремятся к ней. Мы ни в коей мере не склонны отказываться от констатации и анализа общественных противоречий /равно, как и природы общественной гармонии/, мы признаем существование экономических классов, но считаем необходимым отказаться от юридического учения о "краже рабочей силы" и его преемника - этического учения об "эксплуатации труда" в пользу нейтрально-объективных принципов исследования.

Конечно, природа общественных отношений находится на ином уровне рассмотрения, нежели видовая природа человека, так что мы не собираемся подменять исторические понятия биологическими, но разве это означает, что нам следует придерживаться эмоционально-морального принципа вместо безразлично-теоретического?

В плане изучения экономических противоречий следует, как нам думается, обратить внимание на то, что совокупный пролетарий /рабочий, инженер и пр./ наделен ограниченным правом пользования произведенной им потребительской продукцией, но вовсе лишен права распоряжаться произведенным им средствами производства. Здесь и заключена одна из ипостасей капиталистического способа производства.

Понятно, что критиковать общественную формацию, исходя из юридических или нравственных позиций - не дело исследователя. Но вовсе не очевидно, что сравнение экономических формаций в историческом разрезе требует предварительного принятия той или иной точки зрения /общественно-заинтересованной или независимой/ - в чем и состоит действительная трудность.

КАЧЕСТВО И МЕРА КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

По определению качественный анализ явления есть процесс абстрагирования от количественного момента, когда количественные отношения не изучены, когда не известна мера вещей. Качественный анализ реализуется, как известно, логическими приемами, тогда как количественный анализ - численными методами.

Качественный подход, как прием абстрагирования, является относительно простым и действенным средством исследования, но, если на нем безоглядно настаивать, он неизбежно приводит к ложным или бессмысленным результатам. (Здесь достаточно упомянуть апории Зенона, неразрешимые логически, но вполне решаемые средствами элементар-

ной алгебры или методами математического анализа).

Но обратимся к понятию меры. Прежде всего к мере следует отнести качественные градации в пределах одного понятия. Например, капитализм может иметь зачаточную форму, начальную стадию, развитый капитализм и т.д. Приведенная градация сугубо качественна, ибо каждый уровень представляет собой совокупность разнохарактерных моментов (технических, экономических, семейных, природных и др.), тогда как количественно сравнивать можно лишь однородные, узкопонятийные явления (цена товаров, прибыль предприятий и др.).

Таким образом, если при качественном исследовании ученый оперирует обобщенными понятиями, то измерительный подход предполагает расчленение сложных понятий на столь простые, что можно установить (задать, определить) единицы измерения - основу любых расчетов.

Скажем более того, возвращаясь к предыдущему: пока не определена мера взаимопревращаемых понятий, до тех пор не может быть уверенности в объективности наших представлений.

Например, физика обнаружила чисто количественные различия между качественно различными цветами радуги, найдя для этого меру цвета - длину световой волны. А нашла ли социология такую структурную единицу, с помощью которой можно было бы сравнить, измерить, например, капитализм и социализм?..

Для ответа на поставленный вопрос рассмотрим вначале в качестве аналоговой модели детский конструкторский набор, состоящий из перфорированных стержней и штифтов, с помощью которых эти стержни можно соединить в ту или иную конструкцию - насколько хватит фантазии. В этом случае вопрос ставится так: "Чем измерить различные конструкции?"

Попытаемся решить эту задачу. Если сравниваемые фигуры имеют одинаковое количество стержней и штифтов, то они тождественны по данной мере. Однако они могут различаться по другим мерам: по максимальному количеству стержней в одном узле, по степеням свободы модели, по максимальной нагрузке, приходящейся на стержни и т.п. Это объективный способ определения меры. Но можно дополнительно задаться некоторой целью, например, эстетичностью конструкции или степенью схожести с прототипом (поездом, пистолетом и др.).

В последнем случае для измерения, как правило, применяют оценку в балах, а измерительным инструментом служит интуиция.

Выяснив наши возможности на качественно простом примере, вернемся к проблеме сравнения общественных формаций.

Для этого введем целевое понятие - "степень необходимости выбора", или лучше - "степень проблемности", как необходимость принятия жизненно важного решения в ситуации возможного выбора.

Раб, как известно, лишен необходимости выбирать, /т.е. имеет нулевую степень проблемности/, так как за него все решает рабовладелец.

Крепостному присущи, на наш взгляд, две степени проблемности, так как, во-первых, ему нужно заботиться о своей семье и, во-вторых, ему нужно обрабатывать свой участок земли.

Социалистический рабочий имеет уже пять степеней проблемности: - забота о семье;

- выбор профессии;
- выбор места работы (ограниченно);
- выбор места жительства (ограниченно);
- выбор между исполнительской и партийно-государственной (влас-
тной) деятельностью.

Капиталистический рабочий имеет шесть степеней проблемности. По сравнению с социализмом добавляется выбор между наемным трудом и предпринимательской деятельностью.

Отметим, что в отличие от рабочего, солдат и заключенный тяготеют к рабидному типу, так как имеют нулевую степень необходимости выбора, а офицеры имеют всего две степени проблемности - забота о семье и продвижение по службе и т.д.

Так, простая постановка вопроса о мере общественной структуризации способна привести к выявлению глубинных социальных форм.

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ

Вопрос стоимости, вопрос цены товара есть часть проблемы товаро-оборота, а именно, вопрос о мере, о способах измерения товара как такового, вопрос о единицах измерения товара и т.п.

То, что товар измеряется в деньгах, или в стоимости - это отнюдь не плод теоретических изысканий меркантилизма, а, наоборот, объект экономической теории.

Мы хотим подчеркнуть, что рассматриваем способ измерения товара через его стоимость, как частный случай. Нас будет интересовать более общий вопрос возможных измерителей товара и отношений между ними.

Традиционно это вопросы связи стоимости товара как с объективными (натуральными) измерителями товара, так и с субъективными (трудовыми) измерителями. В разные времена осуществлялись малоуспешные попытки понять денежный измеритель товара сам по себе, как таковой, подобно тому, как измеряют массу тела или его длину. (Отметим по ходу дела, что такой измеритель стоимости, как валютный паритет на базе свободно конвертируемой валюты страны с устойчивой рыночной экономикой, имеется налицо, но он не вполне понят, еще недостаточно осознан как агрегатный критерий экономики, в отличие от классического представления о стоимости, как меры отдельного товара).

Товар, то есть выставленный на продажу продукт контакта человеческого труда и природы, представленный какой-либо вещью или действием, может иметь великое множество объективных, конечных, независимых от способа производства измерителей.

Это могут быть :

- штуки кирпича;
- твердость бетона по Бринеллю;
- квадратные метры полотна;
- джоули отпущенной электроэнергии;
- дни арендного пользования автомобилем;
- часы преподавания в школе;

-
- количество страниц в книге;
 - художественная ценность романа;
 - степень новизны спектакля и т.п.

Из сказанного видно, что с помощью объективных измерителей можно сравнить между собой товары некоторых видов в локальных группах. При этом, качественные измерители (например, художественная ценность романа) носят характер балловых оценок, что делает такой измеритель довольно условным.

А как измерить продукт труда ученого или артиста с уникальными способностями? Таким образом, этот подход лишен универсальности, присущей рыночным формам товарообмена.

Допустим, мы нашли единый измеритель для тракторов и капусты - шуги. Пригоден ли он для сопоставления товаров обоих видов в абсолютном выражении? Можно ли обменять на 100 кочанов капусты 100 тракторов? - Обменять, конечно, можно (а часто это вынужденный акт), но при этом будет нарушен цикл воспроизводства - именно тот фактор, который, как принято думать, является главной целью паритетного товарообмена. С другой стороны ясно, что поиски измерителя (любой природы!), который бы обеспечивал (в отличие от приведенного примера) самовосстанавливаемый товарообмен, есть ни что иное, как исследование момента стагнации в экономике, изучение ситуации, когда "все довольно", когда рыночные способы инициации экономики проигнорированы.

Такая экономика характерна, как известно, для социализма. В то же время, использование натуральных измерителей вполне

пригодно для сравнения разных групп товаров в динамике. Например, в текущем году соотношение между выпущенными тракторами и выращенной капустой было один к одному, а в предыдущем году - один к двум и т.д.

Помимо объективных измерителей, к группе "конечных" измерителей (то есть измерителей конечного состояния товара, каким он выставлен на продажу) относится приоритетность товара - качественный показатель, сопоставляющий потребность в товарах разного вида и служащий оценкой целесообразности покупок.

(Например, сопоставление ценности романа и потребности в кирпиче, необходимом для строительства дома).

Отметим, что приоритетность товара не имеет никакого отношения к степени его полезности.

Во-первых, признав объяснительные свойства этого понятия, мы столкнемся с проблемой "полезности" токсикомании, заказных убийств, проституции, изготовления оружия и т.д.

Во-вторых, причина и субстрат приоритетности/будь то польза или мода, или привычка, или престиж, или жизненная необходимость, или средство психологической разрядки, или.../, - это проблема конкретной экономики, а не основ политической экономики, имеющей иной уровень познания, свои задачи и свои трудности.

Итак, объективные свойства товаров не имеют общего измерителя, позволяющего сравнивать их по единому признаку.

Даже тогда, когда используется локальный измеритель, позволяющий сравнивать однотипные товары, он зачастую неоднозначен и по-

этому не достигает целей измерения.

Что же касается денежного измерителя, то он, обладая всеми признаками однородности (хотя бы в стране с замкнутой денежной системой), тем не менее, не может быть признан вполне однозначным: цена на товар одного и того же вида, как известно, варьирует по месту и времени продажи или, вообще случайным образом.

Мы обращаем внимание читателя на то, что не ставим перед собой задачи найти наиболее универсальный или наиболее точный измеритель товара, но хотим выяснить, благодаря чему и в какой мере эффективно действует тот весьма несовершенный механизм товарообмена, который реально существует.

Но самое удивительное состоит в том, что, несмотря на вышеуказанное нагромождение неопределенностей, не позволяющее постичь хозяйственные отношения, хозяйственный товарный механизм существует в том или ином виде со времен глубокой древности и при этом носит полезный, целесообразный характер.

Это вообще интересная проблема: "Почему жизнеспособность практики так мало зависит от степени ее теоретического постижения?" Ведь практическая деятельность есть рациональное действие! (То есть действие, зависящее от понимания природы явлений... или нет?) Разумеется, можно было бы сразу закрыть эту тему, вспомнив, что пчелы тоже (как и люди!) не разбираются в хитросплетениях пчелиной жизни, если бы отсюда не напрашивался очередной вопрос: "Если не в экономике, тогда где, в чем и не напрасно ли человек пользуется своим разумом?"

Для "непосредственно-необходимых" действий человеку требуется ума не больше, чем иным животным. (Почему для выполнения одного и того же действия человеку потребовалось бы больше ума, чем животному? Чем он хуже?!) Разум же позволяет моделировать то или иное событие и, благодаря этому, "прокручивать" свою мысленную модель быстрее, чем происходит реальное событие, предвидя, таким образом, более или менее отдаленный результат.

Вследствие этого человек изменяет свои действия (по сравнению с непосредственными действиями неразумных животных) так, чтобы результат был достигнут быстрее, с меньшими затратами труда, с меньшим риском для жизни и т.п.

Например, если человеку нужно вырыть землянку, то он, конечно, не станет разгребать ногами землю, но займется вначале совершенно отличным от прямой задачи делом - изготовлением лопаты и т.д.

Дальше, развивая предыдущую мысль, человек изобрел рыночные отношения, как он придумал лопату: вместо того чтобы непосредственно наброситься на пищу, рвать ее зубами, человек стал заниматься чем-то совершенно иным.

Теперь один выращивает коноплю (которую он вообще не потребляет в пищу), затем продает ее другому и на вырученные деньги покупает картофель, затем распределяет его между участниками труда и лишь после этого съедает свою долю и т.п. Товарпроизводитель не может сколь-либо точно оценить свой труд (а если бы мог, то не смог бы добиться признания этого от контрагента), однако, при всех колебаниях самооценки, ему выгодно (или он вынужден) совершить акт купли-продажи и реализовать, тем самым, механизм предвидения послед-

ствий, присущий ему, как человеку разумному.

Рассмотрим иной пример - развитие градостроения. Город, особенно древний, развивался, как известно, хаотично: каждый строил себе дом на свободном месте и т.п. Но когда город разросся, возникла проблема оптимизации транспортных маршрутов - проблема не вполне разрешимая для человеческого ума.

Человек собственным умом создал неподвластную ему ситуацию - вот какой напрашивается вывод. Вывод, хотя и парадоксальный,... но неверный, ибо в действительности наш город не был создан исключительно разумом. В процессе строительства человек пользовался мало осознанными, слабопонятыми идеями строительства, примитивной моделью городского планирования и, вообще, его личный преходящий интерес расходился с интересами потомков. Поэтому не следует ожидать, что проблемы большого города будут коррелировать с проблемой строительства землянки или отдельного дома.

Так и рынок: хотя он создавался человеческим разумом, но не только разумом, так что проблемы современного рынка (разрешимые и не разрешимые) - необходимое следствие его многовекового развития. Особая трудность в его изучении состоит именно в том, по нашему мнению, что он есть синкретизм разумных и неразумных (неосознанных) действий, в отличие от естественного объекта, который существует вполне независимо от человеческого сознания и воли.

После столь общих рассуждений обратимся к субъективной, "исходной" - трудовой характеристике товара, которая, как принято считать со времен У.Петти и А.Смита, Д.Рикардо и особенно К.Маркса, позволяет якобы понять механизм самовоспроизводства хозяйственной деятельности.

Предполагается, что если товары сравнивать (обменивать) по величине вложенного в них труда (каким бы способом его ни измеряли), то цикл их воспроизводства будет самовосстанавливаться. Если бы это было действительно так, то такая теория описывала бы вовсе не товарную, а квазитоварную экономику.

Увязка трудозатрат со стоимостью товара есть попытка смоделировать экономику "справедливого" распределения, теорию паритетного трудообмена, а не товарного рынка. Ведь если продукт труда обменивается на равноценный, то он, тем самым, лишается определяющего свойства товара - возможности свободной купли-продажи, зависящей только от сопоставления конечных свойств товаров. Если приоритет товара того или иного вида упал (товар устарел, ухудшил потребительские характеристики, не вписался в новую структуру потребления, надоел покупателю или оказался вредным для здоровья и т.п.), то он, вообще, может не быть куплен, а значит цикл его воспроизводства будет прерван даже при паритете стоимостей (имеется ввиду соотношение стоимостей различных товаров).

Итак, трудовая теория стоимости, как мы видим, есть теория продуктораспределения, но не теория товарообмена.

Рассмотрим эту проблему ближе. Если исходить из того, что стоимость не является вполне самостоятельной категорией, которая характеризует определенную сторону экономических отношений, если, вопреки логике науки, отказаться от понимания стоимости, как услови-

го понятия частного производства в условиях свободного рынка, то остается, разумеется, признать простое тождество двух понятий - стоимости и трудозатрат.

К измерителям трудовой деятельности относится, прежде всего, уровень психофизических усилий работника, возникающий как при непосредственном контакте с предметами труда, так и во взаимоотношениях со "смежниками". Этот показатель (методы измерения или идентификации которого наукой далеко не отработаны) включает, в нашем понимании, как сам процесс труда, так и санитарные и климатические условия работы.

Труд, в общем и целом, вредит здоровью человека и противен его природе именно потому, что непосредственно направлен на свой предмет, а не на самого человека. Лишь опосредованно (через рынок) и вопреки своей природе, труд может быть направлен (а может и не быть) на благополучие труженика.

В любой экономической системе, вне зависимости от типа общественной формации, интересы человечества требуют реализации противных ему интересов производства.

Но вернемся к измерителям труда. Как известно, помимо психофизической компоненты, измеритель труда включает параметры продолжительности изготовления товара и количества работников, занятых в его производстве.

Давайте определим, сколько труда во временном измерении было вложено в производство одного кирпича, выпущенного кирпичным заводом.

Чтобы изготовить один кирпич, необходим некий технологический цикл продолжительностью, скажем, в один час плюс 10 лет затраченных на разработку карьера, плюс три года затраченных на поиски этого карьера, плюс еще один год - на прокладку железной дороги, плюс и т.д.

Отметим еще, что оборудование, на котором сегодня изготавливают кирпичи, совершенствовалось несколько тысячелетий, считая с момента изобретения кирпича, а весь путь, пройденный человечеством до этого изобретения, был преддверием к нему.

Мы видим, что при определении трудозатрат не может быть речи о величине уже вложенного, "прошлого" труда /что было бы бессмысленно/, но вполне приемлемо понятие фиктивной величины будущего труда, необходимого для воспроизводства того или иного товара. Фиктивными мы называем их не только в том смысле, что эти затраты еще не наступили, но и потому еще, что оценить их можно лишь условно-приблизительно.

Но разве только эти и затраты должны быть учтены при определении стоимости кирпича, чтобы обеспечить его воспроизводство? Сюда должны быть включены, очевидно, и трудозатраты, которые никак не связаны с кирпичным производством - производство оружия, служба в армии, фундаментальные исследования и пр. Сюда также относятся затраты на развитие кирпичного производства (на научно-экспериментальные работы и пр.), которые также носят неопределенный характер.

Но и это еще не все - в стоимость кирпича следует, очевидно, вклю-

чить и совершенно фиктивный труд всего нетрудоспособного населения так, как если бы оно трудилось "на столько, на сколько оно потребляет" ...

Наши рассуждения показывают, что использование величины трудозатрат в качестве меры стоимости является в значительной мере искусственным и не адекватным даже природе социалистического распределения...

При свободных рыночных отношениях механизмом измерения товара, определяющим его стоимость, является сам рынок, для которого приоритетность товара первична, а труд, затраченный на его изготовление, вторичен.

Не труд есть мера стоимости, а стоимость товара есть мера, есть интегральный показатель относительной целесообразности и количества труда, вложенного в этот товар (точнее, труда, который следовало бы вложить в воспроизводство товара) по сравнению с "трудовыми" характеристиками иных товаров.

Мы постепенно подходим к мысли, что понятие товара не совпадает с самой продаваемой вещью. Товар - это не туфли на прилавке магазина и не какое-то свойство туфель, а те хозяйственно-торговые отношения между людьми, в которых эти туфли используются. Стоимость туфель вовсе не является их атрибутом, но выражает соотношение приоритетов между этими туфлями и другими предметами торговли.

Деньги - мера стоимости товара - дают юридическое право их владельцу на использование продуктов (результатов) труда других людей. Таким образом, экономические отношения не реализуемы без юридической компоненты. Более того, стоимость товаров носит также политической характер, ибо является мотивом внутриобщественной борьбы. Этим стоимость, как один из измерителей товара, коренным образом отличается от любых других его измерителей (штук, объема, длины и т.п.)

Деньги, как однородное средство, способны функционировать в пределах единой экономической системы (внутригосударственной или всемирной). Их однородность отражает однородность экономических отношений между товаропроизводителями и покупателями, но не связана с однородностью или различием вещей - носителей товарной функции.

Вообще говоря, мера стоимости ближе по своей структуре к разностной (градусной) шкале, чем к абсолютной (метрической), ибо смысл имеет только соотношение стоимостей, а не их абсолютные значения. Благодаря тому, что у стоимости нет абсолютного измерителя, оказалось возможным безболезненно отказаться не только от золотых (серебряных и пр.) денег, но и от золотого паритета вообще.

Отметим попутно, что преимущество золотых денег перед другими носителями стоимости состояло не в их дефицитности и не в аккумуляции в них больших трудозатрат по добыче золота, но в высокой "крутизне" кривой роста затрат труда на его добычу при "пологом" характере прироста добываемого золота.

Этот фактор делает невыгодным произвольное расширение объема золотодобычи, что обеспечивает стабильность денежной системы в малоподвижной экономике.

Скажем несколько слов об еще одной проблеме, прямо вытекающей

щей из "трудовой теории стоимости" и потому неразрешимой.

Речь пойдет о понятии абсолютной земельной ренты. Дело в том, что пользователь не своей земли /промышленник или земледельец, капиталист или работник-индивидуал и т.п./, иными словами арендатор, должен платить собственнику земли арендную плату. Это означает, что земля имеет рыночную стоимость, не будучи продуктом человеческого труда, что противоречит идее о трудовой природе стоимости. Чтобы объяснить это экономическое явление и было введено К.Марксом понятие абсолютной земельной ренты. Сам К.Маркс считал, что природа стоимости земли объяснима теми различиями, которые существуют между "органическими строениями капиталов" в промышленности и сельском хозяйстве /как будто аренда земли под предприятия, жилые дома и т.п. не должна оплачиваться/.

Современные последователи трудовой теории стоимости объясняют природу абсолютной ренты, как следствие "монопольной собственности" на землю. Логика всех подобных умозаключений сводится к тому, что некоторые виды товаров, не будучи продуктом труда, могут, тем не менее, иметь стоимость, благодаря тому, что большинство иных товаров являются продуктами труда.

Но это уже не теоретический, а эмпирический подход, ибо любое исключение в теории /будь то стоимость услуг, оказываемых адвокатом, стоимость отдельных экземпляров драгоценных камней или картин известных художников, не говоря о таком редком "исключении", как стоимость земли/ сразу же ставит под сомнение ее истинность или, по крайней мере, указывает на пределы применимости теории.

В заключение отметим, что все сказанное, по необходимости, не имеет отчетливых очертаний. Поэтому мы не будем делать вид, что природа рыночных отношений есть уже завершенная тема.

ПОНЯТИЕ СТОИМОСТИ В МОДЕЛИ СВОБОДНЫХ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Как бы мы ни старались понять стоимость самое по себе, мы вынуждены неявным образом моделировать область экономических отношений, в которой стоимость определена.

Понимая это, начнем изложение с построения экономической модели явным образом. Наша модель будет иметь несколько уровней хозяйственных отношений.

На одном уровне представлен рынок потребительских товаров, на другом - рынок средств производства, на третьем - рынок труда. /Рынок ценных бумаг и т.п. в нашей модели рассмотрены не будут/.

Первое предположение-ограничение, которое мы сделаем на пути построения модели, состоит в том, что стоимость средств производства есть производная функция стоимости предметов потребления. Поэтому вопрос о стоимости средств производства мы исключим из дальнейшего рассмотрения. /У нас и без того будет множество сложных проблем/.

Следующее предположение - рынки труда и предметов потребления свободны и независимы в нижеуказанном смысле.

Смоделируем теперь рынок труда. Пусть первоначально каждый работник, где бы он ни трудился, получает одинаковую с другими работниками заработную плату. Поскольку характер труда /по объему, по сложности, по напряженности, по уровню вредности и т.п./ и условия быта работников/климатические, культурные, жилищные, демографические и пр./ различаются между собой, постольку каждый работник будет стремиться, вообще говоря, к легкому труду и легкой жизни. Таким образом, мы погружаемся в сферу приоритетности труда, уравненной дифференцированной заработной платой и дифференцированными затратами на производственное и бытовое "обустройство" работников /т.е. содержанием дополнительного контингента работников, занятых этим обустройством/.

Отметим в качестве очередного предположения нашей модели возможность более или менее свободного /по своей воле!/ перемещения работников из одной сферы деятельности в другую, что обеспечено интересом предпринимателей в экстенсивном воспроизводстве капитала. Эта свобода перемещения создает конкуренцию предпринимателей на рынке труда, приводящую, как указывалось выше, к приоритетной дифференциации заработной платы и т.п.

Кроме того, отметим, что упомянутые вопросы объема, сложности труда, вопросы дифференциации бытовых услуг и пр. имеют самостоятельное значение и относятся к иному уровню рассмотрения проблемы, а именно, к области конкретной экономики.

Для нашей же модели политической экономии, способной послужить субстратом для определения понятия стоимости, важно лишь явление приоритетности на рынке труда, каковы бы ни были его причины и механизмы. Действительно, различие условий труда может быть увязано с определением величины стоимости, мы же определяем понятие стоимости.

Следующим ограничением модели является требование, чтобы все произведенные в единицу времени /например, за месяц/ потребительские /!/ товары были раскуплены, на что были бы истрачены /очередное требование/ все полученные за этот период деньги. То есть мы исходим из предположения, что механизм рыночного регулирования именно таков, что всегда обеспечивает тождество между суммой выплат и стоимостью товаров. Из этого, между прочим, следует, что нам безразлично, как будет изменяться номинальная величина всех выплат при переходе от одного производственного цикла к другому. Поэтому мы можем принять всю выплаченную в единицу времени сумму за "абсолютную" единицу.

Далее, поскольку аналитическое значение имеет не абсолютная величина заработной платы /а также величина дивидендов предпринимателей и т.п., что для целей нашего рассмотрения не играет роли/, а соотношение плат, определим среднюю заработную плату, как отношение всей суммы выплат к числу участников производства. Тогда стоимость труда конкретного работника может быть определена, как отношение величины индивидуальной заработной платы к ее среднему значению. Исходя из логики предыдущих рассуждений, примем среднее значение заработной платы за "среднюю трудовую" единицу. Это подчеркивает независимость величины стоимости от количества работ-

ников.

Таким образом, стоимость труда отдельного работника будет варьировать вокруг условной единицы.

Далее отметим, что существует теоретическая возможность /что мы намерены показать в теории воспроизводства/ точного определения стоимости товара определенного вида через сумму стоимостей различных видов труда, который должен быть затрачен на его воспроизводство. Будем в дальнейшем называть определенную таким образом стоимость произведенной стоимостью, в отличие от рыночной стоимости - денежных средств /в относительном измерении/, которые действительно были выложены покупателями за товар определенного вида в течении времени, равном времени его производства /то есть независимо от натурального объема!/.

Согласно предыдущему, вся сумма денег, затраченных в единицу времени, соответствует "абсолютной единице", а средняя стоимость товара, определенная, как отношение общих денежных затрат к числу всех видов проданных товаров, может быть сопоставлена со "средней товарной" единицей. При этом стоимость всего объема товара определенного вида, проданного в единицу времени, определим, аналогично предыдущему, в отношении к "средней товарной" единице.

В отличие от стоимости, ценой мы будем называть сумму денег, подлежащую выплате за единицу проданного товара определенного вида.

По определению цена есть частное от деления стоимости товара на количество товара, выраженное в натуральных измерителях.

Из этих определений должно быть ясно, что цена товара вовсе не коррелирует со стоимостью того же товара. Действительно, если сравнить динамику стоимостью и динамику цен на один и тот же товар, то при увеличении стоимости товара, его цена может или возрасти (если стоимость возросла за счет роста цены), или остаться неизменной и даже стать меньше (если стоимость возросла за счет большего количества проданного товара) и т.д.

Кроме того, ясно, что товары различного вида нельзя сравнивать по их ценам, ибо нет способа привести их к единому натуральному измерителю. Поясним сказанное примерами.

Можно сравнивать цены на тракторы одного назначения и класса, но отличающиеся одним единственным параметром - мощностью. Но нельзя сравнивать стоимость одного трактора со стоимостью кубометра масла. Ведь сразу возникает вопрос:

"Почему мы сравниваем трактор с одним, а не с двумя кубометрами масла?" Но вполне однозначным, а следовательно корректным, будет сравнение стоимостей всех тракторов и всего объема масла, проданных за один и тот же период.

Далее, должно существовать два взгляда на структуру товарных наборов - структура общерыночная, о которой мы уже говорили, и структура частнопотребительская (индивидуальная, заводская, отраслевая и др.).

Речь идет о том, что если на рынке в целом были куплены разные товары в количествах А, Б, В, Г..., то один покупатель приобрел 0.3А и 0.6Б, тогда как другой приобрел 0.7А, 0.2В и 0.4Г и пр.

С другой стороны, потребителю все равно, в каком соотношении он

заплатит за товары разного вида, если цены на них фиксированы и "корзина" приобретенных товаров его устраивает, но совсем иное дело, если цены свободны.

В последнем случае цены определяются конкуренцией покупателей.

Теперь покажем, как введенное нами понятие стоимости, связано с иными характеристиками товара, прежде всего, с понятием приоритета.

Приоритетность товара характеризуется уровнем номенклатурно-относительной и индивидуально-абсолютной потребности в товаре, насыщенностью рынка этим товаром, его ликвидностью, или способностью заменить один товар другим, пределом физиологической потребности в данном продукте, модой, полезными свойствами, престижностью, коэффициентом рекурсии, или повторяемостью покупок товара особого вида /для наркотических веществ и алкоголя/ и т.п. Все эти явления, поясняющие природу рыночной приоритетности, находятся на элементарном уровне рассмотрения. Напротив, взятая на функционально-интегрированном уровне, приоритетность товара отдельного вида вполне может быть определена через его рыночную стоимость, если конечно, отвлечься от временных характеристик продажи товара.

Другая сторона приоритетности товара - динамическая - характеризуется различной интенсивностью покупок для товаров разных видов.

Пусть количество товаров каждого вида уменьшилось в одно и то же малое количество раз, например, на 1%. Если бы все товары имели один и тот же приоритет, то их стоимость осталась бы прежней. В действительности же структура потребления должна измениться: одни товары, покупаемые более интенсивно, будут проданы полностью и по более высокой цене, чем ранее; другие не смогут быть выкуплены полностью, ибо не хватит денег вследствие вздорожания других товаров.

При прочих равных условиях приоритетность товара /и связанная с ней величина стоимости/ является монотонно изменяющейся функцией интенсивности покупок...

Интенсивность покупок, в свою очередь, можно определить через отношение времени, необходимого для реализации одного и того же объема товара при понижении цены на него, ко времени, за которое он был бы продан при неизменной цене.

Таким образом мы определяем стоимость через самое себя, что подтверждает мысль о существенной рекурсивности фундаментальных понятий. Поэтому можно сказать, что мы достигли своей цели.

Отметим еще, что в реальности не существует прототипа построенной нами модели экономики. Но разве существует в реальности инерциальная система - основополагающий принцип современной физики? Но законы природы, в том числе общественные законы, определимы только на моделях реальности, а не на самой реальности.

СОЦИАЛИЗМ. ДИРЕКТОРАТ И ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА

Под директоратом мы понимаем социальную группу - ведущий общественный класс социализма, включающий директоров промышленных и торговых предприятий, директоров совхозов, председателей кол-

хозов, председателей банков и т.п.

Социалистический директор выполняет функции социалистического собственника. Он владеет не вообще собственностью, но той формой собственности на средства производства, которая свойственна определенному строю- социализму. Директор владеет частью коллективной собственности - собственности коллектива директоров. В отличие от утверждения социалистической пропаганды, в Советском Союзе отсутствовала "общенародная собственность", отсутствовала "колхозная собственность", отсутствовала "производящая" собственность рабочих и крестьян, но существовала коллективная собственность директоров промышленных предприятий (разбитая по отраслевому признаку), собственность председателей колхозов и т.д.

Одновременно отдельный директор был собственником своего предприятия, но с ограниченными функциями распоряжения этой собственностью - ограниченной именно своими собратьями по классу. Поэтому важнейшие вопросы распоряжения собственностью - такие как приобретение или продажа (передача) основных фондов, капитальное строительство и т.п. - директор решал через посредство отраслевого министерства, то есть через институт директорского посредничества. Более того, в целях решения общезкономических вопросов - вопросов коллективного распоряжения и управления отраслевыми предприятиями - министерство само давало те или иные указания директорам, выделяя им соответствующие финансовые, материальные и людские ресурсы. Аналогично внутриминистерскому механизму существовал механизм владения и распоряжения общегосударственной собственностью в виде специального органа - комитета Госплана, "работающего" не с отдельными директорами, но с отраслевыми министерствами.

Интересно отметить, что директор, будучи социалистическим собственником, прежде всего, своего предприятия, не являлся по своему статусу организатором производства, то есть он был властителем, а не функционером.

Эта функция, как известно, была закреплена за главным инженером или иным должностным лицом. Производственная же функция директора - это функция наймодателя, распорядителя наемной рабочей силы.

В отличие от директора предприятия, использующего наемных работников и тем напоминающего предпринимателя, статус председателя колхоза, директора совхоза тяготеет к положению феодала-крепостника, поскольку крестьяне, обязанные трудиться в "своем" колхозе, по необходимости находятся в личной (внепроизводственной) зависимости от председателя.

Заметим, что директорат не является самовоспроизводящимся классом (каковыми были классы рабовладельцев, феодалов или буржуазии), то есть его собственность не переходит по наследству.

Напротив, воспроизводство руководящего класса происходит из широких масс населения.

Но на этом демократизм социалистического строя и заканчивается.

Вопросами обновления власти, так называемыми, кадровыми вопросами - вопросами формирования партийно-чиновничьей "номенклатуры", занимается специальный государственный кадрово-инспектиру-

ющий орган - Коммунистическая партия. Этот орган возник в результате метаморфозы дореволюционной коммунистической партии, которая была носителем одной из множества политических идей и существовала действительно как партия, наряду с другими политическими организациями. Став институтом власти, партия, правда, сохранила ряд политических признаков, выйдя одновременно за границы своего понятия и выродившись, таким образом, в государственную структуру.

Рекрутируя свои ряды изо всех слоев населения, и, прежде всего, из директорской среды (фактически слившись с директоратом), партия преследует цели политического развращения масс, обеспечивая тем самым для себя рабопослушную сферу управления.

В то же время, партия не только не является социально однородным образованием, но, напротив, есть построенное на почти военной дисциплине противостояние директората и наемного (а также крепостнически-колхозного) труда.

Деморализация партийных рядов носит двоякий характер и имеет аналоги в прошлом /вспомним принцип исторических инвариантов/.

Во-первых, это механизм морально-административного подчинения члена партии ее руководству, что делает эту систему, подобной институту средневекового вассалитета.

Во-вторых, это поклонение своим угнетателям на идеологическом уровне, что делает социалистический строй подобным теократическому. Вообще говоря, партийная система социализма функционально схожа со своим историческим предшественником - церковной инквизицией.

В заключение отметим, что необходимость института партии вовсе не означает, что без нее социалистический строй неминуемо распадется. Наоборот, простое функционирование социализма неминуемо порождает "партийную" форму власти. Отсюда следует, между прочим, что ликвидация партийной системы не означает полного краха социализма, но лишь служит предвестником его разложения.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Царская Россия и возникшее на ее месте социалистическое государство имели, как известно, многообразные формы общественного уклада в разных регионах обширной страны. Наша тема посвящена анализу политико-экономической сущности колхозного строя на европейской части территории России, в Белоруссии и на Украине.

Для выяснения преемственности общественных укладов мы вынуждены начать исследование с характеристики дореволюционной после-реформенной (1861г.) деревни, которой, как известно, были присущи следующие основные черты:

- прекращение крепостной зависимости крестьян от помещиков;
- наличие помещичьих земель, обрабатываемых наемными крестьянами;

- наличие сельских общин. Вся земля, закрепленная за общиной (и за которую она продолжала выплачивать выкуп) была поделена между членами общины и перераспределялась в связи с изменением численности семей. При этом кроилось общее поле - так называемая, череспо-

лосица. Произвольный выход из общины был искусственно затруднен;

- появление свободной сельской буржуазии - кулацких хозяйств на отрубях и хуторах (в основном после сталинских реформ);

- сельское население значительно превышало по численности горожан и поэтому кормило и одевало, прежде всего, само себя.

В этих условиях вполне товарный характер был присущ, главным образом, помещичьим и кулацким хозяйствам.

В результате Великой Октябрьской революции 1917 г. была проведена полная национализация земли, в результате которой помещичьи земли перешли в общинное владение, а кулаки из собственников земли стали ее простыми владельцами (они не имели права продать или расширить свои владения). Это мероприятие подорвало личный интерес производителя и, таким образом, автоматически снизило товарность сельскохозяйственной продукции. Так прошла первая волна отката к феодальным отношениям, несмотря на экспроприацию помещиков.

Вторая волна отката - образование колхозов в 1928-1933гг. - была обусловлена необходимостью восстановления и повышения товарности хозяйств в условиях преимущественно крестьянской страны.

Колхозы характеризуются следующим:

- чересполосица была ликвидирована, крестьяне были лишены права частного владения землей, права владения продуктивным скотом и сельскохозяйственными механизмами, а также права свободно распоряжаться результатами своего труда;

- отработки на государственном поле по типу старой барщины, стали условием владения жизненно необходимым семейным подсобным хозяйством;

- закрепление крестьян за колхозом. Право "свободного" выхода из колхоза (без передачи крестьянину средств существования) появилось только в 70-е годы, после введения общей паспортной системы. Такое же положение сохраняется и по сегодняшний день;

- дифференциальная рента, связанная с различным плодородием земель и др., стала поступать в доход государства. Таким образом, колхозы не могли быть заинтересованы в сохранении и улучшении плодородия земли;

- из-за создания искусственных ценовых "ножниц" на орудия труда, продаваемые государством колхозам, и на продукты сельского хозяйства, покупаемые государством у колхозов, большинство колхозов становятся постоянными должниками государства, как это имело место в отношениях между помещиками и общинами в дореволюционный период.

Коллективное хозяйство носит государственно-товарный характер, обеспечивающий централизованный вывоз сельхозпродуктов как из пригородных зон, так из удаленных от города районов, откуда индивидуальный вывоз весьма затруднен отсутствующей инфраструктурой.

Если бросить беглый взгляд на вышесказанное, то напрашивается вывод о высокой степени справедливости в сельскохозяйственных отношениях, что неминуемо влечет спад производительности труда и, в конце концов, ведет к распаду производственных отношений. В этой связи наш читатель способен дать справедливую оценку тому чувству умиления, с которым теоретики социализма (в том числе Энгельс, Гер-

цен, Чернышевский, Ленин) относились к сохранению общинного земледелия, как плацдарма исторического прогресса. Отсюда становится понятным, что истоки социалистических идей кроются в самих феодальных отношениях, являясь их отражением на философско-этическом и экономико-этическом уровнях, и потому, вопреки распространенному мнению, носят суто реакционный характер.

Правильно будет утверждать, что возникновение и развитие социалистических учений есть явление отката к прошлому в общественной науке, как это имеет место и в реальной жизни.

После распада Советского Союза, то есть в наше время, повсеместно в России, Белоруссии, на Украине был сделан первый шаг к разрушению колхозно-крепостнической формы хозяйствования - создание первых фермерских хозяйств. Это еще не начало капитализации деревни, ибо "фермер" - не частный собственник земли, но ее владелец и, как таковой, сам закрепощен на ней, так как лишен права продать свою землю. Более того, невозможность увеличить свои владения путем свободной купли земли не способствует появлению у крестьянина интереса к развитию хозяйства.

Другим буржуазно-прогрессивным моментом постсоциалистического периода является возникновение сельскохозяйственных бирж как института посредничества в товарообороте сельскохозяйственной продукции и пр.

Тем не менее, начавшийся процесс, судя по масштабности преобразований, будет, очевидно, носить затяжной и волнообразный характер.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

КНИГА, О КОТОРОЙ ХОЧЕТСЯ СПОРИТЬ.

Главным достоинством и недостатком рецензируемой работы является ее оригинальность. Как и всякое самостоятельное исследование, она отражает личность автора и тем самым порождает небезразличие к тексту и желание спорить.

Наиболее существенным признаком работы является попытка объединить в небольшом объеме всю систему воззрений о социуме - начиная от гносеологии и оканчивая политэкономией. Можно уверенно сказать о том, что автор излагает эскиз собственной философской системы. Появление подобных работ симптоматично - в наше время узкого философского профессионализма ощущается потребность в панорамных исследованиях социальности и человека, способных интегрировать разные области знания и давать целостное видение реальности.

Эвристически ценными, на мой взгляд, являются рассуждения автора о диалектике и полилектике. Могу согласиться и с тем, что мировоззрение есть не знание, а принцип, выступающий по своему познавательного-психологическому происхождению как вера. Мне импонирует также свободный, разомкнутый способ изложения, обращение к чувствам и образам.

Вместе с тем, в работе есть целый ряд моментов, вызывающих желание подискутировать с автором. Не могу согласиться с необходимостью введения понятия "тяжелая материя" рядом с категориями пространства и времени. Рассуждая о феномене религии, автор заявляет о ее выраженной социально-политической функции и фактически отождествляет ее с церковью, тем самым значительно сужая возможность постижения религиозного сознания. Бросается в глаза и привязанность автора /в его философских рассуждениях/ к стилю и принципам диалектико-материалистического учения, использование и модернизацию характерного преимущественно для него категориального и понятийного аппарата.

Но все эти моменты не снижают эвристический потенциал исследования и лишь оттеняют его авторскую неповторимость. Считаю, что работа вполне заслуживает публикации и может найти своего читателя - особенно среди ученых, пересматривающих свои мировоззренческие основания.

Хамитов Н.В.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Предисловие	4.
Вступительное слово редактора	5.
Введение	7.
Структура изложения	9.
Раздел 1. МЕТОДЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В СРЕЗЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ	10.
Наука как метод	10.
Антинаучность научного метода	10.
Раздел 1.1 ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ	12.
Исследование и конструирование	12.
Метод циклического возврата	14.
Метод преодоления невозможного	15.
Метод безразличия	20.
Метод акцентуации «трудных мест»	21.
Раздел 1.2 ЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ	23.
Эстетика науки	23.
Закономерность и закон	25.
Метод абстрагирования	26.
Метод мысленного моделирования	27.
Диалектика и полилектика	29.
Тень и черепаха	31.
Доказательство и закон	34.
Метод прогнозирования и выбор решения	35.
Метод неопределенности	37.
Метод классификации	38.
Метод сопоставления	39.
Раздел 2. СОЦИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ	41.
Начала и пределы	41.
Моделирование будущего	41.
Тождественность и иллюзорность мироощущений	46.
«Жизненная сила» и всемирный разум	48.
Бытие сознания	52.
Понятие о понятии	53.
Познание и активность	55.
Научный практицизм	56.
Критерий истины	60.
Авторитет критики	61.
Раздел 3. ФЕНОМЕН ВЕРЫ	64.
Мировоззрение и вера	64.
Вера и религия	65.
Религия и атеизм	66.

Вера и скептицизм	71.
Естественное чудо	73.
Гносеология религии	73.
Раздел 4. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ	75.
Причина и инерция в истории	75.
Процессы общественной структуризации	76.
Наука в историческом процессе	79.
Научные предсказания	80.
Общество разумных или разумное общество?	83.
Субъект желаний	86.
Воля и детерминизм в истории	89.
Чему учит исторический опыт?	91.
Раздел 5. ЭТИКА	93.
Ниша общественного поведения	93.
«Правда - вот бог свободного человека»	96.
Справедливость. За и против	98.
Смысл жизни, или к кому примкнуть	100.
Раздел 6. ПОЛИТОЛОГИЯ	103.
Власть и управление	103.
Марионетки истории	103.
Фатальная декларация	105.
Слабости сильной власти	107.
Нацизм и тоталитаризм	108.
Национализм и исключительность	110.
Произвол и договор	113.
Без войны	114.
Дезорганизация - момент развития	115.
Мирные фазы гражданской войны	117.
Раздел 7. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ	119.
Общественный посредник, или вавилонское столпотворение	119.
Концепция «параллельных миров»	121.
Власть собственности	123.
Моральная категория политической экономии	124.
Качество и мера как экономические категории	127.
Проблемы трудовой теории стоимости	129.
Понятие стоимости в модели свободных рыночных отношений	135.
Социализм. Директорат и партийная система	138.
Крестянский вопрос в Советском Союзе	140.
Послесловие. Книга, о которой хочется спорить	143.

Александр Леонидович Вугальтер

**ВАШЕ ОТКРЫТИЕ ОБЩЕСТВА,
ИЛИ
ФИЛОСОФСКИЙ ВОЯЖ**

Редактор Л.И.Файбушевич

Если Вы, наш читатель, обладаете быстрой сообразительностью и превосходной памятью, что позволило Вам легко усвоить книгу и даже запомнить детали, то Вам будет небезынтересно прочесть ее снова, дабы сопоставить первое впечатление с вновь сформировавшейся позицией.

Подписано к печати

Формат 60x84 1/16. Усл.печ.л. 10,23. Уч.-изд.л. 12,27

бумага офсетная №1

Отпечатано в типографии "March-A"

252042, Киев, ул.Раевского, 36

Издание авторское